

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИРЯ

ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

F. B. Uspenskij

Главный редактор

Ф. Б. Успенский

The Editorial Board

R. N. Krivko (*Austria*); I. Hristova-Shomova, A. Nikolov (*Bulgaria*);
M. Mihaljević, M. Kapović (*Croatia*);
V. Čermák (*Czech Republic*);
R. Marti, B. Wiemer (*Germany*);
A. Zoltán (*Hungary*); M. Garzaniti
(*Italy*); J. Schaeken (*Netherlands*);
E. I. Kislova, S. L. Nikolaev,
M. M. Makartsev, P. R. Minlos,
A. M. Moldovan, D. G. Polonski,
T. V. Rozhdestvenskaia,
A. D. Shmelev, A. A. Turilov,
B. A. Uspenskij, Rev. Michael
Zheltov (*Russia*); J. Grković-Major,
T. Subotin-Golubović (*Serbia*);
R. Romanchuk, A. Timberlake,
W. Veder, A. Zholkovsky (*USA*)

Редакционная коллегия

Р. Н. Кривко (*Австрия*); А. Николов,
И. Христова-Шомова (*Болгария*);
А. Золтан (*Венгрия*); Б. Вимер,
Р. Марти (*Германия*); М. Гарзанити
(*Италия*); Й. Схакен (*Нидерланды*);
свящ. Михаил Желтов,
Е. И. Кислова, М. М. Макарец,
Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский,
Т. В. Рождественская, А. А. Турилов,
Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев
(*Россия*); Я. Грекович-Мейджор,
Т. Суботин-Голубович (*Сербия*);
А. Жолковский, Р. Романчук,
А. Тимберлейк, У. Федер (*США*);
М. Михалевич, М. Капович
(*Хорватия*); В. Чермак (*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 13

№ 2

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754
DOI 10.31168/2305-6754

Свидетельство о государственной
регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-68309 от 30.12.2016

PKP Supported by:
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>

SHERPA/RoMEO blue journal

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Vinogradov Russian Language Institute of the RAS,
Moscow
T. I. Afanasyeva, Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS
E. I. Kislova, HSE University, Moscow

A. O. Burtseva, Russian State University for the
Humanities, Moscow
R. Marti, Saarland University, Saarbrücken
D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow
M. N. Saenko, Institute for Slavic Studies of the RAS,
Moscow

Managing Editors

T. I. Afanasyeva, A. O. Burtseva, E. I. Kislova

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, A. A. Troitskaya, M. S. Yakovleva

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, M. S. Yakovleva

English Language Copy Editor, Proofreader

A. A. Andreev

Layout Editor M. N. Tolstaya

Design (2012) I. N. Ermolaev

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва

Т. И. Афанасьева, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, Москва
Е. И. Кислова, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», Москва

А. О. Бурцева, Российский государственный
гуманитарный университет, Москва
Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен
Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва
М. Н. Саенко, Институт славяноведения РАН,
Москва

Редакторы выпуска

Т. И. Афанасьева, А. О. Бурцева, Е. И. Кислова

Технические редакторы

А. О. Бурцева, А. А. Троицкая, М. С. Яковлева

Литературные редакторы, корректоры
(русский язык) А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
М. С. Яковлева

Литературный редактор, корректор
(английский язык) А. А. Андреев

Верстка М. Н. Толстая

Дизайн (2012) И. Н. Ермолаев

Slovène = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 13. № 2. — Москва: Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. — 214 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ
“Современное Естествознание” и “Лаборатории ненужных вещей”.

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons “Attribution-NoDerivatives”
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2024

© Authors, 2024

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Статьи / Articles

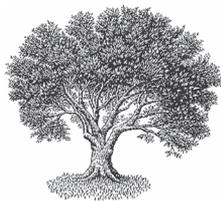
- 7 С. М. Михеев (Гейдельберг). *Загадочные буквы Ѩ . ꙗѢ . хѦль . ꙗѢ и Ѩ . Ѣ . ѨѢ . ѢѢ в перечнях черноризца Храбра. К уточнению состава глаголической азбуки*
S. M. Mikheev (Heidelberg). The Enigmatic Letters Ѩ . ꙗѢ . хѦль . ꙗѢ and Ѩ . Ѣ . ѨѢ . ѢѢ in the Lists of the Monk Hrabr. Clarifying the Composition of the Glagolitic Alphabet
- 48 А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский (Москва). *Сестра — жена — вдова: Феномен Аграфены Челядниной и ее семейства*
A. F. Litvina, F. B. Uspenskij (Moscow). A Sister—A Wife—A Widow: The Phenomenon of Agraфena Chelyadnina and Her Family
- 82 Е. В. Маркасова (Пекин). *Из истории гипербата в русистике*
E. V. Markasova (Beijin). On the History of Hyperbaton in Russian Studies
- 113 К. Ю. Лаппо-Данилевский (С.-Петербург). *«Снигирь» Г. Р. Державина: текстология и история создания*
K. Yu. Lappo-Danilevskii (St. Petersburg). Gavriil R. Derzhavin's *The Bullfinch*: Textual Criticism and History of Composition
- 135 П. А. Дружинин (Москва). *Как курско-орловский диалект стал основой русского национального языка (К истории дискуссии по языкознанию 1950 года)*
P. A. Druzhinin (Moscow). How the Kursk-Oryol Dialect Became the Basis of the Russian National Language (On the History of the 1950 Linguistics Debate)
- 157 М. В. Ермолова, Г. А. Мороз (Москва). *Отричастные -ши-формы в двух псковских и одном смоленском говорах: сопоставление подсистем*
M. V. Ermolova, G. Moroz (Moscow). Participial *shi*-forms in Two Pskov and One Smolensk Dialects: A Comparison of Subsystems

Публикации / Publications

- 184 Н. И. Петров (С.-Петербург). *Неизвестное стихотворение И. И. Дмитриева и основание Михайловского замка в Санкт-Петербурге в 1797 г.*
N. I. Petrov (St. Petersburg). Ivan Dmitriev's Unknown Poem and the Founding of St. Michael's Castle in St. Petersburg in 1797

Рецензии / Reviews

- 204 Т. И. Афанасьева (Москва). *Заметки об издании Синайских глаголических листков*
[Рец.: EUCHOLOGII SINAITICI PARS NOVA (monasterii sanctae Catharinae codex slav. NF 1). Herausgegeben von H. Miklas, E. Velkovska, M. Schnitter u.a. Sofia, 2023. (Glagolitica Sinaitica, Band IV)]
T. I. Afanasyeva (Moscow). Notes on the Publication of Sinai Glagolitic Fragments
[Rev. of: EUCHOLOGII SINAITICI PARS NOVA (monasterii sanctae Catharinae codex slav. NF 1). Herausgegeben von H. Miklas, E. Velkovska, M. Schnitter u.a. Sofia, 2023. (Glagolitica Sinaitica, Band IV)]

Загадочные буквы
 ѿ . ꙗѣ . хлѣ . тѣ и ш . ѣ .
 шѣ . мѣ . ѣ в перечнях
 черноризца Храбра.
 К уточнению состава
 глаголической
 азбуки*

The Enigmatic Letters
 ѿ . ꙗѣ . хлѣ . тѣ and ш . ѣ .
 шѣ . мѣ . ѣ in the Lists
 of the Monk Hrabr.
 Clarifying the
 Composition of the
 Glagolitic Alphabet

Савва Михайлович Михеев

Гейдельбергский университет,
 Гейдельберг, Германия

Savva M. Mikheev

Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg,
 Heidelberg, Germany

Резюме

Цель статьи — установление точного состава и порядка букв в конечной части глаголической азбуки. Основная часть работы посвящена анализу двух темных отрезков перечней букв в трактате черноризца Храбра. Это отрезки ѿ . ꙗѣ . хлѣ . тѣ в конце перечня букв, «подобных» (т. е. соответствующих)

- * Статья написана в рамках проекта Фонда Фритца Тюссена (Fritz-Thyssen-Stiftung) «Glagolitic in Rus': An Interdisciplinary Study of East Slavic Biscryptality». Я искренне признателен С. Кемпгену, Р. Н. Кривко, Т. В. Рождественской, В. Савичу и А.-М. Тотомановой за разностороннюю помощь. Отдельная благодарность Т. И. Афанасьевой, Дж. Дзифферу, Р. Марти и Анастасии К. Поливановой, прочитавшим работу полностью и высказавшим многочисленные ценные замечания на ее счет.

Цитирование: Михеев С. М. Загадочные буквы ѿ . ꙗѣ . хлѣ . тѣ и ш . ѣ . шѣ . мѣ . ѣ в перечнях черноризца Храбра. К уточнению состава глаголической азбуки // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 7–47.

Citation: Mikheev S. M. (2024) The Enigmatic Letters ѿ . ꙗѣ . хлѣ . тѣ and ш . ѣ . шѣ . мѣ . ѣ in the Lists of the Monk Hrabr. Clarifying the Composition of the Glagolitic Alphabet. *Slověne*, Vol. 13, № 2, p. 7–47. DOI: 10.31168/2305-6754.2024.2.01

греческим, и $\bar{\text{ш}}$. $\bar{\text{ѣ}}$. $\bar{\text{шѣ}}$. $\bar{\text{мѣ}}$. $\bar{\text{ѣ}}$ в последующем перечне букв «по словенську языку». В статье обосновывается, что $\bar{\text{хлѣ}}$. $\bar{\text{тѣ}}$ и $\bar{\text{шѣ}}$. $\bar{\text{мѣ}}$ — это отображения названий так называемых «второго х» и «второго ш», а $\bar{\text{и}}$ — это «третье и». Наличие в глаголице двух букв для звука [š] было доказано в ходе анализа азбучных акростихов в работах В. А. Мошина и Т. И. Афанасьевой, но ни название «второго ш», ни ее облик не были известны. Возможно, оригинальный облик этой буквы дошел до нас в составе глаголической азбуки в синайской рукописи Псалтири Димитрия. В итоге исход глаголической азбуки реконструируется следующим образом (в кириллической транслитерации названий букв): втѣ , пѣ , ци , чръвь , ша , ерѣ , * шѣдѣ или * шѣмѣ («второе ш»), * и («третье и»), ерѣ , ѣтѣ , * хлѣмѣ или * хлѣтѣ («второе х»), ѣсѣ , ю , ѣ . В статье также затрагиваются вопросы о заимствовании Константином Кириллом начертаний букв из других алфавитов, о закономерностях в названиях букв, о композиции глаголической азбуки.

Ключевые слова

глаголица, св. Константин Кирилл, черноризец Храбр, азбуки

Abstract

The purpose of the article is to establish the exact composition and order of letters in the final part of the Glagolitic alphabet. In the main part of the paper, the author analyses two unclear sections of the lists of letters in the treatise of the monk Hrabr. These are segments $\bar{\text{и}}$. $\bar{\text{пѣ}}$. $\bar{\text{хлѣ}}$. $\bar{\text{тѣ}}$ at the end of the list of letters *similar to the Greek ones*, and $\bar{\text{ш}}$. $\bar{\text{ѣ}}$. $\bar{\text{шѣ}}$. $\bar{\text{мѣ}}$. $\bar{\text{ѣ}}$ in the list of letters *proper to the Slavic language*. The article substantiates the argument that $\bar{\text{хлѣ}}$. $\bar{\text{тѣ}}$ and $\bar{\text{шѣ}}$. $\bar{\text{мѣ}}$ are the names of the so-called “second x” and “second š”, and that $\bar{\text{и}}$ stands for the “third i”. While analyzing alphabetic acrostics, Moshin and Afanasyeva proved the existence of two letters for the sound [š] in the Glagolitic alphabet. However, neither the name of the “second š” nor its appearance were known. The author considers it possible that the original appearance of this letter can be found in the Glagolitic abecedarium in the Sinaitic manuscript of the Demetrius’ Psalter. Ultimately, the author reconstructs the final part of the Glagolitic alphabet as follows (in Cyrillic transliteration of the letter names): втѣ , пѣ , ци , чръвь , ша , ерѣ , * шѣдѣ or * шѣмѣ (“second š”), * и (“third i”), ерѣ , ѣтѣ , * хлѣмѣ или * хлѣтѣ (“second x”), ѣсѣ , ю , ѣ . The article also examines the adoption and adaptation of letter shapes from other alphabets by its creator, patterns for naming letters, and the composition of the Glagolitic alphabet.

Keywords

Glagolitic, St. Constantine Cyril, monk Hrabr, alphabets

В данной статье рассматриваются состав, последовательность, названия букв глаголической азбуки, ее структура и другие актуальные вопросы, связанные с изучением первого славянского алфавита.

1. Введение

В §1 дается вводная информация. Специалисты, которым она хорошо знакома, могут сразу переходить к §2.

1.1. Общие сведения о глаголице. Поколениями славистов, среди которых необходимо выделить имена Р. Нахтигала, Ф. В. Мареша, В. А. Мошина и Б. Велчевой, достигнут значительный прогресс в реконструкции первоначальной глаголической азбуки¹, однако многие вопросы остаются пока без ответов.

Глаголическая азбука Константина включала, согласно сведениям трактата «О письменах» черноризца Храбра, 38 букв. В это число входили и две буквы для редуцированных гласных: ѿ, соответствующая в кириллице ъ, для звука [ǔ] и ѿ (ь) для [ǐ]. В дошедших до нас древних азбучных акростихах, оригиналы которых были написаны глаголицей, имеется по 36 стихов (или двустий).

В глаголических памятниках регулярно встречаются следующие 37 графем: гласные ѧ (= а в кириллице), э (е, ю), ж, ф и з (эти три буквы соответствуют кириллическим и и ї)², э (о), в (у), ж (у), ѿ (з), ѿ (ь), д (ѣ, ѧ), р (ю), ѿ (ѣ), ѿ (ѧ), зѧ (а, ѧ); согласные б (в), ч (г), ѧ (д), ж (ж), ѿ (з), з (з), л (л), к (к), л (л), м (м), н (н), п (п), р (р), с (с), т (т), ф (ф), х (х), ц (ц), ч (ч), ш (ш), ц (ц). В большинстве глаголических рукописей встречаем также ѿ (w) и ѿ в роли л (о другом значении этой же графемы см. ниже). Во многих памятниках дополнительно используются отдельные кириллические буквы, преимущественно ѿ, т и ф³.

Буква ѿ («второе х»), в науке традиционно зовущаяся «паукообразным хером», представлена, с одной стороны, в алфавитах и, с другой

¹ Подробный разбор см. в [Nahtigal 1923; Mareš 1971: 133–186] и особенно [Mošin 1973] (к сожалению, фундаментальные труды Нахтигала и Мошина игнорируются многими славистами). Сжатое изложение проблематики дано в работах [Велчева 1978; 2007; Marti 2004; MacRobert 2019]. См. также [Mihaljević 2020].

² В научной традиции принята искусственная транслитерация, в которой букве ж соответствует i, ф – i, а з – и.

³ В почерке А Киевских листков и в Пражских листках в роли ф встречается буква в виде ф с дополнительным кружком слева сверху [Tkadlčík 2000: 23–24], т. е. греческая буква ф в ее минускульном начертании (я признателен А. Ю. Виноградову за это соображение); то же начертание ф представлено в кириллической азбуке в граффито № 100 из Софии Киевской [Высоцкий 1976: 12–23, 268–269 (табл. III: 1–2)]. В болгарской эпиграфике глаголица и кириллица нередко смешиваются. Многочисленные кириллические буквы наряду с глаголическими находим также в хорватской Башкинской надписи (Bašćanska ploča) [Fučić 1982: 44–61].

стороны, в основном тексте двух рукописей — Ассеманиева Евангелия и Синайской Псалтири, где она выступает только в слове Ѡѡѡѡ (χλζμζ) ‘холм’⁴. Только в Зографском и Мариинском Евангелиях представлена графема ϵ в роли ѡ ; ее употребление ограничено формами Им. ед. действительных причастий настоящего времени на -ѡи (см. [Martí 1984: 131]). Только в Синайском абецедарии и — в цифровом значении — в Паремейнике Григоровича по одному разу встречается буква л. Название этой буквы дошло до нас в латинской записи в Парижском абецедарии, где оно имеет вид *pe*, что можно трактовать как отражение названия пѣ или пѣ (о дополнительном аргументе в пользу варианта пѣ пойдет речь ниже).

Наконец, две уникальных графемы свойственны каждая только одной рукописи: (1) ϵ в роли «назализатора» в сочетании +ѣ: +ѣѡѡѡ (Δεϛϛϛ ← Αγγαίος), +ѣѡѡѡ (Δεϛϛϛ), ѡѣ+ѣѡѡѡѡ (εβαϛϛϛϛ) — в Синайской Псалтири (см. [Fetková 2000]), (2) ѡ в роли ѡ в листке, опубликованном Н. Глибетич ([Glihetić 2015]).

В глаголице, вероятно с самого начала, были приняты диграфы: ѡѣ , ѡѣ и ѡѡ (ѣ и ѡ) для [i] и ѡѡ (ѡ , в лигатуре — ѡ) для [u]; ср. ѡ [ü] и ѡѡ [u] в греческом. В абецедариях диграфы не встречаются (если не считать лигатуру ѡѡ , иногда выступающую на месте ѡ), следовательно, они не входили в состав азбуки. Вероятно, не входила в него и лигатура ѡѡ (ѡ) для [q]. Буквы носовых гласных могли писаться и в виде диграфов — с отдельным знаком ϵ справа.

Обширная литература посвящена статусу буквы ѡ (ѡ), которая не встречается ни в древних абецедариях, ни в древних акростихах. По-видимому, эта буква не имела своего места в составе первоначальной глаголической азбуки⁵.

Начальные 27 букв глаголицы имели цифровые значения в полном соответствии с их азбучным порядком (в отличие от кириллицы, где использовалась греческая нумерация). По старославянским памятникам и восходящим к ним спискам цифровые значения глаголических букв устанавливаются следующим образом (см. табл. 1).

⁴ Подробнее о фиксации этой буквы см. [Kempen 2018; Михеев 2021: 255–256] (на наличие буквы ѡ в Христинопольском Апостоле XII в. впервые указала О. Б. Страхова — [Strakhov 2011: 33]).

В печатном тексте рецензии С. М. Кульбакина на книгу [Vajs 1932], явно без всякого намерения рецензента, научное название буквы ѡ преобразилось: «паукообразное x » стало «наукообразным» [Кульбакин 1935: 478, примеч. 1].

⁵ Ср. примеч. 14 ниже.

Таблица 1. Цифровые значения глаголических букв

	1×	2×	3×	4×	5×	6×	7×	8×	9×
1×	⦿ (Δ)	Ɱ (Б)	Ɱ (В)	Ɱ (Г)	Ɱ (Δ)	Ɱ (Е)	Ɱ (Ж)	Ɱ (З)	Ɱ (З)
10×	Ɱ «иже»	Ɱ «и»	Ɱ (А)	Ɱ (К)	Ɱ (Л)	Ɱ (М)	Ɱ (Н)	Ɱ (О)	Ɱ (П)
100×	Ɱ (Р)	Ɱ (С)	Ɱ (Т)	Ɱ (У)	Ɱ (Ф)	Ɱ (Х)	Ɱ (W)	Ɱ «пѣ»	Ɱ (Ц)

На одном развороте Синайской Псалтири в значении ‘10’ дважды используется не Ɱ «иже», а Ɱ «третье и» [Martí 2000: 62–63, примеч. 31].

Использование буквы л «пѣ» в значении ‘800’ засвидетельствовано кириллическим Паремейником Григоровича⁶, что подтверждается и ее положением между Ɱ (w, ‘700’) и Ɱ (ц, ‘900’) в Синайском (*Sin. slav.* 3/N, л. 1₂₄, см. рис. 2 ниже) и Мюнхенском алфавитах (подробнее об этих памятниках см. § 3), а также позицией строк, начинающихся со слов Песнь и Пѣваль, в древних азбучных акростихах. После утраты буквы «пѣ» ее место в цифровом ряду заняли другие буквы из заключительной части азбуки⁷.

В хорватских и боснийских текстах XIV в. и более позднего времени буквы после Ɱ (ц) стали использоваться в значении цифр для тысяч (подробнее см. [Koch 2004]). По предположению Н. С. Трубецкого [Trubetzkoy 1936: 254; 1954: 18]⁸, эта ситуация может восходить к первоначальной глаголице, где мог существовать полный ряд букв для обозначения тысяч. Наличие в древних азбучных акростихах только 36 строк, четыре раза по девять, как будто бы может служить подтверждением гипотезы о существовании тысячного ряда, однако, как многократно отмечалось, согласно указанию Храбра, в азбуке, созданной Константином, было 38 букв, а стихи на *Z и *B в акростихах закономерным образом отсутствуют (ср. § 1.2 ниже).

Каждая буква, входившая в первоначальный состав глаголической азбуки, по-видимому, имела свое индивидуальное название, подробнее о чем еще пойдет речь ниже.

Необычный облик букв глаголицы с обилием кружков, дужек и треугольников вызвал двухвековую дискуссию о том, из каких известных

⁶ *Григ. 2*, л. 28^v₃₂. На данную необычную букву в кириллическом тексте указал Нахтигал [Nahtigal 1948: 10]. Ср. [Mathiesen 2014: 195].

⁷ По замечанию Ю. Фуксбауэра, нельзя исключать, что буква л «пѣ» использовалась только в цифровом значении [Fuchsbaauer 2015: 236].
О цифровых значениях букв см. также [Martí 1999b; Martí, Veder 2000: 235; Veder 2004: 377; Mathiesen 2014: 194–197].

⁸ Ср. также [Horálek 1954: 40].

ему алфавитов мог черпать эти начертания Константин Философ⁹. Точку в этой зашедшей было в тупик дискуссии, как кажется, поставило наблюдение Г. Чернохвостова [Tschernochvostoff 1995: 146–147]: в глаголическом алфавите, начинающемся с креста — буквы Ѧ (а), пара зеркальных букв Ѣ (с) и Ѥ (второе и , название — «и», цифровое значение — ‘20’) используется для записи сакрального имени ѢѤ — ѢѤѢѤ (исоусъ). Нет никаких сомнений, что буквы Ѧ , Ѥ и Ѣ были созданы Константином первыми или одними из первых и лежат в основе глаголической азбуки¹⁰.

Развивая концепцию Чернохвостова, Б. А. Успенский [2005] указал на то, что вторая пара зеркальных букв глаголицы, Ѧ (в) и Ѣ (д), нужна для записи имени ѢѦѢѢ — ѢѦѦѢѢѢѢ (Давидъ)¹¹, как и, добавим, для записи слова ѦѢѢѢ (вѣдѣ) — названия одной из двух этих букв.

Значительная часть остальных графических сходств между глаголическими буквами обусловлена их фонетическими связями. Наиболее явственно это заметно в ряду Ѣ (o [o]) — Ѥ (ѣ [ǔ]) — Ѣ (ь [ǐ])¹² и в ряду букв-диграфов для носовых гласных: ѦѢ (ѣ , произносился как [o]), т. е. [o] с носовым призвуком), ѦѤ ([jo]) и ѢѢ (ѣ [e] и [jɛ]), последняя из которых включает в себя Ѣ (е). В паре согласных для букв ѤѢ (ѣ [d̥z]) и ѢѤ (ѣ), по предположению П. Й. Шафарика, выступает один и тот же знак, повернутый на 90°: ѤѢ ѢѤ [Šafařík 1853: 13]¹³. На единой основе построен и ряд графем для заднеязычных согласных: ѢѢ (к), ѢѤ (х), ѢѢ (г). Возможно, к этой же группе относится и буква ѢѢ (ѣ [g’]): ѢѢ в ее древнем варианте с кружком слева — это ѢѢ , повернутая на 90° против часовой стрелки

⁹ Подробнее об истории вопроса см. [Ягич 1911: 51–117; Vajs 1932: 22–36; Žagar 2013: 56–113; 2021: 71–161].

¹⁰ См. также [Žagar 2013: 93–99; 2021: 130–140].

Здесь следует указать на несправедливость критического замечания О. Б. Страховой о якобы этимологической неверности записи ѢѢ . Как указывает исследовательница, в Сборнике Клоца представлена почти только «этимологически верная» запись этого слова с начальным Ѣ или Ѧ , из чего она делает вывод, что Сборник Клоца отражает первоначальное состояние [Strakhov 2011: 6–9]. В этом рассуждении исследовательница исходит из ошибочного представления о соответствии глаголических букв Ѣ и Ѧ греческой букве «йота», а Ѥ — «эта». Судя по порядку букв в азбуке, Ѣ «иже» напротив должна соответствовать «эте», а Ѥ «и» — «йоте». Представление Страховой, возможно, является результатом недопонимания устоявшихся в эдиционной практике принципов транслитерации глаголических текстов.

¹¹ Впрочем, как отмечает Страхова, имя пророка Давида пишется так достаточно редко [Strakhov 2011: 9–11].

¹² Как видно уже из этого ряда, кружки имеют не декоративное, а смысловозначительное значение в начертании глаголицы; то же можно увидеть в парах: ѦѢ (в) — ѢѢ (ц) и ѢѢ (г) — ѢѤ (х) (ср. [Tkadlčík 2000: 14]).

¹³ Ср. также внешнее сходство ѢѢ (д) и ѢѢ (т) [Велчева 2005: 112].

[Велчева 1971а: 186; 1973: 112]: . Как указала Велчева, перед нами подтверждение дублетности 𐤅 и 𐤆 и — тем самым — первичности звукового значения $[\text{g}']$ для 𐤆 ¹⁴.

Наибольшее внешнее влияние на графику букв глаголицы, по-видимому, оказал самаритянский алфавит. Точное соответствие особенностей начертания глаголических букв 𐤅 (б), 𐤆 (в) и 𐤇 (ш) их самаритянским прототипам 𐤅 «мим»¹⁵, 𐤆 «ий» и 𐤇 «шан», близкое сходство буквы 𐤈 (к) с ее аналогом в древнееврейском письме — ק «коф»¹⁶, а также подобие 𐤉 (ц) и 𐤊 «цади» — обосновал В. Вондрак [Vondrák 1896: 546, 553–556; 1897: 173–174, 179–180], развивший наблюдения Шафарика¹⁷. Возможно, Константин сознательно использовал самаритянские начертания по причине меньшей распространенности этой азбуки по сравнению с древнееврейской¹⁸.

¹⁴ Впрочем, следует указать на две альтернативные гипотезы о происхождении и значении буквы 𐤆 . В. Вондрак возводил ее к самаритянской букве 𐤆 «йут» [Vondrák 1897: 176–178], а Н. Н. Дурново выдвинул предположение о первоначальном использовании буквы 𐤆 для записи рефлекса $*dj$. На несостоятельность предположения Дурново указывали Велчева, А. С. Львов и Мошин [Велчева 1969: 372; 1973; 2005: 114; 2007: 111–113; Львов 1971: 50–54; Mošin 1973: 25–27]; ср. также [MacRobert 2019: 114; Афанасьева 2024: 22–24]. Окончательно гипотеза об использовании 𐤆 для рефлекса $*dj$ пала после обнаружения Синайского алфавитариона, в котором представлена буква л «пф». Как тогда выяснилось, эта графема была известна и прежде — в кириллическом Паремейнике Григоровича, о чем уже шла речь выше. В гипотезе Дурново буква «пф» играла важную роль: он отождествлял ее с 𐤆 (ц), которую трактовал как древнюю графему для рефлекса $*ij$ — в пару к 𐤆 для рефлекса $*dj$ [Дурново 1929/2000: 575–579, 604, 609].

¹⁵ Глаголическая 𐤅 (б), сходная по внешнему виду с древнееврейской ב «бет» и самаритянской 𐤅 «бит», полностью повторяет облик самаритянской буквы 𐤅 «мим», обернутой ее началом (т. е. правым боком) влево [Vondrák 1897: 173–174]. Ср. букву μ в начале греческого буквосочетания $\mu\lambda$ для записи звука $[\text{b}]$ (кстати, греческое курсивное «мя», как и «мим», восходит к финикийской букве «мем», которая в греческом как раз оказалась обернута началом влево; на сходство 𐤅 с минускульными лигатурами на основе μ указывал уже В. Ягич [1911: 87, 90], безапелляционно возводивший начертания глаголицы к греческому минускулу, развивая наблюдения И. Тейлора).

¹⁶ Буква 𐤆 (к) — единственная буква глаголицы, которая, подобно ק «коф», пишется с разрывом: 𐤆 .

¹⁷ Ср. также глухое упоминание В. И. Григоровича [1852: 158] о сходстве глаголических знаков с самаритянскими.

¹⁸ Еврейское, самаритянское и «русское» (т. е., согласно А. Вайану, сирийское, см. [Vaillant 1935]) письмо Кирилл, согласно Пространному житию, изучил в Херсонесе во время своей хазарской миссии. Прекрасное знание Кириллом еврейского и самаритянского письма еще раз подчеркивается в рассказе жития о прочтении им надписей на чаше Соломона в столичном соборе Святой Софии.

Наблюдения Вондрака в будущем, несомненно, должны быть проверены с точки зрения современной суммы знаний о палеографии памятников самаритянской и древнееврейской письменности IX в.

Сказанное позволяет отбросить сомнения в том, что облик древнейшей глаголицы мало отличался от округлой глаголицы дошедших до нас рукописей¹⁹.

Вторая славянская азбука, кириллица, в отличие от весьма своеобразной на вид глаголицы, — это греческий алфавит с дополнительными буквами, часть из которых по начертанию близка к глаголическим, но избегает орнаментальных петель. Полностью совпадает в двух славянских азбуках лишь одно начертание — ш. Именно эта буква и помогает ответить на вопрос о первенстве. Как заметил Вондрак, в нескольких глаголических рукописях буква ш пишется в верхней части строки, как и в самаритянском письме, откуда она, по-видимому, и была заимствована [Vondrák 1896: 553–554]. Отсутствие этой особенности в кириллице свидетельствует в пользу ее вторичности по отношению к глаголице.

1.2. Основные источники о составе глаголической азбуки. Наиболее ценными источниками по интересующим нас вопросам кроме самих древних глаголических рукописей являются древние записи глаголической азбуки, стихотворные молитвы с азбучным акростихом, восходящие к оригиналам конца IX — начала X в., и перечни букв в трактате «О письменах» черноризца Храбра. И азбучные акростихи, и трактат Храбра дошли до нас только в кириллических списках. Трактату «О письменах» будет посвящен § 2, а здесь будут кратко охарактеризованы абecedарии и акростихи.

Дошедшие до нас глаголические абecedарии следует поделить на аутентичные, составленные людьми, знавшими глаголицу, и неаутентичные. К аутентичным относятся Преславский абecedарий X в., доведенный только до буквы р (п), Синайский абecedарий в рукописи XI в., хорватский Рочский абecedарий XII–XIII вв. (с лакунами), а также поздние полные хорватские абecedарии. Наибольшее значение имеет

Высказывались и иные предположения о конкретных источниках графем глаголицы. Наиболее правдоподобным выглядит следующее сближение. Глаголическая буква ѡѣ (ж) напоминает коптскую букву ⲕ «джанджа», использовавшуюся для [dʒ]. Это обстоятельство было замечено независимо разными исследователями: [Фортунов 1913: 4–6; Wessely 1913: Autogr., S. 18] (ср. также [Ягич 1911: 105]). Верхняя часть ѡѣ имеет вид х в древнерусских Погодинских кириллическо-глаголических листках XII в. (*Погод. 68*, об этой рукописи см. [Пјинскиј 1929; Тогоманова 2003]), где эта буква встречается многократно. Впрочем, это сходство может быть и случайным.

¹⁹ Подробнее о наиболее распространенной альтернативной концепции В. Йончева и его последователей см. [Žagar 2013: 99–113; 2021: 140–161]. О концепции И. И. Шевченко см. [Strakhov 2011].

Синайский абecedарий — азбука на первом листе Псалтири Димитрия Синайского²⁰.

Из неаутентичных абecedариев следует выделить ранний так называемый Мюнхенский абecedарий, на свободной части листа рукописи X в. (см. хорошо иллюстрированную публикацию [Kemrpen 2007]). Давно замечено, что писец Мюнхенского абecedария не знал славянских букв и исказил облик многих из них, например, ц и ж в кириллической части, э в глаголической части²¹.

Парижский абecedарий, или *Abecenarium Bulgaricum*, из латинской рукописи XI в., хранившейся в Париже и потерянной в XIX в. (подробнее см. [Kemrpen 2020]), содержал 31 глаголическую букву и 31 название латинскими буквами. В наиболее важной для нас конечной части азбуки Парижский абecedарий содержит многочисленные ошибки, часть из которых могла возникнуть еще в протографах парижского списка. Между тем этот источник ценен наличием в нем названий букв, включая *pe*, то есть «пѣ» или «пе», сохранением «второго х» или «паукообразного хера», почти полным отсутствием сбоев порядка названий букв.

Существует около полудюжины древних азбучных акростихов, восходящих, судя по составу начальных букв стихов, к глаголическим оригиналам. Наибольшее значение из них имеют пять: (1) Азбучная молитва Константина Болгарского *Азъ словомъ симъ молюса богоу...*, которая сохранилась в ряде списков, начиная с древнерусской рукописи Учительного Евангелия *ГИМ, Син. 262* XII в., где акростих занимает л. 1–3 рукописи; (2) акростих *Азъ тебе припадаю милостиве...*, наиболее известный по списку в составе Ярославского часослова XIII в. (*Яросл. 15481*, л. 207–210, подробнее о нем см. [Андреев, Афанасьева 2023: 121–126; Афанасьева 2024]); (3) стихиры на предпразднство Рождества Христова *Ангельскъна прѣдъидѣте силы...*, (4) стихиры на предпразднство Богоявления *Адааме гради и ликоуи ...*, (5) стихиры на поспразднство Богоявления *Адамово прѣстѣплениѣ владъико ...* (см. [Иванова-Константинова 1971; Попов 1982: 9–12, 14–15; 1985: 45–50; 2003а; 2003b, с указанием литературы]).

Перечисленные акростихи позволяют реконструировать единый состав и порядок из 36 букв, на которые начинались их строки. Это были буквы а, б, в, г, д, е, ж, з, з, и, и₂, љ, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, о₂, п₂, ц, ч, ш, ш₂, и₃, љ₂, х₂, љ₃, ю, љ₄.

²⁰ См. обзоры абecedариев: [Marti 1999a; Žagar 2013: 144–157; 2021: 207–224].

²¹ Подробнее о Синайском и Мюнхенском абecedариях пойдет речь в § 3.

Состав и порядок букв в конечной части акростихов ставил в тупик многих исследователей. В целом можно выделить два пути объяснения наличия между $\dot{\text{ш}}$ и $\dot{\text{ѣ}}$ второго $\dot{\text{ш}}$ и третьего $\dot{\text{и}}$: один предполагает, что второй стих на $\dot{\text{ш}}$ и третий стих на $\dot{\text{и}}$ по неясной причине выполняли роль маркеров тех позиций, которые в азбуке занимали редуцированные [Nahtigal 1943: 65–66], второй же путь постулирует одновременно наличие и «второго $\dot{\text{ш}}$ », и «третьего $\dot{\text{и}}$ » в древней глаголической азбуке и пропуск в акростихах редуцированных как звуков, невозможных в начале слова [Mošin 1973: 31; Афанасьева 2024]. Забегая вперед, отмечу, что первый путь объяснения плохо вяжется с тем, что «второе $\dot{\text{ш}}$ » и «третье $\dot{\text{и}}$ » обнаруживаются и в акростихах, и в других источниках, включая и алфавиты.

1.3. План работы. В научной литературе дискуссионным является ряд общих и специальных вопросов: входили ли в азбуку буквы $\dot{\text{ѣ}}$ («третье $\dot{\text{и}}$ »), «второе $\dot{\text{ш}}$ » и некоторые другие; как объясняются названия некоторых букв; как следует реконструировать исходные чтения для темного места $\dot{\text{и}}$, $\dot{\text{пѣ}}$, $\dot{\text{хлѣ}}$, $\dot{\text{тѣ}}$ и для темного места $\dot{\text{ш}}$, $\dot{\text{ѣ}}$, $\dot{\text{шѣ}}$, $\dot{\text{мѣ}}$, $\dot{\text{ѣ}}$ в перечнях букв в трактате «О письменах» черноризца Храбра. Ниже, в § 2–3, рассматриваются частные вопросы о темных местах Храбра и о «втором $\dot{\text{ш}}$ », в § 4 дается общий взгляд на структуру глаголической азбуки, а последний § 5 посвящен проблеме функций дублетных букв.

2. Темные места в перечнях черноризца Храбра

2.1. Общие сведения об источнике. Трактат «О письменах» по прямому свидетельству его автора, черноризца Храбра, был написан тогда, когда еще были живы те, кто видели Константина Кирилла и Мефодия²². Из текста однозначно следует, что Храбр не был знаком с кириллицей (подробнее см. [Tkadlčik 1964b])²³. Если упоминание болгарского царя в

²² Или даже когда еще были живы свидетели создания азбуки Константином, как трактует начальный пассаж трактата Дзиффер (устное сообщение). Ср. [Tkadlčik 1985: 107–108].

Следуя традиции, я условно называю автора Храбром, хотя нельзя исключать, что слова *чръноризць хрѣврѣ* надо понимать как ‘смелый монах’. Косвенным доводом в пользу версии о том, что это личное имя, может служить наличие сходного по структуре имени у наследника Мефодия на епископской кафедре — Горазда, от прилагательного *горѣздѣ*.

²³ Данного обстоятельства не учитывает Х. Лант, согласно гипотезе которого и глаголица, и кириллица созданы на основе «константиницы», выглядевшей как недоработанная кириллица: с дополнительными по отношению к греческим буквами $\dot{\text{в}}$, $\dot{\text{ж}}$, $\dot{\text{з}}$, $\dot{\text{ц}}$, $\dot{\text{ч}}$, $\dot{\text{ш}}$, $\dot{\text{ѣ}}$, $\dot{\text{ѡ}}$, $\dot{\text{Ѹ}}$, но без букв $\dot{\text{Ѡ}}$, $\dot{\text{ѡ}}$, $\dot{\text{Ѣ}}$, $\dot{\text{Ѥ}}$ и т. д.; при этом «константиницу» и глаголицу Лант приписывает творчеству Константина [Lunt 2000].

заключительных строках трактата не является интерполяцией, то произведение следует отнести ко времени после приезда учеников Кирилла и Мефодия в Болгарию. Все эти обстоятельства позволяют датировать трактат «О письменах» 880-ми — 900-ми гг., предпочтительно — первыми годами после прибытия учеников первоучителей в Болгарию.

Текст Храбра, дошедший до нас в многочисленных кириллических списках, содержит несколько темных для толкования мест²⁴.

Перечень букв, который имеет принципиальное значение для реконструкции древнейшего вида глаголицы, сохранился в наиболее исправном виде в Московском и Соловецком списках трактата²⁵. В Московском списке он выглядит следующим образом: Се же | сѣть писмена словенскаа . Сице ѡ подобаеѣ писати и глашати . \bar{a} . \bar{b} . \bar{v} . \bar{d} . \bar{x} . | \bar{w} си сѣть . \bar{kd} . \bar{pw}° бна гречьскимь | писменемь . сѣт же си^и . \bar{a} . \bar{v} . \bar{r} . \bar{d} . \bar{e} . | \bar{z} . \bar{i} . \bar{i} . \bar{k} . \bar{l} . \bar{m} . \bar{n} . \bar{o} . \bar{p} . \bar{c} . \bar{t} . \bar{ou} . \bar{f} . | \bar{x} . \bar{w} . \bar{i} . \bar{p} б . \bar{x} лв . \bar{t} б . \bar{a} . \bar{r} . \bar{i} :- По | словенскѡ азыкоу . си . \bar{v} . \bar{z} . \bar{z} . \bar{l} . \bar{c} . \bar{v} | \bar{w} . \bar{z} . \bar{w} . \bar{m} б . \bar{z} . \bar{b} . \bar{w} . \bar{w} . \bar{a} (МДА 145, л. 381₅₋₁₃). Испорченное чтение \bar{a} . \bar{b} . \bar{v} . \bar{d} . \bar{x} по другим спискам восстанавливается как \bar{a} . \bar{b} . \bar{v} . до . \bar{a} . Судя по данным азбучных акростихов и по чтению Соловецкого списка, вместо \bar{ou} в архетипе нужно восстанавливать \bar{u} . Повторные \bar{v} и \bar{l} в начале перечня «по словенску языку» объясняются путаницей внешне сходных букв: буквы \bar{b} с \bar{v} и буквы \bar{a} с \bar{l} ²⁶. Чтение \bar{a} . \bar{r} . \bar{i} в конце перечня букв, «подобных»

²⁴ Загадочное сообщение Храбра о «чертах и резах» язычников разъяснено Дзиффером [2017]: оно является рецепцией трактовки этимологии слова *γράμματα* Дионисием Фракийским, автором трактата «Грамматическое искусство». См. также [Cleminson 2022; Ivanova 2024: 195–197].

²⁵ Общий протограф Московского списка МДА 145 и Соловецкого списка Сол. 913/1023 восходит к архетипу всех дошедших до нас списков трактата (благодарю Дж. Дзиффера за консультацию по данному вопросу). См. также [Ziffer 1993; Marti 2023: 85–87].

²⁶ Подробнее о кириллическом \bar{a} , известном по древнерусским, сербским и боснийским памятникам с XII в., см. [Гиппиус, Михеев 2022: 59–60, 72–73]. Путаница \bar{a} с \bar{l} заставляет сказать несколько слов о странном темном месте в Азбучной молитве Константина, 12-я строка которой должна была начинаться с буквы \bar{m} (\bar{a}), однако в древнейшем списке читается *Лѣтитъ во ѡзынѣ · | и словѣнско | плема* (ГИМ, Син. 262, л. 2b₁₈₋₂₀). Как указал уже Дурново [1929/2000: 598], переписчик мог принять кириллическую букву \bar{a} за \bar{l} (или, добавило, за \bar{l} с надстрочной буквой над нею). Для понимания ошибки существенно, что Азбучная молитва Константина имеет четкий метрический строй. Иногда утверждается, например, Р. Нахтигалом и Й. Фуксбауэром [Nahtigal 1943: 58; Fuchsbaauer 2023: 63], что это 12-сложник со свободной цезурой после пятого или седьмого слогов. Между тем сам Нахтигал в той же работе доказал четкое положение цезуры в Азбучной молитве только после пятого слога, указав на местоположение разделительных точек в древнейшей рукописи [Nahtigal 1943: 52]: они встречаются там 25 раз и почти во всех случаях, кроме 12-й и 15-й строк, находятся в местах цезур после пятого слога (в строках 4, 9, 13–14, 16–18, 20, 22–25, 27–29, 31–33, 35–37, 39–40). В поврежденных строках, с 11 или 13 слогами,

греческим, свойственно той ветви традиции, к которой относятся Московский и Соловецкий списки. Сопоставлением списков установлено, что здесь должны были стоять слова + $\bar{ѣ}$. $\bar{ж}$. 'а 14'; всего Храбр насчитывал 38 славянских букв, в том числе 24 буквы, соответствующие греческим, и 14 букв для особых славянских звуков.

Этот перечень букв можно поделить на три блока. Это деление схематично представлено на таблице 2. В таблице над кириллическими буквами вписаны соответствующие им глаголические буквы, реконструируемые для оригинала черноризца Храбра.

Таблица 2. Структура перечней букв у Храбра

I	⳨	⳩	⳪	Ⳬ	ⳬ	Ⳮ	ⳮ	⳯	⳰	⳱	Ⳳ	ⳳ
	А	В	Г	Д	Е	З	И	І	К	Л	М	
I*	?	?	?									
	$\bar{и}$. $\bar{пѣ}$. $\bar{хлѣ}$. $\bar{тѣ}$											
II	⳴	⳵	⳶	⳷	⳸	⳹	?	?	?	?	⳺	⳻
	*Б	Ж	Ѡ	*А	Ц	Ѳ	$\bar{ш}$. $\bar{ѣ}$. $\bar{шѣ}$. $\bar{мѣ}$. $\bar{ѣ}$					
	?	Ѱ	?									
	Ѫ	Ю	А									

Блоки I и I* объединены в трактате «О письменах» под определением «подобны греческим писменам», а блок II — это буквы «по словенскому языку».

В оригинале Храбра темной последовательности $\bar{и}$. $\bar{пѣ}$. $\bar{хлѣ}$. $\bar{тѣ}$ должны были соответствовать три неизвестных буквы, а последовательности $\bar{ш}$. $\bar{ѣ}$. $\bar{шѣ}$. $\bar{мѣ}$. $\bar{ѣ}$ — четыре буквы.

2.2. Постановка вопросов и предлагавшиеся решения. По крайней мере в одном из темных мест трактата «О письменах» черноризца Храбра

местоположение цезуры помогает уточнить места повреждений. Поэтому в поврежденной 12-й строке перед семисловным исходом и словѣньско плема должно было быть пять слогов. Как кажется, все предлагавшиеся конъектуры игнорируют данный факт, в том числе и конъектура самого непоследовательного Нахтигала, который реконструировал *А лѣтѣ ти бо и словѣньско плема, т. е. трие десате лѣтѣ ти бо и словѣньско плема, с девятью (!) слогами перед цезурой (ср. [Кувев 1974: 38–52; Lunt 2000: 280]).

вместо буквы фигурирует ее название — «пѣ». После буквы ѿ, завершающей ожидаемый перечень из 21 глаголической буквы, соответствующей греческим, здесь читается последовательность $\bar{й}$. $\bar{пѣ}$. $\bar{хлѣ}$. $\bar{тѣ}$ (МДА 145, л. 381₁₁)²⁷. Другое сложное место в трактате Храбра находим в перечне славянских букв: $\bar{ш}$. $\bar{ѣ}$. $\bar{шь}$. $\bar{мь}$. $\bar{ѣ}$ (МДА 145, л. 381₁₃)²⁸.

Эти загадочные последовательности привлекали внимание многих ученых. Большинство исследователей, придерживавшихся трактовки $\bar{тѣ}$ как самостоятельной буквы, полагали, что и перед $\bar{пѣ}$ в перечне Храбра — это союз (см., например, [Hanuš 1859: 76; Mošin 1973: 10, 19–20; Veder 1999: 109]; ср., однако, [Mareš 1971: 151; Tkadlčík 1985: 112]).

Р. Абихту принадлежит первенство в гипотезе о широком ере и малом ере: он объяснял запись $\bar{ѣ}$. $\bar{шь}$. $\bar{мь}$. $\bar{ѣ}$ как $\bar{ѣ}$ широкъ и $\bar{ѣ}$ малъ [Abicht 1910: 213]²⁹, А. Вайан, развивая идею Абихта, трактовал $\bar{хлѣ}$ как $\bar{х}$ лихъ ‘лишний х’ [Vaillant 1936: 250; 1955: 22].

Ряд исследователей придерживались одного из изводов гипотезы о взаимовлиянии перечней Храбра и акростихов. Кто-то видел в интересующих нас фрагментах перечней результаты обращения Храбра или переписчиков его трактата к азбучным акростихам. Дурново [1929/2000: 597] предположил, что Храбр судил о составе азбуки по азбучному акростиху, в котором после 35-го двустишия, начинающегося словом $\bar{языкомь}$ (* \bar{I} Азыкомь), следует фраза с начальным $\bar{т}$ ($\bar{тѣвѣ}$ бо $\bar{лѣпо}$ $\bar{нѣсть}$ $\bar{ѣсть}$ и $\bar{поклананіе}$ $\bar{вѣ}$ $\bar{вса}$ $\bar{вѣкы}$ $\bar{вѣкомѣ}$ $\bar{ами}$ — *Яросл. 15481*, л. 210). По мнению Дурново, загадочные $\bar{пѣ}$, $\bar{хлѣ}$ и $\bar{тѣ}$ были взяты Храбром из акростиха. В развитие этой идеи Й. Врана сопоставил $\bar{л}$ (на месте $\bar{л}$), $\bar{пѣ}$, $\bar{хлѣ}$ и $\bar{шь}$ с начальными буквами строк азбучных акростихов (Летить, Пѣснь, Шѣств...) и высказал уверенность в том, что книжник или книжники, переписывавшие текст Храбра, внесли в него эти странные сочетания букв из акростиха [Vrana 1963: 200–201]. Мошин, напротив, возводил Азбучную молитву Константина к транслитерированной кириллической версии Храбра со стихом на Летить [Mošin 1973: 22–23].

О возможности существования буквы «тѣ» в конце глаголической азбуки впервые, по-видимому, написала Велчева, отталкивавшаяся от

²⁷ Тожественный текст обнаруживается в Соловецком списке (Сол. 913/1023, л. 208v, см. фотокопию данного листа: [Дзифер 2022: 152]). Благодарю Дзифера за указание на ошибочность передачи текста Соловецкого списка в издании К. Куева [1967: 327].

²⁸ Начальная часть данного отрезка, $\bar{ш}$. $\bar{ѣ}$, иногда воспроизводится с искажениями (ср. [Martí, Veder 2000: 241; Martí 2023: 89]).

²⁹ Ср. версию А. А. Зализняка: $\bar{ѣ}$ ‘меньший ер’ [Зализняк 1999: 574, примеч. 1].

загадочного $\bar{\text{тѣ}}$ Храбра. По ее мнению, этой буквой могла быть как ѣ , так и конечный крест [Велчева 1978: 61; 1985: 25]³⁰. Примерно в то же время И. Добрев [1980] выдвинул *гипотезу о существовании буквы «тѣ» в конце глаголической азбуки*. По его мнению, глаголическая буква «тѣ» находит себе параллель в последней букве древнееврейского алфавита — «тав». Буква «тѣ», согласно Добреву, имела облик греческой буквы τ «тау» с повышенной вертикалью, т. е. облик креста, как и первая буква глаголицы — ѣ «азъ»³¹.

Т. А. Иванова [2004: 87], развивая гипотезу о существовании буквы «тѣ» в конце азбуки, еще раз напомнила об акростихе с начальным *т* в Ярославском часослове, на который в связи с $\bar{\text{тѣ}}$ Храбра указывал уже Дурново в рамках своей гипотезы о влиянии акростихов на перечни Храбра³².

По иному пути решения интересующей нас проблемы пошли Нахтигал и В. Ткадльчик. Этот путь можно назвать *гипотезой о букве «хлѣ» или «хлѣмѣ»*. Нахтигал предположил, что загадочное $\bar{\text{хлѣ}}$ — это название глаголической буквы ѣ . При этом исследователь указал на сходство $\bar{\text{хлѣ}}$ со словом хлѣмѣ , в котором буква ѣ встречается в старославянских текстах [Nahtigal 1923: 172–174; 1943: 68; 1948: 12–13]. Ткадльчик развил идею Нахтигала. По его мнению, буква, обозначенная у Храбра как $\bar{\text{хлѣ}}$, называлась «хлѣмѣ» ‘холм’, так как она встречается в текстах только в этом слове [Tkadlčik 1964a: 188, 190–191]³³.

В свою очередь Ф. В. Мареш предложил остроумную *гипотезу о глоссах «шьть» и «хлѣмѣ»*. Его объяснение следует воспроизвести полностью:

Переписчик какой-то ранней рукописи Храбра или, скорее, какой-то читатель и корректор добавил к двум буквам, которые нуждались в пояснении, [...] глоссу между строк или на полях: к ѣ приписал *шьть*, а затем к ѣ — *хлѣмѣ*. Из-за нехватки места эти глоссы были написаны таким образом, что слоги оказались друг над другом: $\begin{matrix} \text{тѣ} \\ \text{шь} \end{matrix}$ и $\begin{matrix} \text{хлѣ} \\ \text{мѣ} \end{matrix}$. Переписчик (отдаленного) гипархетипа Московского и Соловецкого списков понял лишь то, что половинки этих приписок относятся к ѣ и ѣ . Поэтому он опустил архаичные графемы и заменил их «названиями», то есть $\bar{\text{шѣ}}$ и $\bar{\text{хлѣ}}$. Другие половины глосс он счел дополнительными буквами. Расположение строк рукописи, вероятно,

³⁰ Ср. также рассуждения Велчевой про $\bar{\text{мѣ}}$: [Велчева 1973: 121–122].

³¹ Велчева и Добрев по каким-то причинам не ссылаются друг на друга; ср. также [Добрев 2005: 312–326].

³² А. А. Андреев и Д. Юдин, не входя в дискуссию о составе глаголической азбуки, предполагают видеть здесь стих на букву ѣ [Andreev, Yudin 2022: 5].

³³ Ср. [Ziffer 1996: 170–172].

привело к тому, что слог $\bar{\tau}\bar{z}$ (вторая половина глоссы $\bar{\text{ш}}\bar{\text{т}}\bar{z}$) попал в ряд букв, подобных греческим, а $\bar{\text{м}}\bar{\text{б}}$ (вторая половина глоссы $\bar{\text{хл}}\bar{\text{з}}\bar{\text{м}}\bar{\text{б}}$ с болгарской заменой ера на конце, $\bar{\text{ь}}$ вместо $\bar{\text{ъ}}$) попал в ряд букв «по славянскому языку». Косвенно это предположение подтверждает Троицкий список, в линии филиации которого не было гипархетипа с глоссами: там нет ни $\bar{\tau}\bar{z}$, ни $\bar{\text{м}}\bar{\text{б}}$, нет и $\bar{\text{ш}}\bar{\text{ь}}$, но есть «правильное» $\bar{\text{ц}}$, а самое главное — там отсутствует даже $\bar{\text{хл}}\bar{\text{з}}$, потому что в оригинале было $\bar{\text{ѣ}}$, не снабженное глоссой, которое в соответствии с его внешним видом было переписано как $\bar{\text{ѣ}}$ (которого в свою очередь не имеют рукописи, где читается $\bar{\text{хл}}\bar{\text{з}}$ — $\bar{\text{хл}}\bar{\text{ѣ}}$) [Mareš 1971: 183]³⁴.

Мошин оценил сложное построение Мареша как крайне маловероятное. По его предположению, один из переписчиков текста Храбра по ошибке написал $\bar{\text{м}}\bar{\text{б}}$ вместо $\bar{\text{ш}}\bar{\text{ь}}$, затем написал исправление сверху, а последующий переписчик внес это $\bar{\text{ш}}\bar{\text{ь}}$ в основной текст, не удаляя из него $\bar{\text{м}}\bar{\text{б}}$ [Mošin 1973: 37–38].

2.3. Гипотеза об отражении в последовательностях $\bar{\text{хл}}\bar{\text{з}}$. $\bar{\tau}\bar{z}$ и $\bar{\text{ш}}\bar{\text{ь}}$. $\bar{\text{м}}\bar{\text{б}}$ названий «второго х» и «второго ш». В развитие гипотезы о букве «хлз» или «хлзмз» я предложил следующее объяснение: название этой буквы скрывается в перечне Храбра не за $\bar{\text{хл}}\bar{\text{з}}$, а за всей последовательностью $\bar{\text{хл}}\bar{\text{з}}$. $\bar{\tau}\bar{z}$, искажение же в рукописной традиции имело палеографический характер и должно было произойти по следующей схеме: * $\bar{\text{ѣ}}\bar{\text{ѣ}}\bar{\text{ѣ}}\bar{\text{ѣ}}$ → * $\bar{\text{ѣ}}\bar{\text{ѣ}}\bar{\text{ѣ}}$. $\bar{\text{ѣ}}\bar{\text{ѣ}}$ → $\bar{\text{хл}}\bar{\text{з}}$. $\bar{\tau}\bar{z}$ [Михеев 2021: 256]. Принять букву $\bar{\text{ѣ}}$ (m) за $\bar{\text{ѣ}}$ (m) или за букву $\bar{\text{ѣ}}$ с разделительной точкой перед ней возможно при повреждении нижней части $\bar{\text{ѣ}}$, либо при неверной трактовке архаичного варианта буквы $\bar{\text{ѣ}}$ в виде двух соединенных вертикалью $\bar{\text{ѣ}}$ друг над другом, как в Кркской надписи [Fučić 1982: 223] и в одном из почерков

³⁴ «Písař nějakého raného rukopisu Chrabra, nebo snad spíše některý čtenář a korektor, připsal dodatečně k dvěma literám, jež potřebovaly vysvětlení, [здесь Мареш дает примечание с перекрестной ссылкой] interlineární nebo marginární glosu: k $\bar{\text{ѣ}}$ připsal $\bar{\text{ш}}\bar{\text{т}}\bar{z}$, k $\bar{\text{ѣ}}$ pak $\bar{\text{хл}}\bar{\text{з}}\bar{\text{м}}\bar{\text{б}}$. Z nedostatku místa byly tyto glosy napsány asi tak, že slabiky stály nad sebou: $\bar{\text{ш}}\bar{\text{ь}}$ a $\bar{\text{м}}\bar{\text{б}}$. Opisovač (vzdáleného) hyparchetypu Mosk a Solov pochopil jen to, že polovina se jich vztahuje k $\bar{\text{ѣ}}$ a $\bar{\text{ѣ}}$. Proto vynechal archaické grafémy a nahradil je “jmény”, to jest $\bar{\text{ш}}\bar{\text{ь}}$ a $\bar{\text{хл}}\bar{\text{з}}$. Druhou polovinu glos považoval za další litery. Uspořádání řádků rukopisu vedlo patrně k tomu, že $\bar{\tau}\bar{z}$ (druhá polovina glosy $\bar{\text{ш}}\bar{\text{т}}\bar{z}$) se dostalo do řady písmen (podobných řeckým, a $\bar{\text{м}}\bar{\text{б}}$ (druhá polovina glosy $\bar{\text{хл}}\bar{\text{з}}\bar{\text{м}}\bar{\text{б}}$ s bulharskou záměnou jeru na konci, $\bar{\text{ь}}$ místo $\bar{\text{ъ}}$) se dostalo do řady liter “podle slovanského jazyka”. Tuto myšlenku nepřímou potvrzuje Chrabr-Troj, v jehož filiační linii hyparchetyp s glosami nebyl: nemá ani $\bar{\tau}\bar{z}$ ani $\bar{\text{м}}\bar{\text{б}}$ a zároveň nemá $\bar{\text{ш}}\bar{\text{ь}}$, nýbrž “řádné” $\bar{\text{ц}}$, a hlavně — n e m á ani $\bar{\text{хл}}\bar{\text{з}}$, protože měl v předloze $\bar{\text{ѣ}}$ neopatrěné glosou, jež p o d l e t v a r u bylo přepsáno jako $\bar{\text{ѣ}}$ (které zase nemají oba rky uvádějící $\bar{\text{хл}}\bar{\text{з}}$ — $\bar{\text{хл}}\bar{\text{ѣ}}$)». Ср. также [Mareš 1971: 173] o $\bar{\text{м}}\bar{\text{б}}$.

Киевских листков³⁵. Выдвигая данное предположение, я не входил в разбор альтернативной гипотезы о существовании буквы «тъ».

Для гипотезы о букве тѣ в конце глаголической азбуки существенны показания азбучного акростиха с фразой с начальным m ($\text{тѣтѣ во лѣпо кѣсть...}$). Совсем недавно А. В. Щепеткин [2019] был выявлен более исправный список данного акростиха, в котором строка с начальным m не входит в основной текст, состоящий из 36 двустушии (*Соф.* 1129, л. 35v–37v; подробнее см. [Андреев, Афанасьева 2023: 121–126], что лишает почвы гипотезу о букве тѣ ³⁶.

В качестве дополнительного довода в пользу гипотезы о наличии «холма» в конце перечня Храбра, а следовательно, и в пользу гипотезы Ткадльчика о названии «хлѣмъ» может быть привлечен Троицкий список трактата «О письменах». Чтению Московского и Соловецкого списков $\dot{\text{и}}$. $\dot{\text{пѣ}}$. $\dot{\text{хлѣ}}$. $\dot{\text{тѣ}}$ в Троицком списке соответствует чтение $\dot{\text{и}}$. п . ѣ (*Тр.* 769, л. 75v₆)³⁷, т. е. на месте названий глаголических букв «пѣ» и *«хлѣмъ» выступают кириллические буквы, наиболее похожие на л и ѣ по своему внешнему облику (на что в отношении сходства ѣ с ѣ уже указывал Мареш [Mareš 1971: 149, 183], см. цитату в § 2.2). Следовательно, перед л стояла еще одна глаголическая буква, которая должна была внешне напоминать $\dot{\text{и}}$ и носить название «и», т. е., очевидно, буква ѣ , так называемое «третье u ». Итак, древнее чтение ѣ . л . ѣ было искажено и дошло до нас в Троицком списке в виде $\dot{\text{и}}$. п . ѣ .

Последовательность $\dot{\text{ш}}$. $\dot{\text{ѣ}}$. $\dot{\text{шѣ}}$. $\dot{\text{мѣ}}$. $\dot{\text{ѣ}}$ тоже может иметь палеографическое объяснение. Судя по указанию на количество букв в азбуке, на данном отрезке должно было быть четыре буквы, а не пять. К сожалению, Троицкий список тут не помогает: в нем, как и в большинстве остальных списков трактата, читается обычная для кириллической азбуки последовательность ш . щ . ъ . ы . ь (*Тр.* 769, л. 75v₇₋₈). В данной ситуации чтение Московского и Соловецкого списков является *lectio difficilior*. По-видимому, в них отразилось название той буквы, для которой во всех древнейших азбучных акростихах обнаруживается второй стих на букву Ш . Нельзя не заметить, что во всех древнейших акростихах

³⁵ Подобным образом эта буква регулярно выглядит в почерке В: *НБУ, Да 328n*, л. 2v₂ и далее, ср. [Schaecken 1987: 26; Hürner, Miklas 2023].

Укажу также на написание буквы ѣ (т) в Кркской надписи в середине строки.

³⁶ В других акростихах стих на m также отсутствует. Гипотеза о существовании буквы «тъ» имеет и иные слабые места. Во-первых, согласно Храбру, последней буквой азбуки Константина Кирилла была ѣ , т. е. ѣ или ѣ . Во-вторых, гипотеза о букве тѣ не находит поддержки ни в одном абecedарии.

³⁷ Благодарю А. Ю. Виноградова и Д. А. Чудинова за фотокопии Троицкого списка.

переписчик протографа Троицкого списка лучше знал названия редких глаголических букв, чем переписчик архетипа.

Третья возможность является вариацией второй и предполагает двухступенчатую историю рукописи архетипа: ее писец мог записать перечень букв с частичным сокращением их названий (как в протографе Московского и Соловецкого списков), но позднее названия редких букв могли быть намеренно затерты или замазаны в той же рукописи кем-то другим, решившим довести сокращение до логической точки. В таком случае протограф Московского и Соловецкого списков восходит к архетипу в исходном виде, а протограф Троицкого списка — в исправленном.

Четвертая возможность заключается в том, что в архетипе названия букв сохранялись только в виде глосс к некоторым буквам. Эта возможность корреспондирует с версией о палеографических искажениях названий * $\dot{\text{хлѣмѣ}}$ и * $\dot{\text{шѣдѣ}}$: если это были мелко выполненные приписки глаголицей, то их текст с большей вероятностью мог быть затем неверно понят переписчиком (а этот переписчик мог быть не только переписчиком, но и транслитератором текста)³⁸. Впрочем, и эта версия не свободна от недостатков, так как предполагает маятниковое развитие текста: от полных названий в оригинале Храбра к сокращениям с глоссами в архетипе с последующим частичным возвратом к полным названиям в протографе Московского и Соловецкого списков.

Независимо от ответа на рассмотренный сложный вопрос истории текста, из обоснованного выше объяснения отрезка $\dot{\text{хлѣ}}$. $\dot{\text{тѣ}}$ как искаженного названия одной буквы следует важный попутный вывод: « $\dot{\text{и}}$ » между буквами ω (то есть Φ) и « $\dot{\text{пѣ}}$ » — это буква, а не союз, так как иначе в первом подписке Храбра из 24 букв осталось бы только 23 буквы. Следует заметить также, что положение «третьего $\dot{\text{и}}$ » вызывает несостыковку: получается, что буква Φ «третье $\dot{\text{и}}$ » входит в перечень Храбра между 25-й и 26-й буквами азбуки, Φ (ω) и л « $\dot{\text{пѣ}}$ », хотя в азбуках и в акростихах она стоит на 32-й позиции, непосредственно после «второго $\dot{\text{и}}$ ». Я вижу единственную возможность объяснить «обратный» порядок расположения л « $\dot{\text{пѣ}}$ » и Φ тем, что в двух частях своего перечня букв, «подобных» греческим, то есть в блоках I и I* (ср. табл. 2), Храбр перечислил и там и там буквы по порядку следования их соответствий в греческом алфавите, т. е. «третье $\dot{\text{и}}$ », «второе $\dot{\text{и}}$ » и «второе $\dot{\text{х}}$ »

³⁸ Какие-то из приписок могли быть двухстрочными, что могло стать причиной последующего раздвоения названий «второго $\dot{\text{х}}$ » и «второго $\dot{\text{и}}$ » в протографе Московского и Соловецкого списков. Ср. несколько более сложную версию Мареша о двухъярусных глоссах (см. § 2.2).

упорядочены в соответствии с η (и ι), π и χ , а не по порядку следования φ , λ и ξ в глаголической азбуке³⁹.

2.4. Промежуточные выводы. Сказанное выше позволяет предложить реконструкцию изначального состава интересующего нас фрагмента трактата «О письменах». В реконструкции не раскрываются названия букв, которые, весьма вероятно, были все выписаны полностью в оригинале трактата. Остальные слова для удобства восприятия приводятся в кириллической транслитерации⁴⁰.

Се же сѣтъ писмена словѣньска. Сице ѿ подобаетъ писати и глашати: ⴌ, ⴍ, ⴎ , до ϵ (или: ⴎ). Отъ сихъ сѣтъ ⴏ (или: четъзири между десатъма) подобьна гречьскымъ писменемъ, сѣтъ же си: $\text{ⴌ, ⴍ, ⴎ, ⴏ, ⴐ, ⴑ, ⴒ, ⴓ, ⴔ, ⴕ, ⴖ, ⴗ, ⴘ, ⴙ, ⴚ, ⴛ, ⴜ, ⴝ, ⴞ, ⴟ, ⴠ, ⴡ, ⴢ, ⴣ, ⴤ, ⴥ}$. А ⴦ по словѣньскоу азъику, си: $\text{⴦, ⴧ, ⴨, ⴩, ⴪, ⴫, ⴬, ⴭ, ⴮, ⴯, ⴰ, ⴱ, ⴲ, ⴳ, ⴴ, ⴵ}$ (или: ⴦), ⴶ, ⴷ (или: ⴶ).

‘Вот славянские буквы. Их следует писать и называть так: ⴌ, ⴍ, ⴎ , до ϵ (или: ⴎ). 24 из них в соответствии с греческими буквами, вот они: [1] ⴌ , [2] ⴍ , [3] ⴎ , [4] ⴏ , [5] ⴐ , [6] ⴑ , [7] ⴒ , [8] ⴓ , [9] ⴔ , [10] ⴕ , [11] ⴖ , [12] ⴗ , [13] ⴘ , [14] ⴙ , [15] ⴚ , [16] ⴛ , [17] ⴜ , [18] ⴝ , [19] ⴞ , [20] ⴟ , [21] ⴠ , [а также три дублетные буквы: 22] ⴡ , [23] ⴢ , [24] ⴣ , [по порядку их греческих соответствий η , π и χ]. А 14 [букв – специфические] славянские, это: [1] ⴦ , [2] ⴧ , [3] ⴨ , [4] ⴩ , [5] ⴪ , [6] ⴫ , [7] ⴬ , [8] ⴭ , [9] ⴮ , [10] ⴯ , [11] ⴰ , [12] ⴱ (или: ⴦), [13] ⴲ , [14] ⴳ (или: ⴶ)’.

Структура реконструируемого перечня Храбра схематически представлена на таблице 3, построенной аналогично таблице 2.

Таблица 3. Реконструкция первоначальной структуры перечня букв черноризца Храбра

I	ⴌ	ⴍ	ⴎ	ⴏ	ⴐ	ⴑ	ⴒ	ⴓ	ⴔ	ⴕ	ⴖ	ⴗ
	ⴘ	ⴙ	ⴚ	ⴛ	ⴜ	ⴝ	ⴞ	ⴟ	ⴠ	ⴡ	ⴢ	ⴣ
I*	⴦	ⴧ	⴨									
	⴩	⴪	⴫									
II	⴬	ⴭ	⴮	⴯	ⴰ	ⴱ	ⴲ	ⴳ	ⴴ	ⴵ	ⴶ	ⴷ
	ⴸ	ⴹ	ⴺ	ⴻ	ⴼ	ⴽ	ⴾ	ⴿ	ⵀ	ⵁ	ⵂ	ⵃ
	ⵄ / ⵅ	ⵆ	ⵇ / ⵈ									
	ⵉ	ⵊ	ⵋ									

³⁹ Ср. идею Мареша, который реконструировал исконное место «третьего u » между ⴦ «иже» и ⴧ «и» (первым и вторым u), с цифровым значением ‘10’, как у ⴦ «иже» [Mareš 1971: 172].

⁴⁰ Я признателен Дж. Дзифферу за консультации по вопросам реконструкции и перевода данного текста.

<конец латинской азбуки> † Ɔ Ƴ
 Ɔ Ɔ Ɔ [ʃ] (ʃ ʃ) Ɔ Ɔ Ɔ Ɔ Ɔ Ɔ Ɔ Ɔ
 Ɔ Ɔ Ɔ [ʃ] (—) — [Ɔ] Ɔ Ɔ Ɔ Ɔ Ɔ
 (—) — Ɔ Ɔ Ɔ Ɔ

В круглые скобки взяты утраченные буквы, в квадратные — поврежденные и читаемые неоднозначно. Дефисами обозначены отдельные неустановленные буквы.

Дмитр искажил две буквы: во-первых, буква Ɔ (w), левый нижний край которой утрачен, по-видимому, была изображена с двумя петельками на левой и правой сторонах большого круга, т. е. повернутой на 90°⁴³, во-вторых, буква Ɔ (x₂) отдаленно напоминает Ɔ, т. е. то начертание, которая эта буква имеет в новой части Синайской Псалтири (*Sin. slav. 2/N*, л. 10v₁₁, 18v₂, 28r₂₆). Писцом абецедария выписаны также греческая и латинская азбуки, находящиеся на том же листе выше и тоже содержащие некоторые искажения. Возможно, Дмитр был учеником, обучавшимся в скриптории монастыря св. Екатерины⁴⁴.

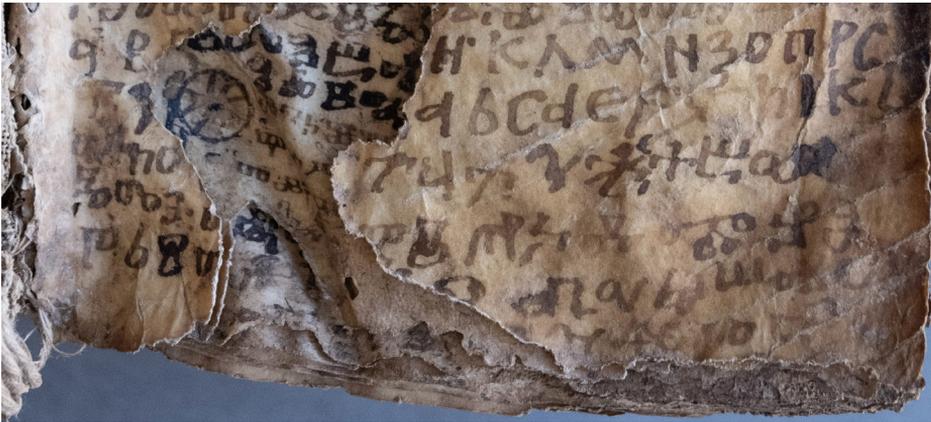

Рисунок 2. Общий вид Синайского глаголического абецедария.
 Деталь фотографии отца Джастина

В лакуне в левой половине предпоследней строки уверенно восстанавливаются буквы [ʃ] (ʃ Ɔ) [ʃ Ɔ] (об искаженном начертании последней

⁴³ Ср. Ɔ с небольшим наклоном по часовой стрелке в Синайском евхологии [Илчев 2020: 175].

⁴⁴ Подробнее о Дмитре см. [Gau, Hürner, Miklas 2012: 50; Савић 2014/2019; 2022; Miklas 2023].

из них уже шла речь выше), а в лакуне в начале последней строки — (Ѳ ѳ) [Δ]⁴⁵. Для нас же наиболее существенны буквы в конце предыдущей строки; здесь мы видим две ш-образных буквы слева и справа от ѳ (Ѳ). Однако если в Мюнхенском абecedарии привычный нам облик имеет второе ш, то в Синайской азбуке — первое, а на месте второго стоит графема, очень похожая на древнееврейскую букву ם «шин» (см. рис. 3)⁴⁶.

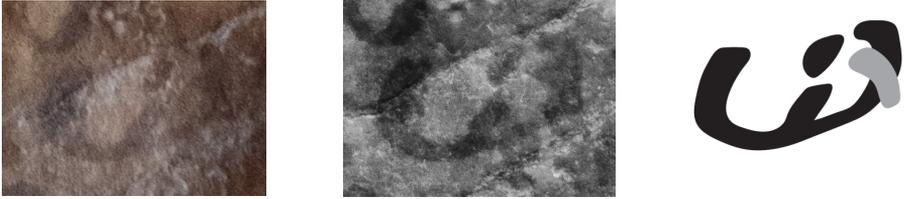

Рисунок 3. «Вторая ш» в Синайском абecedарии. Фрагменты двух фотографий отца Джастина, прорисовка автора по черно-белой фотографии

Возможно, именно так и выглядела глаголическая буква, название которой предположительно реконструируется как шьдъ или шьмь. Впрочем, искажения в облике букв Ѱ (w) и ѱ (x₂) в почерке Дмитра не позволяют быть уверенными, что и здесь мы не имеем дело с еще одним искажением.

Полный текст Синайского абecedария можно реконструировать так:

⚈ ѡ ѳ | ѧ ѡ ѳ [ѳ] (ѳ ѳ) Ѳ ѳ ⚈ ѧ ѳ ѳ ѳ ѳ | ѳ ѧ [ѳ] (ѳ ѳ) [ѧ ѳ] ⚈
 ѳ ѧ ш ѳ ѳ | (Ѳ ѳ) [Δ] ѧ ѳ ѳ ѳ,

то есть:

а б в | г д е [ж] (з з) ж з ⚈ к л м н о | п р с [т] (у ф) [х ѡ] л ц ѳ
 ш ѳ ѳ | (Ѳ ѳ) [ѧ] ѧ ѳ ѳ ю ⚈⁴⁷.

Подчеркнутые буквы искажены переписчиком.

4. Закономерности в названиях глаголических букв, структура азбуки

В таблице 4 представлены буквы глаголицы с их названиями. Розовой заливкой обозначены буквы для гласных. В последнем столбце указано

⁴⁵ Ср. иначе [Marti 1999a: 192–193].

⁴⁶ Р. Марти предположительно интерпретировал данную букву как не относящуюся к абecedарию [Marti 1999a: 192].

⁴⁷ «Вторую ш» я условно записываю как ѳ по причине сходства графемы Синайского абecedария с данной древнееврейской буквой.

количество слогов в названиях букв, сопровождаемое знаком «-» для названий с конечными редуцированными (включая и «*jъ»).

Таблица 4. Названия букв глаголицы

№	Буква	Соответствия	Название	Значение	Слоги
1	Ѧ	А	азъ	‘я’	2-
2	Ѣ	Б	букъы	‘буква’	2
3	ѣ	В	вѣдѣ	‘знаю’	2
4	Ѧ	Г	глаголи	‘говори’	3
5	Ѧ	Д	добро	‘доброе’	2
6	Ѧ	Е	естъ	‘есть’	2-
7	Ѧ	Ж	живете	‘живете’	3
8	Ѧ	З	зѣло	‘много’	2
9	Ѧ	З	землѣ	‘земля’	2
10	Ѧ	и, ѣ	иже	‘который’	2
11	Ѧ		и	‘и’	1
12	Ѧ	Ѧ	[Ѧ]е	?	1
13	Ѧ	К	како	‘как’	2
14	Ѧ	Л	людиѣ	‘народ’	3
15	Ѧ	М	мыслите	‘мыслите’	3
16	Ѧ	Н	нашь	‘наш’	2-
17	Ѧ	О	онъ	‘тот’	2-
18	Ѧ	П	покои	‘покой’	3-
19	Ѧ	Р	ръци	‘скажи’	2
20	Ѧ	С	слово	‘слово’	2
21	Ѧ	Т	тврѣдо	‘твердое’	2
22	Ѧ	У	[у]къ	?	2-
23	Ѧ	Ф	фрътъ	?	2-
24	Ѧ	Х	хѣръ	?	2-
25	Ѧ	Ѧ	Ѧтъ	‘от’	2-
26	Ѧ	—	пѣ	?	1
27	Ѧ	Ц	ци	?	1
28	Ѧ	У	урвьѣ	‘червь’	2-
29	Ѧ	Ш	ша	?	1
30	Ѧ	Ъ	еръ	?	2-
31	*Ѧ	—	шьмь / шь[дъ]	? / ‘идя’	2-
32	Ѧ	—	и (?)	?	1
33	Ѧ	Ь	ерь	?	2-
34	Ѧ	Ѧ	Ѧтъ	?	2-
35	Ѧ	—	хлътъ / хлъ[м]ъ	? / ‘холм’	2-
36	Ѧ / ѦѦ	ѦѦ	Ѧкъ	?	2-
37	Ѧ	Ю	ю	?	1
38	Ѧ / ѦѦ	А	а	?	1

В последовательности названий букв — или в *азбучном тексте* — есть ряд закономерностей, которые бросаются в глаза. В названиях букв нет приставок. Все названия гласных букв очень короткие. Можно заметить, что все осмысленные названия гласных являются служебными словами в широком смысле этого термина (азъ, иже и онъ — местоимения, естъ — вспомогательная форма глагола, и — союз, ѡтъ — предлог). Большинство односложных названий идут парами: на позициях 11–12, 26–27, 37–38. Гласные во всех односложных названиях являются гласными полного образования.

Композиционная организация азбучного текста неординарна. Как давно замечено, в Парижском абецедарии название 2-й буквы выглядит как *bóscobí*, т. е. стоит в форме Асс. pl. *воукъви*, что позволяет читать первые три буквы азбуки как цельную фразу *азъ воукъви вѣдѣ* ‘Я знаю буквы’. Целые фразы можно выделить и далее (ср. [Hanus 1858: 221]). Следующая за л «пѣ» буква ч (ц), возможно, получила название ци для удобства усвоения места ее положения в азбуке: ср. созвучие онъ — покoi — рыци и ѡтъ — пѣ (← *роi) — ци⁴⁸. Кроме того, названия шести или семи из девяти последних букв начинаются на [j].

Наиболее же существенно для нас качественное и количественное деление азбучного текста на две части.

Во-первых, за исключением 12-й позиции все темные по значению названия букв⁴⁹ встречаются на позициях 22–38, где представлено лишь малое число достоверно осмысленных названий, при этом последние не встречаются здесь рядом друг с другом, что может объясняться намеренной ритмизацией «темной» части азбучного текста⁵⁰.

Во-вторых, только в первой половине азбуки встречаются трехсложные названия и только до 21-й позиции встречаются названия, оканчивающиеся на -е и -о, с 22-й же позиции возможны либо односложные названия букв, либо такие двухсложные, которые оканчиваются на -ъ или -ь (подобных названий здесь большинство, в отличие от

⁴⁸ Добавлю, что в ближайшем соседстве в алфавитном тексте стоят сочетания букв, наиболее часто соединяемых в лигатуры в глаголице: ѡѣꙗѣꙗѣ ꙗѣꙗѣ (землѣ иже), ꙗѣꙗѣ = ꙗѣꙗѣ (мл) и ꙗѣꙗѣ (иж). Нельзя исключать того, что и это было продумано создателем глаголицы.

⁴⁹ О трактовках темных названий букв см. [Иванова 1969; Olof 1973: 51–61; Miklas 2002].

⁵⁰ Название пѣ теоретически можно трактовать как нестандартную форму аориста 2-го и 3-го лица ед. от пѣти (ср. стандартную пѣтъ), см. [Дыбо 2000: 306–307]. Ср. мнение Т. А. Ивановой [1969: 49], которая считает данное название заимствованным.

первой половины азбуки, где их лишь четыре: азъ, естъ, нашъ и онъ)⁵¹. Таким образом, начиная с названия [y]къ азбучный текст приобретает значительное «ускорение».

Гипотетические названия *шьдъ и *хльмъ соответствуют и правилу об отсутствии односложных названий, гласными в которых выступают редуцированные (ср. гипотетические названия *тъ и *хль), и правилу о том, что во второй половине азбучного текста нет таких двусложных названий, которые оканчиваются на гласные полного образования. Даже если обе реконструкции, *шьдъ и *хльмъ, или какая-то одна из них неверны, весьма вероятно, что названия «второго ш» и «второго х» соответствовали обозначенным правилам. Гипотетически возможно, что эти буквы назывались просто *шьмъ и *хльтъ или как-то схоже. Это укладывалось бы одновременно и в другую тенденцию, установленную выше при рассмотрении названий славянских букв: начиная с [y]къ преобладают бессмысленные и темные названия. Впрочем, полнзначные названия ѡтъ на 25-й позиции, ѡръвь на 28-й, *шьдъ на 31-й и *хльмъ на 35-й, как уже было сказано выше, могли быть введены для соединения и ритмизации «темной» части азбучного текста. При этом следует констатировать, что названия 28-й, 31-й и 35-й букв были существенно длиннее окружающих их названий, состоящих не более чем из трех букв (что коррелирует с противопоставлением названий гласных названиям согласных букв по длине).

Перейдем теперь к общему взгляду на структуру глаголической азбуки.

Наиболее очевидно ее деление на две части: на буквы, порядок которых в целом следует порядку букв греческого алфавита (с добавлением букв для звонких согласных в начальной части), и на следующие за ними буквы для дополнительных гласных и глухих согласных (ср. [Mathiesen 2014: 208–210; Велчева 2005: 113])⁵².

Сопоставление состава и порядка букв глаголицы с использованными при ее создании Константином Кириллом семитскими алфавитами позволяет несколько более подробно поделить глаголическую азбуку на три зоны с двумя небольшими *буферными отрезками* между ними. В первой зоне, от ѡ (а) до 25-й ѡ (w) или до 26-й буквы л «пѣ», буквы

⁵¹ Эти наблюдения должны учитываться при рассмотрении вопроса о долготе гласных [ъ] и [ь] в славянских диалектах по состоянию на IX в. Ср. недавнее исследование [Саенко 2023], где предполагается совпадение долготы [ъ] и [ь] с долготой кратких [о] и [е].

⁵² Велчева указала на сходство этой структуры с четко устроенным коптским алфавитом.

следуют в порядке греческого алфавита (буква л «пѣ», с цифровым значением ‘800’, возможно, соответствует греческой ρ «сампи» ‘900’)⁵³, во второй, от той же л «пѣ» до *ш (ш₂), — в порядке семитских азбук, третья же зона, от ѣ (ѣ) до конца азбуки, в основном состоит из дополнительных знаков для записи славянских гласных звуков.

В табл. 5 розовой заливкой обозначены гласные; синим цветом набраны буквы с темными названиями (включая спорные случаи). Под глаголическими буквами помещены греческие, самаритянские, древнееврейские буквы (и одна латинская), выступающие в своих алфавитах в тех же последовательностях: α «альфа», β «бета», γ «гамма», δ «дельта»; ϰ «алаф», Ϡ «бит», ϡ «гаман», Ϣ «далат» и т. д. При этом серой заливкой обозначены греческие буквы-прототипы, а голубой — семитские. Зеленым цветом залиты те ячейки, в которых приведены кириллические аналоги специальных славянских букв, не имеющих прямых прообразов в перечисленных алфавитах. Номера трех букв, вошедших в блок I* перечня Храбра (26-й, 32-й и 35-й, ср. табл. 2), набраны курсивным полужирным шрифтом.

Таблица 5. Структура глаголической азбуки

Ia	1 ꙗ	2 ѣ	3 ѡ	4 ѣ	5 ѡ	6 ѣ	7 ѡ	8 ѣ	9 ѡ	10 ѣ	11 ѡ	12 ѣ
	α	Ϡ b	β	γ	δ	ε	→ ж	→ з	ζ	η, ι	→ λ	
Iб	13 ꙗ	14 ѣ	15 ѡ	16 ѣ	17 ѡ	18 ꙗ	19 ѣ	20 ѡ	21 ѡ			
	κ	λ	μ	ν	ο	π	ρ	σ	τ			
Iв	22 ѣ	23 ꙗ	24 ѡ	25 ѣ								
	υ	φ	χ	ω								
I/II	26 ꙗ											
	ϣ	ϣ										
II	27 ѣ	28 ѣ	29 ѡ									
	ϣ	→ ϣ	ω									
II/III	30 ѣ	31 *ш										
	→ ѣ	ш										
III	32 ꙗ	33 ѣ	34 ѡ	35 ѡ	36 ꙗ	37 ꙗ	38 ꙗ					
	η, ι	→ б	→ ѣ	χ	→ ѣ	→ ѡ	→ ѡ					

⁵³ При этом в первой зоне отсутствуют соответствия греческим буквам θ, ζ и ψ.

Следов влияния иных архаичных греческих букв в глаголической азбуке не выявлено.

Внутри первой зоны выделяется несколько *отрезков*.

На отрезке Ia, до **א** (**א**), имеется четыре буквы для гласных и восемь букв для согласных. Данный отрезок отличается от всех остальных частей азбуки тем, что на нем все согласные — звонкие, а в других частях звонкие согласные отсутствуют [Tkadlčík 2000: 10]. При этом половина представленных здесь букв для согласных дополнительно по сравнению с греческим образцом. Все они вставлены после гласных: по одной букве после **א** (**א**) и **ב** (второго *и*) и две буквы после **ג** (**ג**). При этом, как давно замечено, три из четырех букв вставлены перед такими согласными, которые сходны с ними по фонетическому значению: **ד** (**ד**) перед **ב** (**ב**), **ז** (**ז**) перед **ב** (**ב**) и **ח** (**ח**) перед **ג** (**ג**). При этом размещение буквы **ד** (**ד**) на второй позиции соответствует положению древнееврейской буквы **ב** «бет», самаритянской **ב** «бит» и латинской *b*. Несколько неожиданно положение буквы **א** (**א**) между **ב** (вторым *и*) и **כ** (**כ**). Четыре дополнительных буквы отрезка Ia входят во II часть перечня Храбра (см. табл. 2).

От буквы **כ** (**כ**) до буквы **ל** («пф»), т. е. на отрезках Ib, Iv и I/II (буферном), буквы представлены в полном соответствии с греческим алфавитом, без дополнений; это три буквы для гласных, семь букв для глухих согласных (считая редкую букву **ל**) и четыре буквы для сонорных согласных. Граница между отрезками Ib и Iv выделяется на основании разницы в характере названий входящих в них букв: если на отрезках Ia и Ib мы имеем дело почти исключительно с осмысленными названиями, то с отрезка Iv преобладают темные⁵⁴.

Основу второй зоны составляют буквы для глухих согласных в порядке семитских азбук: **ל** («пф»), **צ** (**צ**), **ש** (**ש**) и ***ש** (**ש**₂). Последовательность «пф» (**ל**, с цифровым значением '800') — «ци» (**צ** = 900) ... «ша» (**ש**) соответствует последовательности *ne* (**נ** = 80) — *цади* (**צ** = 90) ... *шин* (**ש** = 300) древнееврейского алфавита или *фи* (**פ** = 80) — *цаадий* (**פ** = 90) ... *шан* (**ש** = 300) самаритянской азбуки. Между **צ** (**צ**) и **ש** (**ש**) вставлена близкая к ним по фонетическому значению буква **ק** (**ק**)⁵⁵.

⁵⁴ Данное деление отчасти пересекается с делением, предлагавшимся Матъесеном, однако он отделял буквы вплоть до **ט** (**ט**) от букв начиная с **ו** (**ו**) на совсем иных основаниях [Mathiesen 2014: 208–209].

⁵⁵ В древнееврейском алфавите между **צ** «цади» и **ש** «шин» находятся буквы **ק** «коф» и **ר** «реш».

Здесь уместно еще раз обратить внимание на внешний облик букв. При рассмотрении вопроса о происхождении глаголических букв в § 1.1 я обошел стороной тот факт, что в начертании пяти или шести из почти четырех десятков глаголических графем нет ни кружков, ни треугольников; это буквы **א** (**א**), **ב** (**ב**), **ג** (**ג**), **ד** (**ד**), **ה** (**ה**), **ו** (**ו**), **ז** (**ז**) и, вероятно, ***ש** (**ש**₂). Как можно заметить, почти все эти графемы имеют семитское происхождение, за исключением начальной **א** (**א**) — изображения креста, знаменующего молитву. Исходя из этого, семитское

И конечные, и, по-видимому, начальные границы второй зоны размыты. Буква $\dot{\text{ѣ}}$ больше тяготеет к третьей зоне, а «второе ш » — ко второй, поэтому можно условно выделять буферный отрезок II/III. Буква л «пѣ» стоит на стыке первой и второй зон, так как и уже соответствует семитским $\dot{\text{כ}}$ «фи» и $\dot{\text{ל}}$ «пе», и одновременно соотносима с последней буквой греческой последовательности из 27 букв, использовавшихся для написания цифр, — $\dot{\text{Ϛ}}$ «сампи», то есть «как π «пи»» (впрочем, нельзя полностью исключать того, что соответствие положения «пѣ» с положением «сампи» является результатом случайного совпадения).

Буферный отрезок II/III и третья зона содержат ряд букв для особых славянских гласных, названия которых начинаются на [j], а также три загадочных дублетных буквы: «второе ш » и две дублетных буквы из блока I* азбуки Храбра (ср. табл. 2) — $\dot{\text{ѣ}}$ «третье и » и $\dot{\text{ѣ}}$ «второе х ».

5. Проблема дублетных букв в глаголице

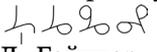
Очевидно, создатель глаголической азбуки в том ее виде, который подается нашей реконструкции, не пытался избежать дублетов. В его алфавит вошли по два знака для звуков [o], [p], [h] и [š] и, по-видимому, три знака для [i] или сходных звуков. По отношению к $\dot{\text{ѣ}}$ (г) полудублетной является буква $\dot{\text{ѣ}}$ (ѣ), использовавшаяся для редкого звука [g'], присутствовавшего в южно- и западнославянских диалектах IX в. только в заимствованных словах.

Дублетные буквы для [p], [h] и [š] были рано утрачены. В кириллице остались только два и (и и $\dot{\text{и}}$), два о (о и $\dot{\text{о}}$) и г с $\dot{\text{ѣ}}$. Из букв для вторых п , х и ш дольше всего продержалась буква $\dot{\text{ѣ}}$, «второе х ». Меньше повезло «пѣ» и в особенности «второму ш »⁵⁶.

Обратимся теперь к вопросу о предназначении дублетных букв. Для фонетической трактовки л «пѣ» и $\dot{\text{ѣ}}$ «шѣдѣ» в азбуке Константина Кирилла у нас практически нет никаких оснований, однако для $\dot{\text{ѣ}}$ «хлѣмѣ» и для $\dot{\text{ѣ}}$ «третьего и », какие-то косвенные данные находятся.

происхождение остальных букв, таких как л «пѣ» и $\dot{\text{ѣ}}$ (ѣ), можно было бы считать менее надежно установленным фактом. Впрочем, их группировка во второй зоне почти не оставляет сомнений в верности гипотезы о самаритянско-древнееврейском происхождении и этих двух букв, содержащих характерные глаголические петли. При этом славянская буква л (лѣ) выглядит как повернутая на 90° древнееврейская $\dot{\text{ע}}$ «пе» или повернутая на 90° и зеркальная самаритянская $\dot{\text{כ}}$ «фи». Подробнее см. [Fuchsbauer 2015: 234–236].

⁵⁶ Вторые п , х и ш , в отличие от остальных глаголических букв, перечислены в ряде списков трактата черноризца Храбра в виде своих названий, о чем подробно шла речь в § 2.3.

При обсуждении вопроса о звуковом наполнении «второго х» (ср. об этом [Tkadlčík 1964a; Mareš 1971: 179–181]) следует учитывать тот факт, что его облик не имеет ничего общего с построенными по единому образцу начертаниями четырех букв для заднеязычных согласных: ѡ (κ), ѣ (χ), ѣ (ϛ) и ѣ (Α): (об их сходстве уже говорилось в § 1.1). Как отметил уже Л. Гейтлер, рисунок ѣ напоминает греческую χ «хи» [Geitler 1883: 125], что является дополнительным аргументом в пользу того, что это не могла быть буква для особого славянского звука, что, впрочем, и так следует из положения «второго х» в перечне букв Храбра среди букв, «подобных» греческим⁵⁷.

Для фонетического значения ѣ, «третьего и», предлагались такие варианты как [ji] [Nahtigal 1923: 164], [ji] [Mareš 1971: 176], [i] [Nuorgluoto 1994: 64], [ü] [Велчева 2007: 114–115]⁵⁸. При обсуждении данного вопроса следует учитывать несколько факторов, которые, с одной стороны, вытекают из закономерностей в устройстве названий букв, обозначенных в § 4, и, с другой стороны, из анализа перечней Храбра в § 2.3. Во-первых, если название этой буквы было однобуквенным и состояло только из самой буквы ѣ, то оно не должно было быть омофонично названию буквы ѣ, очевидно звучавшему как [i]. Во-вторых, односложное название не должно было содержать звуков [ъ] или [ь]. В-третьих, в конце азбуки сконцентрировано несколько букв для йотированных гласных. В-четвертых, у Храбра рассматриваемая буква, если верно сказанное в § 2.3, перечислена среди букв, соответствующих греческим. Последние два фактора позволяют утверждать, что гипотеза об [i] является наименее вероятной из перечисленных.

6. ИТОГИ

Теперь исход глаголической азбуки, после 25-й буквы ѣ (ѣ, название — ѣѣ), может быть реконструирован следующим образом (см. табл. 6).

Темные названия ряда глаголических букв, существенно преобладающие над осмысленными названиями начиная с буквы [y]кѣ, судя по всему, были введены составителем азбуки намеренно (см. § 4).

⁵⁷ Единогласные показания Синайского и Мюнхенского абecedариев не позволяют согласиться с давней теорией о том, что буквы ѣ и ѣ в какой-то момент поменялись местами в глаголической азбуке (ср. работы последователей этой теории: [Trubetzkoy 1954: 28–30; Vaillant 1955: 22; Tkadlčík 1964a: 189–191; Иванова 1969; Велчева 1971b: 216–217]).

⁵⁸ По версии Марти ѣ первоначально предназначался для диграфа ѣѣ, использовавшегося для записи [i] в отличие от диграфов ѣѣ и ѣѣ для [ъ] [Marti 2000: 66–70; 2004: 21–22]. Ср. также [Vaillant 1931; Гъльбов 1974].

Таблица 6. Конечная часть глаголической азбуки. Реконструкция

№	Буквы	Транслитерация	Названия	
			Оригинальные	Транслитерация
26	л	«П ₂ »	лД	пѢ
27	ѡ	ц	ѡѢ	ци
28	ѣ	ѣ	ѣбѡѣ	ѣрьвь
29	ш	ш	шт	шД
30	ѡ	ѡ	ѡбѡ	ѡрьѡ
31	*ѡ	«Ш ₂ »	*ѡѡбѡ или *ѡѡѡ	*шьДѡ или *шьмь
32	ѣ	«И ₃ »	*ѣ	*и
33	ѡ	ь	ѡбѡ	ѡрь
34	Д	Ѣ	Дѡѡ	Ѣтъ
35	ѡ	«Х ₂ »	*ѡѡѡѡ или *ѡѡѡѡѡ	*хлѡмѡ или *хлѡтѡ
36	ѣ / ѣѣ	ѣѣ	ѣѡѡ или ѣѣѡѡ	ѣѣѡѡ
37	ѣ	ю	ѣ	ю
38	ѣ / ѣѣ	А	ѣ или ѣѣ	А

Остаются нерешенными и задача восстановления древних букв для носовых гласных (на 36-й и 38-й позициях) и их последующей истории, и задача реконструкции поврежденного 12-го стиха, на букву ѡ (А), в Азбучной молитве Константина Болгарского (см. примеч. 26), и задача реконструкции смысла структуры конечной части азбуки (§ 4). Остаются без ответов и вопросы о назначении дублетных букв (§ 5). Весьма вероятно, что и вехи в движении на пути к разрешению этих наболевших проблем, и продвижение в ответе на еще не отрефлектированные наукой загадки азбуки Константина Кирилла, равно как и новые эмпирические открытия в рукописях и эпиграфике будут ставить перед нами новые, не менее сложные вопросы.

Сокращенные названия древлехранилищ

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

НБУ – Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського (Київ).

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва).

РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург).

BSB – Bayerische Staatsbibliothek (München).

Библиография

Источники

Рукописи

Григ. 2

Паремейник, XII в., РГБ, ф. 87 (собрание В. И. Григоровича).

МДА 145

Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского, и книга «Небеса» преп. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна, экзарха Болгарского, с дополнительными статьями, 3-я четв. XV в., РГБ, ф. 173/1 (фундаментальное собрание библиотеки Московской духовной академии).

НБУ, ДА 328п

Київські глаголичні листки, НБУ, ф. 301 (колекція Церковно-археологічного музею при Київської духовної академії).

Погод. 68

Московские кириллическо-глаголические листки, XII в., РНБ, собрание М. П. Погодина.

Син. 262

Евангелие учительное Константина Болгарского, 1-я четверть XII в., ГИМ, Синодальное собрание.

Сол. 913/1023

Сборник смешанного содержания, 1-я пол. XVI в., 2-я пол. XVI в. и нач. XVII в., РНБ, Соловецкое собрание.

Соф. 1129

Сборник богослужебный, XIV в., РНБ, Софийское собрание.

Тр. 769

Сборник, нач. XVI в., РГБ, ф. 304/1 (главное собрание библиотеки Троицко-Сергиевой лавры).

Яроsl. 15481

Часослов, XIII в., Ярославский музей-заповедник

BSB, Clm. 14485

Hroswithae carmina, X в., BSB, codices latini monacenses.

Sin. slav. 2/N

Psalterium Sinaiticum, XI в., *Ἱερά Μονή Αγίας Αικατερίνης Ὁρους Σινά*, codices slavici.

Sin. slav. 3/N

Psalterium Demetrii Sinaistici, XI в., *Ἱερά Μονή Αγίας Αικατερίνης Ὁρους Σινά*, codices slavici.

Литература

Андреев, Афанасьева 2023

Андреев А. А., Афанасьева Т. И., К истории древнеболгарского часослова, *Scripta & e-Scripta*, 23, 2023, 105–134.

Афанасьева 2024

Афанасьева Т. И., Славянский азбучный гимн в древнерусских часословах XIII–XIV вв., *Studi Slavistici*, 2024, 1, 19–32.

Велчева 1969

Велчева Б., Названията на буквите в първите абecedари като източник за езикови данни, *Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му*, София, 1969, 369–373.

Велчева 1971а

Велчева Б., Най-ранните абecedари като източник на езикови данни, *Константин Кирил Философ. Доклади от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му*, София, 1971, 185–186.

——— 1971b

Велчева Б., Буквите за “х” в глаголицата, *Български език*, XXI, 2–3, 1971, 214–217.

——— 1973

Велчева Б., Въпросът за џ в глаголическата азбука, *Известия на Института за български език*, XXII, 1973, 105–124.

——— 1978

Велчева Б., Которые 38 букв создал Константин Философ?, *Славянские культуры и Балканы*, 1: IX–XVII вв., София, 1978, 57–61.

——— 1985

Велчева Б., Абecedар, *Кирило-Методиевска енциклопедия*, I, София, 1985, 20–26.

——— 2005

Велчева Б., Глаголица и еврейская азбука, *Jews and Slavs*, 15: *Judaeo-Bulgarica, Judaeo-Russica et Palaeoslavica*, 2005, 111–117.

——— 2007

Велчева Б., Глаголицата и нейните абecedари до XII век, *Кирило-Методиевски студии*, 17: Проблеми на Кирило-Методиевото дело и на българската култура през IX–X век, 2007, 108–120.

Высоцкий 1976

Высоцкий С. А., *Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.)*, Киев, 1976.

Гиппиус, Михеев 2022

Гиппиус А. А., Михеев С. М., Древнерусские глаголические надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода: № 30–55, *Slovo*, 72, 2022, 47–92.

Григорович 1852

Григорович В., О древней письменности славян, *Журнал Министерства Народного Просвещения*, LXXIII, 1852, Отд. II, 152–168.

Гълъбов 1974

Гълъбов И., Глаголическото џ, началната история на глаголическата азбука и една особеност на диалектната микроструктура на южните български говорни области, *В памет на професор Стойко Стойков (1912–1969). Езиковедски изследвания*, София, 1974, 515–521.

Дзиффер 2017

Дзиффер Дж., Еще раз по поводу источников Храбра, *Славяноведение*, 2017, 4, 9–11.

——— 2022

Дзиффер Дж., “За буквите” от Черноризец Храбр – между глаголицата и кирилицата, *Кирилицата*, София, 2022, 150–155.

Добрев 1980

Добрев И., Знакът т в глаголическите текстове, *Език и литература*, 1980, 2, 40–43.

——— 2005

Добрев И., *Глаголицата*, София, 2005.

Дурново 1929/2000

Дурново Н. Н., Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов, Н. Н. Дурново, *Избранные работы по истории русского языка*, Москва, 2000, 566–612.

Дыбо 2000

Дыбо В. А., *Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис*, I, Москва, 2000.

Зализняк 1999

Зализняк А. А., О древнейших кириллических алфавитах, *Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова*, Москва, 1999, 543–576.

Иванова 1969

Иванова Т. А., О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите, *Вопросы языкознания*, 1969, 6, 48–55.

——— 2004

Иванова Т. А., Глаголица: новые гипотезы (несколько критических замечаний по поводу новых исследований о первой славянской азбуке), *Труды Отдела древнерусской литературы*, LVI, 2004, 78–93.

Иванова-Константинова 1971

Иванова-Константинова К., Два неизвестны азбучни акростиха с глаголическа подредба на буквите в среднобългарски празничен миней, *Константин-Кирил Философ. Доклади от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му*, София, 1971, 341–365.

Илчев 2020

Илчев П., *Старобългарската глаголица като графична система*, София, 2020.

Кув 1967

Кув К., *Черноризец Храбър*, София, 1967.

——— 1974

Кув К. К., *Азбучната молитва в славянските литератури*, София, 1974.

Кульбакин 1935

Кульбакин С., *Josef Vajs: Rukověť hláskové paleografie. (Rukověti Slovanského ústavu v Praze) 1932, Slavia, XIII, 1934–1935, 477–484.*

Львов 1971

Львов А. С., Глаголица и некоторые проблемы прастарославянской фонетики, *Slovo*, 21: Glagoljica. Jedanaest stoljeća jedne velike tradicije: Zbornik radova prikazanih na simpoziju koji su pod gornjim naslovom priredili Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti i Staroslavenski institut «Svetozar Ritig» (21–28. IX 1969), 1971, 41–70.

Михеев 2021

Михеев С. М., Нумерация толкований, схолии и перекрестные ссылки в древнерусских рукописях: К ранней истории славянского Толкового апостола, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2021, 1: Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 246–266.

Попов 1982

Попов Г., Новооткрити химнографски произведения на Климент Охридски и Константин Преславски, *Български език*, XXXII, 1982, 3–26.

——— 1985

Попов Г., *Триодни произведения на Константин Преславски*, София, 1985 (Кирило-Методиевски студии, 2).

——— 2003a

Попов Г., Акростих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия, *La poesia liturgica slava antica = Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15–21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni*, Roma; Sofia, 2003, 30–55.

Попов 2003б

Попов Г., Нововыявленные оригинальные произведения древнеславянской гимнографии IX–X веков, *La poesia liturgica slava antica = Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15–21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni*, Roma, Sofia, 2003, 109–112.

Савић 2014/2019

Савић В., Редакцијске одлике прве странице Кијевских листића, В. Савић, *Српска књижевна реч у својим првим столећима*, Подгорица, Ниш, 2019, 59–87.

— 2022

Савић В., Српски међу словенским рукописима у манастиру Свете Катарине на Синају (XI–XII век), *Црквене Студије*, 19, 2022, 15–43.

Саенко 2023

Саенко М. Н., Праславянские “редуцированные” и гласные *и* и *і* в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели, *Исследования по славянской диалектологии*, 24, 2023, 5–39.

Тотоманова 2003

Тотоманова А.-М., Погодински кирилско-глаголически листове, *Кирило-Методиевска енциклопедия*, III, София, 2003, 177–179.

Успенский 2005

Успенский Б. А., О происхождении глаголицы, *Вопросы языкознания*, 2005, 1, 63–77.

Фортунатов 1913

Фортунатов Ф. Ф., *О происхождении глаголицы*, С.-Петербург, 1913.

Щепеткин 2019

Щепеткин А. В., Часослов XIV в. (РНБ. Соф. 1129) и соответствующая ему богослужебная традиция, *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*, 2019, 3 (27), 125–154.

Ягич 1911

Ягич И. В., Глаголическое письмо, *Энциклопедия славянской филологии*, 3: Графика у Славян, С.-Петербург, 1911, 51–257.

Abicht 1910

Abicht R., Das Alphabet Chrabrs, *Archiv für slavische Philologie*, 31, 1910, 210–217.

Andreev, Yudin 2022

Andreev A., Dalmat (Yudin), *Kata Stichon* Hymnography in the East Slavic Tradition, *Religions*, 13, 1, 2022, 40.

Cleminson 2022

Cleminson R., Чръгы и рѣзы, *А на жената бяха дадени крила. Сборник в чест на професор Светлина Николова*, София, 2022 (= *Palaeobulgarica* = Старобългаристика, XLVI, 4: Специално издание), 221–225.

Fetková 2000

Fetková P., Die Schreiber des neugefundenen Teils des Psalterium Sinaiticum, *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*, Wien, 2000 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Schriften der Balkan-Kommission, Philologische Abteilung, 41), 109–116.

Fuchsbaauer 2015

Fuchsbaauer J., The Second P of the Glagolitic Alphabet, *International Scientific Conference Cyril and Methodius. Byzantium and the World of Slavs*, Thessalonikē, 2015, 230–240.

— 2023

Fuchsbaauer J., Zur frühen Überlieferung der *Azbučna molitva* des Konstantin von Preslav, *Slovo*, 73, 2023, 66–77.

Fučić 1982

Fučić B., *Glagoljski natpisi*, Zagreb, 1982 (= Djela Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, 57).

Gau, Hürner, Miklas 2012

Gau M., Hürner D., Miklas H., Kodikologisch-paläographischer Befund des Demetrius-Psalters, *Psalterium Demetrii Sinaitici (monasterii sancti Catharinae codex slav. 3/N) adiectis foliis medicinalibus*, Wien, 2012 (= Glagolitica Sinaitica, 1), 39–77.

Geitler 1883

Geitler L., *Die albanesischen und slavischen Schriften*, Wien, 1883.

Glibetić 2015

Glibetić N., A new 11th century Glagolitic fragment from St Catherine's monastery: The midnight prayer of early Slavic monks in the Sinai, *Археографски прилози*, 37, 2015, 11–47.

Hanuš 1858

Hanuš I. J., Zur Glagolica-Frage, *Slavische Bibliothek oder Beiträge zur slavischen Philologie und Geschichte*, II, 1858, 197–232.

——— 1859

Hanuš I. J., Der bulgarische "Mönch Chrabru" (IX.–X. Jahrhundert). Ein Zeuge der Verbreitung glagolischen Schriftwesens unter den Slawen bei deren Bekehrung durch die heiligen Kyril und Method, *Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen*, XXIII, 1, 1859, 2–100.

Horálek 1954

Horálek K., *Základy staroslověnštiny*, Praha, 1954.

Hürner, Miklas 2023

Hürner D., Miklas H., Paläographische und Graphematische Tabellen, *Die Kiever Blätter (Sacramentarium glagoliticum Sinaiticum) der Vernads'kyj-Nationalbibliothek der Ukraine (Cod. F. 301, Nr. 328 P). Faksimile-Edition mit kyrillischer Transliteration und Paralleltextrn*, Sofia, 2023 (= Glagolitica Sinaitica, III), 89–120.

Ilijinskij 1929

Ilijinskij G., Погодинские кирилловско-глаголические листки, *Byzantinoslavica*, I, 1929, 86–118.

Ivanova 2024

Ivanova M., *Inventing Slavonic. Cultures of Writing between Rome and Constantinople*, Oxford, 2024.

Kempgen 2007

Kempgen S., Das "Münchener Abecedarium" — ein neues Facsimile samt einigen neuen Beobachtungen, *Script & e-Scripta*, 5, 2007, 73–93.

——— 2018

Kempgen S., *The Glagolitic 'spidery kh' <Q>, its origin and relatives*, Bamberg, 2018.

——— 2020

Kempgen S., *The Paris Abecedarium bulgaricum: Edition and early reception*, *Die Welt der Slaven*, 65, 1, 2020, 142–163.

Koch 2004

Koch C., Das Bamberger glagolitische Alphabet. Zur Entstehungsgeschichte der Zeichenfolgen der kroatischen glagolitischen Alphabete, *Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske akademije i 50. obljetnice Staroslavenskog instituta (Zagreb–Krak 2.–6. listopada 2002.)*, Zagreb, Krak, 2004, 435–452.

Lunt 2000

Lunt H. G., Thoughts, Suggestions, and Questions about the Earliest Slavic Writing Systems, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 46, 2000, 271–286.

MacRobert 2019

MacRobert C. M., Methodological implications of Nahtigal's remarks on the Acrostich Prayer, *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani. Monografija ob 100. obletnici nastanka Oddelka za slavistiko Filozofske fakultete UL*, Ljubljana, 2019 (= *Slavica Slovenica*, 5), 111–123.

Mareš 1971

Mareš F. V., Hlaholice na Moravě a v Čechách, *Slovo*, 21: Glagoljica. Jedanaest stoljeća jedne velike tradicije: Zbornik radova prikazanih na simpoziju koji su pod gornjim naslovom prirredili Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti i Staroslavenski institut «Svetozar Ritig» (21–28. IX 1969), 1971, 133–199.

Marti 1984

Marti R., Old Church Slavonic nasal vowels: Ѣ or VN, *New Zealand Slavonic Journal*, 1984, 119–152.

——— 1999a

Marti R., Abecedaria – a key to the original Slavic alphabet: The contribution of the Abecedarium Sinaiticum Glagoliticum, *Thessaloniki – Magna Moravia. Proceedings of the International Conference, Thessaloniki 16–19 October 1997*, Thessaloniki, 1999, 175–200.

——— 1999b

Marti R., Die Wiedergabe von Zahlen im Altkirchenslavischen (glagolitische Handschriften), *Festschrift für Klaus Trost zum 65. Geburtstag*, München, 1999 (= *Die Welt der Slaven. Sammelbände = Sborniki*, 5), 189–204.

——— 2000

Marti R., Die Bezeichnung der Vokale in der Glagolica, *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*, Wien, 2000 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Schriften der Balkan-Kommission, Philologische Abteilung, 41), 54–76.

——— 2004

Marti R., Aktuelle Probleme des altkirchenslavischen Schrift- und Lautsystems, *Incontri linguistici*, 27, 2004, 11–37.

——— 2023

Marti R., Der Traktat *О писменехъ* des Mönchs Chrabr, *Slovo*, 73, 2023, 79–94.

Marti, Veder 2000

Marti R. W., Veder W. R., Die Freiburger Diskussionsrunde zur Entstehung der Glagolica, *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*, Wien, 2000 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Schriften der Balkan-Kommission, Philologische Abteilung, 41), 227–243.

Mathiesen 2014

Mathiesen R., A new reconstruction of the original Glagolitic alphabet, *Philology Broad and Deep. In Memoriam Horace G. Lunt*, Bloomington, Indiana, 2014, 187–213.

Mihaljević 2020

Mihaljević M., Glagolitic, *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*, 21.02.2020 (<https://referenceworks.brill.com/display/db/eslo>).

Miklas 2002

Miklas H., Zum griechischen Anteil am glagolitischen Schriftsystem des Slavenlehrers Konstantin-Kyrrill, *Palaeoslavica*, X, 1, 2002, 281–311.

——— 2023

Miklas H., Demetrius Sinaiticus, der Schreiber der ersten Seite, *Die Kiever Blätter (Sacramentarium glagoliticum Sinaiticum) der Vernads'kyj-Nationalbibliothek der Ukraine (Cod. F. 301, Nr. 328 P). Faksimile-Edition mit kyrillischer Transliteration und Paralleltextrn*, Sofia, 2023 (= *Glagolitica Sinaitica*, III), 74–77.

Miklas et al. 2012

Psalterium Demetrii Sinaïtici (monasterii sancti Catharinae codex slav. 3/N) adiectis foliis medicinalibus, ad editionem phototypicam praeparaverunt M. Gau, D. Hürner, F. Hollaus, F. Kleber, M. Lettner, H. Miklas, sub redactione H. Miclas, Wien, 2012 (= *Glagolitica Sinaïtica*, 1).

——— 2021

Psalterium Demetrii Sinaïtici (Monasterii sancti Catharinae codex slavicus NF 3). Editio critica, praeparaverunt H. Miklas, C. M. MacRobert, A. N. Sobolev, D. Hürner, F. Wandl, M. Gau, sub redactione H. Miclas, C. M. MacRobert, A. N. Sobolev, Wien, 2021 (= *Glagolitica Sinaïtica*, 2).

Mošin 1973

Mošin V., Još o Hrabru, slavenskim azbukama i azbučnim molitvama, *Slovo*, 23, 1973, 5–71.

Nahtigal 1923

Nahtigal R., Doneski k vprašanju o postanku glagolice, *Razprave*, I, 1923, 135–178.

——— 1943

Nahtigal R., Rekonstrukcija treh starocerkvenoslovanskih izvornih pesnitev, *Razprave. Filozofsko-filološko-historični razred, Akademija znanosti in umetnosti v Ljubljani*, I, 1943, 41–155.

——— 1948

Nahtigal R., Nekaj pripomb k pretresu Hrabrovega spisa o azbuki Konstantina Cirila, *Slavistična revija*, I, 1948, 1–2, 5–18.

Nuorluoto 1994

Nuorluoto J., *Die Bezeichnung der konsonantischen Palatalität im Altkirchenslavischen: Eine graphematisch-phonologische Untersuchung zur Rekonstruktion und handschriftlichen Überlieferung*, München, 1994 (= *Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik*, 24).

Olof 1973

Olof K. D., *Philologische und literarische Aspekte slavischer Alphabetakrostichis nebst einem Exkurs über die slavischen Buchstabenamen*, Amsterdam, 1973.

Schaeken 1987

Schaeken J., *Die Kiever Blätter*, Amsterdam, 1987.

Strakhov 2011

Strakhov O. B., The Adventure of the Dancing Men: Professor Ševčenko's Theory on the Origin of Glagolitic, *Palaeoslavica*, XIX, 1, 2011, 1–45.

Šafařík 1853

Šafařík P. J., *Památky hlaholského písemnictví*, V Praze, 1853.

Tkadlečik 1964a

Tkadlečik V., Dvojí *ch* v hlaholici, *Slavia*, 33, 2, 1964, 182–193.

——— 1964b

Tkadlečik V., Le moine Chrabr et l'origine de l'écriture slave, *Byzantoslavica*, 25, 1, 1964, 75–92.

——— 1985

Tkadlečik V., Das slavische Alphabet bei Chrabr, *Byzantoslavica*, 46, 1, 1964, 106–120.

——— 2000

Tkadlečik V., Über den Ursprung der Glagolica, *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*, Wien, 2000 (= *Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Schriften der Balkan-Kommission, Philologische Abteilung*, 41), 9–32.

Trubetzkoy 1936

Trubetzkoy N., Die Aussprache des griechischen χ im 9. Jahrhundert n. Chr., *Glotta*, XXV, 1936, 248–256.

——— 1954

Trubetzkoy N. S., *Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem*, Wien, 1954.

Tschernochvostoff 1995

Tschernochvostoff G., Zum Ursprung der Glagolica, *Studia Slavica Finlandensia*, XII, 1995, 141–150.

Vaillant 1931

Vaillant A., Les deux *i* de l'alphabet vieux-slave et du slave commun, *Revue des Études slaves*, XI, 3–4, 1931, 171–186.

——— 1935

Vaillant A., Les "lettres russes" de la *Vie de Constantin*, *Revue des Études slaves*, XV, 1–2, 1935, 75–77.

——— 1936

Vaillant A., Chronique. Slave commun et vieux slave, *Revue des Études slaves*, XVI, 3–4, 1936, 247–250.

——— 1955

Vaillant A., L'alphabet vieux-slave, *Revue des Études slaves*, XXXII, 1–4, 1955, 7–31.

Vajs 1932

Vajs J., *Rukověť hlaholské paleografie*, v Praze, 1932 (= Rukověti Slovanského ústavu v Praze, II).

Veder 1999

Veder W. R., *Utrum in alterum abiturum erat? A Study of the Beginnings of Text Transmission in Church Slavic. The Prologue to the Gospel Homiliary by Constantine of Preslav, the Text On The Script and the Treatise On The Letters by Anonymous Authors*, Bloomington, 1999.

——— 2004

Veder W. R., The Glagolitic alphabet as a text, *Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske akademije i 50. obljetnice Staroslavenskog instituta (Zagreb–Krk 2.–6. listopada 2002.)*, Zagreb, Krk, 2004, 375–387.

Vondrák 1896

Vondrák W., Zur Frage nach der Herkunft des glagolitischen Alphabets, *Archiv für slavische Philologie*, 18, 1896, 541–556.

——— 1897

Vondrák W., Zur Frage nach der Herkunft des glagolitischen Alphabets, *Archiv für slavische Philologie*, 19, 1897, 167–188.

Vrana 1963

Vrana J., O postanku i karakteru staroslovenskih azbukvara i azbučnih molitava, *Filologija*, 4, 1963, 191–204.

Wessely 1913

Wessely C., Glagolitisch-lateinische Studien, *Studien zur Palaeographie und Papyruskunde*, XIII, 1913, 41–43, Autogr., 1–20.

Ziffer 1993

Ziffer G., Sul testo e la tradizione dell'Apologia di Chrabr, *AION Slavistica*, 1, 1993, 65–95.

——— 1996

Ziffer G., Per la storia del più antico alfabeto slavo, *Русистика. Славистика. Индоевропейистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка*, Москва, 1996, 169–177.

Žagar 2013

Žagar M., *Uvod u glagoljsku paleografiju*, 1: X. i XI. st., Zagreb, 2013.

——— 2021

Žagar M., *Introduction to Glagolitic Palaeography*, Heidelberg, 2021 (= Empirie und Theorie der Sprachwissenschaft, 4).

References

- Afanasyeva T. I., Andreev A. A., Toward the History of the Early Bulgarian Horologion, *Scripta & e-Scripta*, 23, 2023, 105–134.
- Afanasyeva T. I., The Slavonic Alphabetical Hymn in Medieval Russian Horologia of the 13th–14th Centuries, *Studi Slavistici*, 2024, 1, 19–32.
- Andreev A., Dalmat (Yudin), *Kata Stichon* Hymnography in the East Slavic Tradition, *Religions*, 13, 1, 2022, 40.
- Cleminson R., Chrutyy i rezy, *A na zhenata biakha dadeni krila. Sbornik v chest na profesor Svetlina Nikolova*, Sofia, 2022 (= Palaeobulgarica = Starobulgaristika, XLVI, 4: Spetsialno izdanie), 221–225.
- Dobrev I., Znakut t v glagolicheskite tekstove, *Ezik i literatura*, 1980, 2, 40–43.
- Dobrev I., *Glagolitsata*, Sofia, 2005.
- Dybo V. A., *Morfonologizovannyye paradigmatische aksentnyye sistemy: Tipologiya i genezis*, 1, Moscow, 2000.
- Fetková P., Die Schreiber des neugefundenen Teils des Psalterium Sinaiticum, *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*, Wien, 2000 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Schriften der Balkan-Kommission, Philologische Abteilung, 41), 109–116.
- Fuchsbaauer J., The Second P of the Glagolitic Alphabet, *International Scientific Conference Cyril and Methodius. Byzantium and the World of Slavs*, Thessalonikē, 2015, 230–240.
- Fuchsbaauer J., Zur frühen Überlieferung der *Azbučna molitva* des Konstantin von Preslav, *Slovo*, 73, 2023, 66–77.
- Fučić B., *Glagoljski natpisi*, Zagreb, 1982 (= Djela Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, 57).
- Gau M., Hürner D., Miklas H., Kodikologisch-paläographischer Befund des Demetrius-Psalters, *Psalterium Demetrii Sinaiticus (monasterii sancti Catharinae codex slav. 3/N) adiectis foliis medicinalibus*, Wien, 2012 (= *Glagolitica Sinaitica*, 1), 39–77.
- Gippius A. A., Mikheev S. M., 11th–12th Century Old Russian Glagolitic Graffiti Inscriptions from Novgorod: No. 30–55, *Slovo*, 72, 2022, 47–92.
- Glibetić N., A new 11th century Glagolitic fragment from St Catherine's monastery: The midnight prayer of early Slavic monks in the Sinai, *Археογραφски прилози*, 37, 2015, 11–47.
- Gulubov I., Glagolicheskoto ъ, nachalnata istoriia na glagolicheskata azbuka i edna osobenost na dialektната mikrostruktura na iuzhните bulgarski govorni oblasti, *V pamet na profesor Stoiko Stoikov (1912–1969). Ezikovedski izsledvaniia*, Sofia, 1974, 151–521.
- Horálek K., *Základy staroslovenštiny*, Praha, 1954.
- Hürner D., Miklas H., Paläographische und Graphematische Tabellen, *Die Kiever Blätter (Sacra-*
- mentarium glagoliticum Sinaiticum) der Vernad'skij-Nationalbibliothek der Ukraine (Cod. F. 301, Nr. 328 P). Faksimile-Edition mit kyrillischer Transliteration und Paralleltextrn*, Sofia, 2023 (= *Glagolitica Sinaitica*, III), 89–120.
- Ilchev P., *Starobulgarskata glagolitsa kato grafichna sistema*, Sofia, 2020.
- Ivanova M., *Inventing Slavonic. Cultures of Writing between Rome and Constantinople*, Oxford, 2024.
- Ivanova T. A., O nazvaniiax slavianskikh buk v i o poriadke ikh v alfavite, *Voprosy iazykoznaviia*, 1969, 6, 48–55.
- Ivanova T. A., Glagolitsa: novyye gipotezy (neskol'ko kriticheskikh zamechaniy po povodu novykh issledovaniy o pervoi slavianskoi azbuke), *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 56, 2004, 78–93.
- Ivanova-Konstantinova K., Dva neizvestni azbuchni akrostikha s glagolicheska podredba na bukвите v srednobulgarski praznichn minei, *Konstantin-Kiril Filosof. Dokladi ot simpoziuma, posveten na 1100-godishnina ot smurtta mu*, Sofia, 1971, 341–365.
- Kempgen S., Das “Münchener Abecedarium” – ein neues Facsimile samt einigen neuen Beobachtungen, *Script & e-Scripta*, 5, 2007, 73–93.
- Kempgen S., *The Glagolitic ‘spidery kh’ <Q>, its origin and relatives*, Bamberg, 2018.
- Kempgen S., The Paris *Abecedarium bulgaricum*: Edition and early reception, *Die Welt der Slaven*, 65, 1, 2020, 142–163.
- Koch C., Das Bamberger glagolitische Alphabet. Zur Entstehungsgeschichte der Zeichenfolgen der kroatischen glagolitischen Alphabete, *Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske akademije i 50. obljetnice Staroslavenskog instituta (Zagreb–Krk 2.–6. listopada 2002.)*, Zagreb, Krk, 2004, 435–452.
- Kuev K., *Chernorizets Khrabur*, Sofia, 1967.
- Kulbakin S., Josef Vajs: Rukověť hlaholské paleografie. (Rukověti Slovanského ústavu v Praze) 1932, *Slavia*, 13, 1934–1935, 477–484.
- Lunt H. G., Thoughts, Suggestions, and Questions about the Earliest Slavic Writing Systems, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 46, 2000, 271–286.
- Lvov A. S., Glagolitsa i nekotorye problemy prastaroslavianskoi fonetiki, *Slovo*, 21: Glagoljica. Jedanaest stoljeća jedne velike tradicije: Zbornik radova prikazanih na simpoziju koji su pod gornjim naslovom priredili Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti i Staroslavenski institut “Svetozar Ritig” (21–28. 9 1969), 1971, 41–70.
- MacRobert C. M., Methodological implications of Nahtigal's remarks on the Acrostich Prayer, *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani*

ni. *Monografija ob 100. obletnici nastanka Oddelka za slavistiko Filozofske fakultete UL*, Ljubljana, 2019 (= Slavica Slovenica, 5), 111–123.

Mareš F. V., Hlaholice na Moravě a v Čechách, *Slovo*, 21: Glagoljica. Jedanaest stoljeća jedne velike tradicije: Zbornik radova prikazanih na simpoziju koji su pod gornjim naslovom priredili Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti i Staroslavenski institut «Svetozar Ritig» (21–28. IX 1969), 1971, 133–199.

Marti R., Old Church Slavonic nasal vowels: V or VN, *New Zealand Slavonic Journal*, 1984, 119–152.

Marti R., Abecedaria — a key to the original Slavic alphabet: The contribution of the Abecedarium Sinaiticum Glagoliticum, *Thessaloniki — Magna Moravia. Proceedings of the International Conference, Thessaloniki 16–19 October 1997*, Thessaloniki, 1999, 175–200.

Marti R., Die Wiedergabe von Zahlen im Altkirchenslavischen (glagolitische Handschriften), *Festschrift für Klaus Trost zum 65. Geburtstag*, München, 1999 (= Die Welt der Slaven. Sammelbände = Sborniki, 5), 189–204.

Marti R., Die Bezeichnung der Vokale in der Glagolica, *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*, Wien, 2000 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Schriften der Balkan-Kommission, Philologische Abteilung, 41), 54–76.

Marti R., Aktuelle Probleme des altkirchenslavischen Schrift- und Lautsystems, *Incontri linguistici*, 27, 2004, 11–37.

Marti R., Der Traktat *O писменехъ* des Mönchs Hrabr, *Slovo*, 73, 2023, 79–94.

Marti R. W., Veder W. R., Die Freiburger Diskussionsrunde zur Entstehung der Glagolica, *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*, Wien, 2000 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Schriften der Balkan-Kommission, Philologische Abteilung, 41), 227–243.

Mathiesen R., A new reconstruction of the original Glagolitic alphabet, *Philology Broad and Deep. In Memoriam Horace G. Lunt*, Bloomington, Indiana, 2014, 187–213.

Mikheev S. M., The numbering of interpretations, scholia and cross-references in Old Russian manuscripts: on the early history of the Slavonic Exegetical Apostol, *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2021, 1, 246–266.

Miklas H., Demetrius Sinaiticus, der Schreiber der ersten Seite, *Die Kiever Blätter (Sacramentarium glagoliticum Sinaiticum) der Vernadskyj-Nationalbibliothek der Ukraine (Cod. F. 301, Nr. 328 P). Faksimile-Edition mit kyrillischer Transliteration und Parallelexten*, Sofia, 2023 (= Glagolitica Sinaitica, III), 74–77.

Mošin V., Još o Hrabru, slavenskim azbukama i azbučnim molitvama, *Slovo*, 23, 1973, 5–71.

Nahtigal R., Rekonstrukcija treh starocerkvenoslovanskih izvornih pesnitev, *Razprave. Filozofsko-filološko-historični razred, Akademija znanosti in umetnosti v Ljubljani*, I, 1943, 41–155.

Nahtigal R., Nekaj pripomb k pretresu Hrabrovega spisa o azbuki Konstantina Cirila, *Slavistična revija*, I, 1948, 1–2, 5–18.

Nuorluoto J., *Die Bezeichnung der konsonantischen Palatalität im Altkirchenslavischen: Eine graphematisch-phonologische Untersuchung zur Rekonstruktion und handschriftlichen Überlieferung*, München, 1994 (= Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik, 24).

Olof K. D., *Philologische und literarische Aspekte slavischer Alphabetakrostichis nebst einem Exkurs über die slavischen Buchstabennamen*, Amsterdam, 1973.

Popov G., Novootkriti khimnografski proizvedeniiia na Kliment Okhridski i Konstantin Preslavski, *Bulgarski ezik*, 32, 1982, 3–26.

Popov G., Triodni proizvedeniiia na Konstantin Preslavski, Sofia, 1985.

Popov G., Akrostikh v gimnograficheskom tvorchestve uchenikov Kirilla i Mefodiiia, *La poesia liturgica slava antica = Drevneslavianskaia liturgicheskaia poeziia. 13 Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15–21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni*, Roma, Sofia, 2003, 30–55.

Popov G., Novoviyavlennye original'nye proizvedeniiia drevneslavianskoi gimnografii 9–10 vekov, *La poesia liturgica slava antica = Drevneslavianskaia liturgicheskaia poeziia. 13 Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15–21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni*, Roma, Sofia, 2003, 109–112.

Saenko M. N., Proto-Slavic “reduced” sounds and the vowels *u* and *i* in the Slovenian dialect of Valburga: some parallels, *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, 24, 2023, 5–39.

Savić V., Redakcijske odlike prve stranice Kijevskih listića, V. Savić, Srpska književna reč u svojim prvim stolecima, Podgorica, Niš, 2019, 59–87.

Savić V., The Serbian Manuscripts in the Corpus of Slavic Manuscripts at Saint Catherine’s Monastery on Mount Sinai (11th–12th Centuries), *Church Studies*, 19, 2022, 15–43.

Schaeken J., *Die Kiever Blätter*, Amsterdam, 1987.

Shchepetkin A. V., The Book of Hours of the 14th Century (RNL. Soph. 1129) and Corresponding Liturgical Tradition, *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2019, 3 (27), 125–154.

Strakhov O. B., The Adventure of the Dancing Men: Professor Ševčenko’s Theory on the Origin of Glagolitic, *Palaeoslavica*, XIX, 1, 2011, 1–45.

Tkadleč V., Dvojī ch v hlaholici, *Slavia*, 33, 2, 1964, 182–193.

Tkadleč V., Le moine Hrabr et l’origine de l’écriture slave, *Byzantinoslavica*, 25, 1, 1964, 75–92.

Tkadleč V., Das slavische Alphabet bei Hrabr, *Byzantinoslavica*, 46, 1, 1964, 106–120.

Tkadlčik V., Über den Ursprung der Glagolica, *Glagolitica. Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur*, Wien, 2000 (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Schriften der Balkan-Kommission, Philologische Abteilung, 41), 9–32.

Trubetzkoy N., Die Aussprache des griechischen γ im 9. Jahrhundert n. Chr., *Glotta*, XXV, 1936, 248–256.

Trubetzkoy N. S., *Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem*, Wien, 1954.

Totomanova A.-M., Pogodinski kirilsko-glagolicheski listove, *Kirilo-Methodievska entsiklopediia*, 3, Sofia, 2003, 177–179.

Tschernochvostoff G., Zum Ursprung der Glagolica, *Studia Slavica Finlandensia*, XII, 1995, 141–150.

Vajs J., *Rukověť hláholské paleografie*, v Praze, 1932 (= Rukověti Slovanského ústavu v Praze, II).

Uspenskij B. A., O proiskhozhdenii glagolitsy, *Voprosy jazykoznanii*, 2005, 1, 63–77.

Veder W. R., *Utrum in alterum abiturum erat? A Study of the Beginnings of Text Transmission in Church Slavonic. The Prologue to the Gospel Homiliary by Constantine of Preslav, the Text On The Script and the Treatise On The Letters by Anonymous Authors*, Bloomington, 1999.

Veder W. R., The Glagolitic alphabet as a text, *Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske akademije i 50. obljetnice Staroslavenskog instituta (Zagreb-Krk 2.–6. listopada 2002.)*, Zagreb, Krk, 2004, 375–387.

Velcheva B., Nazvaniata na bukvite v purvite abetsedari kato iztochnik za ezikovi dannii, *Konstantin-Kiril Filosof. Iubileen sbornik po sluchai 1100-godishninata ot smurta mu*, Sofia, 1969, 369–373.

Velcheva B., Nai-rannite abetsedari kato iztochnik na ezikovi dannii, *Konstantin Kiril Filosof. Dokladi ot simpoziuma, posveten na 1100-godishninata ot smurta mu*, Sofia, 1971, 185–186.

Velcheva B., Bukvite za “kh” v glagolitsata, *Bulgarski ezik*, 21, 2–3, 1971, 214–217.

Velcheva B., Voprosut za ψ v glagolicheskata azbuka, *Izvestiia na Institutata za bulgarski ezik*, 22, 1973, 105–124.

Velcheva B., Kotorye 38 bukv sozdal Konstantin Filosof?, *Slavianskie kul'tury i Balkany*, 1: IX–XVII vv., Sofia, 1978, 57–61.

Velcheva B., Abetsedar, *Kirilo-Methodievska entsiklopediia*, 1, Sofia, 1985, 20–26.

Velcheva B., Glagolitsa i evreiskaia azbuka, *Jews and Slavs*, 15: Judaeo-Bulgaria, Judaeo-Russica et Palaeoslavica, 2005, 111–117.

Velcheva B., Glagolitsata i neinite abetsedari do 12 vek, *Kirilo-Methodievski studii*, 17: Problemi na Kirilo-Methodievoto delo i na bulgarskata kultura prez 9–10 vek, 2007, 108–120.

Vrana J., O postanku i karakteru staroslovenskih azbukvara i azbučnih molitava, *Filologija*, 4, 1963, 191–204.

Vysotsky S. A., Srednevekovey nadpisi Sofii Kievskoi (Po materialam graffiti 11–17 vv.), Kyiv, 1976.

Zaliznyak A. A., O drevneishikh kirillicheskih abetsedariakh, *Poetika. Istoriia literatury. Lingvistika. Sbornik k 70-letiiu Viacheslava Vsevolodovicha Ivanova*, Moscow, 1999, 543–576.

Ziffer G., Per la storia del più antico alfabeto slavo, *Rusistika. Slavistika. Indoeuropeistika. Sbornik k 60-letiiu Andreia Anatol'evicha Zaliznyaka*, Moscow, 1996, 169–177.

Ziffer G., Once again about Hrabar's sources, *Slavianovedenie*, 2017, 4, 9–11.

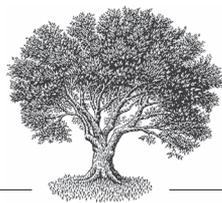
Ziffer G., “Za bukvite” ot Chernorizets Khrabr — mezhdur glagolitsata i kirilitsata, *Kirilitsata*, Sofia, 2022, 150–155.

Žagar M., *Uvod u glagoljsku paleografiju*, 1: X. i XI. st., Zagreb, 2013.

Žagar M., *Introduction to Glagolitic Palaeography*, Heidelberg, 2021 (= *Empirie und Theorie der Sprachwissenschaft*, 4).

Savva M. Mikheev, Kandidat der Geschichtswissenschaften,
wissenschaftlicher Mitarbeiter am Slavischen Institut
der Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg,
Schulgasse 6
69117 Heidelberg
Deutschland / Germany
mikheev@gmail.com

Received April 5, 2024

Сестра — жена —
вдова:
Феномен Аграфены
Челядниной и ее
семейства*

A Sister—A Wife—
A Widow:
The Phenomenon of
Agrafena Chelyadnina
and Her Family

Анна Феликсовна Литвина

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Anna F. Litvina

HSE University,
Moscow, Russia

**Федор Борисович
Успенский**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Fjodor B. Uspenskij

Vinogradov Institute for Russian
Language of the Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В центре внимания нашего исследования — фигура Аграфены Челядниной, воспитательницы Ивана Грозного, которую великий князь Василий III на смертном одре наделил особыми полномочиями. История ее жизни неразрывно связана с историей двух ее семей, родительской и мужниной:

* При подготовке публикации использованы результаты проекта «Языки и тексты русской культуры XI–XVIII вв.: проблемы интерпретации», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г. Авторы признательны Н. В. Суэтовой (ГИМ) за неоценимую помощь в подготовке этой статьи.

Цитирование: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Сестра — жена — вдова: Феномен Аграфены Челядниной и ее семейства // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 48–81.

Citation: Litvina A. F., Uspenskij F. B. (2024) A Sister—A Wife—A Widow: The Phenomenon of Agrafena Chelyadnina and Her Family. *Slověne*, Vol. 13, № 2, p. 48–81.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.2.02

обе они играют чрезвычайно важную роль в придворной и государственной жизни вплоть до 70-х годов XVI в. Особое внимание уделено вкладу Аграфены 1531 г., шитому воздуху «Положение во гроб» со святыми и праздниками: детальный анализ этого предмета благочестия в сочетании с исследованием актового материала и ономастическими разысканиями дает ключ к загадке клана Челядниных. Сформированная таким образом просопографическая картина позволяет расширить наши представления о жизни правящего дома и придворной элиты этой эпохи.

Ключевые слова

средневековая Русь, Василий III, Иван Грозный, род Челядниных, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, личные небесные покровители, церковный календарь

Abstract

The article examines the figure of Agrafena Chelaydnina, the governess of Ivan the Terrible. Grand Duke Vasiliï the Third gave her specific authority prior to his death. Her life is strongly linked with the history of two families—her parents' and her husband's. Both of them played a very significant part at the court and in state policy until the 1770s. The article pays specific attention to Agrafena's 1531 indow—embroidered veil *The Entombment* with saints and holidays. Detailed analysis of this artifact of devotement, as well as research on acts and onomastics can solve the question of Chelyadiny. This prosopographic picture allows broadening the perspective on the life of the ruling house and court elite of the time.

Keywords

Late Medieval Russia, Vasiliï III, Ivan the Terrible, Chelyadniny clan, onomastics, name-giving in pre-Petrine Rus', saints' cult, Church calendar, holy patrons, dual naming of lay Christians, baptismal name

Аграфена Федоровна Челяднина могла бы по праву стать одной из самых знаменитых женщин Руси XVI столетия. Чего стоит одно только ее летописное упоминание в качестве мамки Ивана Грозного, от которого умирающий отец ребенка велит ей не отходить ни на пядь. Еще более необычно ее положение родной сестры всесильного фаворита Елены Глинской, Ивана Телепнева-Оболенского: после кончины великой княгини в 1538 г. Аграфена вместе с братом оказывается в оковах, но его умили в темнице, а она была пострижена в монахини и отправлена в Каргополь — отдаленную великокняжескую вотчину. Даже из этого беглого перечня очевидно, что Аграфена Челяднина упоминается в источниках едва ли не чаще большинства своих знатных современниц и родственников.

Казалось бы, ей суждено было сделаться героиней множества исторических сочинений и научных исследований, однако на деле

представления о ее жизненном пути обрывочны и изобилуют неверными утверждениями, так что можно без преувеличения сказать, что биография боярыни Челядниной попросту еще не написана. Между тем уточнение и выявление разнообразных генеалогических и ономастических данных позволяет, как кажется, подступиться к осмыслению того одновременно экстраординарного и типического положения в родовой и придворной жизни, которое она занимала. Попробуем изложить здесь несколько наблюдений, небесполезных, на наш взгляд, для ее будущего биографа, поневоле перемежая данные совершенно новые и оригинальные со сведениями хрестоматийными и общеизвестными.

I. Сестра

В историографии устоялось своеобразное нарративное клише относительно роли Аграфены в головокружительной карьере ее родного брата, князя Ивана Федоровича Овчины Телепнева-Оболенского, сделавшегося самым близким человеком для овдовевшей в 1533 г. великой княгини Елены Глинской. Наиболее определенно и в то же время сдержанно оно представлено, пожалуй, в монографии М. М. Крома [2010: 158]: «...своим возвышением кн. И. Ф. Овчина Оболенский был во многом обязан своей сестре — Аграфене Челядниной, мамке маленького Ивана IV, входившей в ближний круг великой княгини Елены. Это она, надо полагать, открыла брату доступ в дворцовые покои. И чин конюшего, вероятно, достался ему по свойству с Челяднинными».

Данная версия развития событий представляется нам вполне правдоподобной, но при этом требующей некоторых уточнений и пояснений. Они тем более необходимы еще и потому, что такая фабула уже не раз подвергалась романтической беллетризации, когда юная великая княгиня уже чуть ли не на собственной свадьбе с Василием III обращает внимание на молодого князя Телепнева-Оболенского. На деле к моменту женитьбы Василия Ивановича (и уж тем более его кончины) ни Аграфена, ни Иван Федорович не были столь уж молоды — Иван впервые упоминается в разрядных книгах под 1510/11 г. в качестве воеводы передового полка в Туле [РК: 117 <л. 67>], Аграфена же овдовела к 1516 г., успев родить по крайней мере одну дочь¹, а к 1530 г. она уже обзавелась двумя внуками.

¹ Согласно А. А. Зимину [1988: 174], к моменту своего вдовства Аграфена Федоровна была матерью не одной, а трех дочерей, однако это утверждение все же следует считать историографическим недоразумением. Судя по всему, оно возникло из-за того, что исследователь перепутал двух Василиев Андреевичей — интересующего нас супруга Аграфены, боярина и дворецкого Василия Андреевича Челяднина, не обладавшего княжеским достоинством, и князя Василия Андреевича Микулинского, Именно дочь последнего (а отнюдь не дочь

Иначе говоря, Челяднина, по-видимому, вышла замуж примерно в ту пору, когда ее брат сделался воеводой, а то и несколько ранее. Таким образом, оба они никак не могли быть сверстниками Елены Глинской, вернее было бы допустить, что последняя была близка по возрасту к дочери Аграфены (что в целом соответствует известной нам лишь по XVII столетию практике назначения воспитательниц наследника власти, когда мамкой могла сделаться скорее женщина в годах, например, родная бабушка царевича с материнской стороны). Соответственно, Ивана Федоровича Теляпнева-Оболенского отнюдь не следует представлять в роли молодого соблазителя юной великой княгини, а его участие в придворной жизни началось не со смертью Василия Ивановича, но со второй женитьбы правителя. Весьма вероятно, что возвышению князя Ивана действительно способствовала его сестра, однако нет никаких сомнений, что оно было санкционировано самим Василием III. Что еще более существенно, именно Василий «сконструировал» то особое положение при дворе, которое заняла Аграфена Челяднина. Действительно, на смертном одре великий князь незаурядным образом закрепил и усилил ее полномочия², да и мамкой наследника она сделалась по его же воле тремя годами ранее, сразу же, как только будущий царь Иван появился на свет³. Чему же в таком случае была обязана подобным возвышением сама Аграфена Федоровна?

Челяднина), Александра Васильевна, в 1546 г. пишет завещание, где упоминает о собственном браке и о браках двух своих сестер, Анастасии и Ксении: «Се язъ Олександра княжъ Васильева дочь Ондреевича, а Федоровская жена Ивановича Беззубцова, а и во иноцѣхъ Ефросинья, пишу себѣ память духовную своимъ цѣльмъ уомъ...» ([Акты юридические 1838: 450 <№ 419>; АФЗХ, II: 192–193 <№ 191>]; ср.: [АФЗХ, II: 201 <№ 200>]). Говоря об этом завещании, Н. П. Лихачев [1900: 98–99] справедливо исходил из того, что речь здесь идет о дочерях князя В. А. Микулинского, однако А. А. Зимин, ссылаясь исключительно на соответствующую статью Лихачева и не приводя каких-то дополнительных аргументов, решил, что княгиня Беззубцова и ее сестры были дочерьми В. А. Челяднина. Подобному утверждению, помимо всего прочего, противоречит тот факт, что в духовной Беззубцовой никак не упомянута Мария Челяднина, по другим документам надежно и однозначно идентифицируемая как дочка Василия и Аграфены Челяднинных (см. о ней далее), а в документах Марии Васильевны Челядниной, в свою очередь, отсутствуют какие-либо упоминания о ее родных сестрах или их мужьях.

² «И принесоса к великому князю сына его на руках князя Ивана шурина его князя Иван Глинской. А за ним прииде Огрофена Васильева жена Ондреевича <...> И приказа же тогда Огрофене, штоб еси Огрофена от сына моего Ивана не отступала ни пяди. И отпусти сына своего великого князя Ивана. Тогда же прииде к нему великая княгиня Елена, едва же дръяху ея брат его князь Андрей Иванович, а о другую сторону боярыни Олена Иванова жена Ондреевича Челяднина» ([ПСРЛ, XXXIV: 22 <л. 41–41 об.>]; ср.: [ПСРЛ, IV/1 (2000): 560; XIII: 415; XXIX (2009): 124]).

³ Мы доподлинно знаем, к примеру, что она не только участвовала в церемонии крещения новорожденного княжича 4 сентября 1530 г., но именно на нее была возложена обязанность сопровождать младенца из Москвы в Троице-Сергиев

Как мы попытаемся продемонстрировать ниже, ее успех оказался результатом сочетания удачного замужества и личных качеств, утраты же — ее собственные и ее детей — были напрямую связаны с Телепневыми-Оболенскими, к которым она принадлежала по рождению. Падение брата, очевидным образом, повлияло не только на ее собственную судьбу, но трагически отразилось и на судьбе ее внука. Сыновей у Аграфены не было, зато мы знаем по крайней мере о двух отпрысках ее дочери, Марии Васильевны: от первого брака с князем Дорогобужским у нее были два сына, Иван и Дмитрий. Оба они, судя по Бархатной книге, умирают бездетными [БК, I: 66]. Иван был казнен вместе со своим двоюродным дядей Федором Телепневым-Оболенским, сыном фаворита, причем, согласно Постниковскому летописцу, племяннику всего лишь отсекли голову, тогда как дядю по царскому приказу посадили на кол, и произошло это 3 января 7055/1547 г. [ПСРЛ, XXXIV: 29 <л. 60>]⁴.

монастырь, как и положено первой из его воспитательниц: «Бѣ же воз устроен от чръвьята постава, прочая же вся выше слова, понеже царьская колесница — все с преумножением опасениа. Внутрь же колесница, идѣже бѣ отроця — царев сын, что възможет повѣдати, какова заповѣдания и устроениа. Бяше бо там о двѣ женѣ вдовѣствующи: едина же от них попремного от благородных и благоговѣйна сущи, яковѣ же бѣ достоит поручити таковое дѣло, ей же имя Агрипѣна Васильева. Третья же, у нея же отроця, иже сподобися имѣти при перьѣх того царьскаго сына, нам бо не мнитца простѣ ей быти по духу, понеже по смотрению бог вся строит; просто бо такое дѣло не бывает» [Розов 1965: 284 <л. 6>]. Здесь и далее выделение разрядкой в цитатах принадлежит нам.

⁴ В «Истории» Андрея Курбского для описания родства между Федором Ивановичем Телепневым-Оболенским и Иваном Ивановичем Дорогобужским использован интересный термин родства «стрыечный брат» [Курбский, 2015: 156 <л. 93–93 об.>]. В целом этот полонизм довольно редок на русской почве, но Курбский явно испытывает к нему пристрастие, однако употребляет его заведомо шире того значения, которое отражено в «Словаре древнерусского языка XI–XVII вв.»: в нем интересующий нас термин толкуется как «двоюродный брат» [СлРЯ, XXVIII (2008): 201]. Курбский же именует так Владимира Андреевича Старицкого, который действительно приходился двоюродным братом царю Ивану, но при этом аналогичным образом называет и некоего Семена Яковлевича по отношению к царице Анастасии, между тем как тот мог быть либо ее троюродным братом, либо двоюродным дядей, но никак не двоюродным братом; так же называет он и еще неких лиц, генеалогические связи которых нам восстановить не удастся. Иными словами, автор «Истории», по-видимому, склонен довольно свободно применять словосочетание «стрыечный брат» к родственникам через дядю или неродным дядьям. Что же касается Федора Телепнева-Оболенского, то он, разумеется, приходился Ивану Ивановичу Дорогобужскому двоюродным дядей, а отнюдь не двоюродным братом — именно *дядей* он совершенно справедливо и назван в летописи. В самом деле, Аграфена Федоровна и Иван Телепнев-Оболенский, повторимся, родные брат и сестра; Мария, дочь Аграфены, и Федор, сын Ивана, — брат и сестра двоюродные; соответственно, Федор приходится сыну Марии (внуку Аграфены) не кем иным, как двоюродным дядей. К. Ю. Ерусалимский, вероятно, безоговорочно доверяя словарному толкованию термина «стрыечный брат», порождает некий генеалогический фантом, совмещающий в себе образы дочери (Марии) и матери (Аграфены), и приписывает последний брак с князем Дорогобужским, будто бы предшествовавший браку с Челядиным [Курбский

Андрей Курбский говорит, что Ивану Ивановичу, который оставался единственным сыном у матери, было тогда 18 лет отроду [Курбский 2015: 154, 156 <л. 93>]. Соответственно, он был лишь немногим старше своего погубителя: Ивану Грозному шел семнадцатый год, когда он казнил внука своей мамки Аграфены Федоровны.

Юный государь накануне свадьбы очевидным образом сконцентрировался в своем истреблении на всех лицах мужского пола, связанных узами кровного родства с Иваном Овчиной Телепневым-Оболенским, которого некоторые, по слухам, считали отцом самого царя Ивана. Темная молва, сплетающая воедино Челяднинных и Телепневых-Оболенских, еще долго подпитывала самые тревожные подозрения Грозного, и благодаря им не оскудевала сама⁵. Его тезка, молодой князь Иван Иванович Дорогобужский, лишившийся родителя еще в 1530 г. и не имевший родных дядьев ни с отцовской, ни с материнской стороны, вероятно, воспринимался как человек, принадлежавший дому Телепнева-Оболенского, своего двоюродного дяди по материнской линии, что и привело его к ужасному концу. Наши сведения о быте русских великих князей недостаточны, чтобы знать наверняка, случилось ли двум Иванам вместе играть в детстве, но учитывая, что один был воспитанником Аграфены Челядниной, а другой ее родным внуком, такое допущение представляется нам позволительным и оправданным.

Не менее печальной была и участь матери Ивана Ивановича Дорогобужского, дочери нашей Аграфены — ей не только довелось пережить гибель сына во времена ранних грозненских репрессий, но и самой сгинуть в годы опричнины, однако мрачный финал ее жизни был связан скорее со вторым замужеством, и потому речь о нем пойдет в другой части нашей работы.

2015: 741 <к л. 93об.-1>]. Излишне говорить, что это противоречит всем известным хронологическим и генеалогическим данным (ср.: [Лихачев 1900: 75–77] и далее в нашей работе), да и об ошибке Курбского здесь говорить неоправданно: он просто употребляет словосочетание «стрыечный брат» шире, чем это зафиксировано в современной словарной статье.

⁵ Так, в «Послании» Таубе и Крузе, составленном в совсем иной период грозненского правления, царские речи о собственных недругах, будто бы посягающих на его престол, принимают, в частности, такую форму: «...после смерти его благочестивого отца хотели его лишить законного права наследования и сделать своим государем выходца из рода Челяднина Barbatta (vnechten Herkommen der Scledina Barbatta)» ([Ewers 1816: 194; Рогинский 1922: 33–34]; ср. также: [Hoff 1582: 12]). Что два этих ливонских дворянина в 60-е — 70-е годы XVI в. могли доподлинно знать о событиях 30-х годов, нам неизвестно, что творилось в душе и в сознании царя Ивана, если он и впрямь продолжал думать о Челяднинных в такой перспективе, неизвестно вдвойне. Однако благодаря их свидетельству — вне зависимости от их соответствия каким бы то ни было реальным фактам — становится очевидно, сколь чувствителен был царь к имени Челяднинных на протяжении всей своей жизни. О выражении «из рода Челяднина Barbatta» у Таубе и Крузе см.: [Benoit 2020: 345–346 <примеч. 56>].

II. Жена

1. Брачный обиход Челядниных. Матримониальная судьба княжны Аграфены определялась тремя факторами, которые способны были сойтись воедино лишь на переломе эпох. Первый из них достаточно тривиален и универсален, тогда как второй особенно ярко проявляется на Руси в XVI — начале XVII в.: с одной стороны, подобно множеству других женщин, новые возможности она приобрела именно благодаря браку, с другой стороны, в полной мере воспользоваться ими она смогла лишь сделавшись вдовой, не принявшей монашеский постриг. Третий же фактор связан со своеобразным «феноменом Челядниных», формирование которого характерно, скорее, для XV — первой половины XVI столетия.

Секрет близости этого клана к великокняжескому дому состоял в особом типе родственных связей с ним. В самом деле, Челяднины не были Рюриковичами по происхождению и, соответственно, не могли считаться родством с правящим домом по мужской линии. Не работала для них и самая распространенная форма брачного социального лифта: князя из московского дома не брали в жены их дочерей. Зато самим Челядниным доводилось жениться на женщинах, происходящих из великокняжеской семьи — или, если так можно выразиться, зеркально отображать браки великокняжеских дочек.

Так, Иван Михайлович Челяднин, один из основателей этого рода, был женат на Елене, дочери Юрия Патрикеевича, в жилах которой текла кровь великих князей московских. Как известно, в источниках Юрий именуется *зтем* Василия I. Для нас сейчас не столь важно разрешение дискуссионного вопроса, кем именно его супруга приходилась великому князю (дочерью или сестрой) — существенно, что ее собственная дочь, ставшая Челядниной, в любом случае была близкой кровной родственницей правящей семьи.

Следующий эпизод нестандартного брачного сближения семьи Челядниных с царствующим домом состоялся более полувека спустя, когда Иван III выдал свою дочь Феодосию замуж за князя Василия Даниловича Холмского [ДРВ, XIII: 1–5]. Брак этот продлился недолго, но молодой супруг успел получить в боярской думе положение близкое к тому, которое занимал Иван Юрьевич Патрикеев. Старший же брат этого боярина Василия Холмского, князь Семен Данилович, был женат на Марии Андреевне Челядниной, золовке нашей Аграфены Федоровны. Иными словами, великая княжна Феодосия и Мария Челяднина приходились друг другу *невестками*, женами двух родных братьев. В древнерусской перспективе столь близкое свойство позволяло бы им, например, в обиходе именовать друг друга *сестрами*; более того, «сестрами»

великой княгини оказывались, благодаря этим матримониальным союзам, кровные и некровные родственницы Челядниной — все ее родные сестры и невестки, в нашем случае — жены братьев: Елена (супруга Ивана Андреевича) и Аграфена (супруга Василия Андреевича).

Подобная сеть свойств в родовом мире обладала очень большим запасом прочности и не прекращалась со смертью тех, благодаря кому возникла. Разумеется, проживи дочь Ивана III дольше в замужестве за князем Холмским, столь высокое родство через брак принесло бы Челяднинным куда больше практических преимуществ, однако некоторые дивиденды в придворной жизни оно, без сомнения, продолжало давать им и после кончины великой княжны Феодосии.

Неудивительно, таким образом, что к началу XVI в. вокруг Челяднинных сложилась чрезвычайно прочная аура близости к правящему дому, когда всякая недолгая опала сменялась скорым возвращением всех прежних милостей. Существует предположение, что пресловутый чин конюшого, символизировавший особую (если не высшую) приближенность к правителю, впервые появляется именно в этой семье и как будто бы специально для нее создан: в свое время он, возможно, был дан тестю Аграфены, Андрею Федоровичу [ДРВ, XX: 8], а затем (и об этом уже можно говорить без тени сомнения) ее деверю, Ивану Андреевичу. Родной брат Аграфены, Иван Федорович Овчина Телепнев-Оболенский, занимал его позднее, в пору близости к вдовствующей великой княгине Елене — как уже предполагалось исследователями, на выбор чина для него повлияло свойство с Челяднинными. Показательно во всяком случае, что крушение придворной карьеры Ивана и Аграфены в 1538 г. неожиданным образом позволило «выпрямить» своеобразную цепочку преемственности: место боярина и конюшого вновь займет истинный Челяднин — Иван Иванович, сын Ивана Андреевича и племянник Аграфены по мужу [Kollmann 1987: 95; Кром 2010: 158].

Связан ли этот карьерный взлет младшего из Челяднинных с его браком? Существует версия — и мы склонны доверять ей — согласно которой Ивану Ивановичу удалось заключить, пожалуй, самый статусный в истории его семьи матримониальный союз, связующий Челяднинных с правящим домом. Возможно, он взял в жены не кого иную, как родную сестру великой княгини, Анастасию Васильевну Глинскую⁶. Как кажется, именно такой брачный сценарий способен объяснить картину приема послов в январе 1537 г., изложенную в документах Посольского приказа:

⁶ См.: [Kollmann 1987: 281 <примеч. 83>, 283–284 <примеч. 128>]; ср. также: [Кром 2010: 151 <схема 1>; Шапошник 2016: 407–408; Корзинин 2023: 428]. Есть и две другие версии относительно того, с кем вступали в брак Иван Иванович Челяднин и Анастасия Васильевна Глинская, но источниковая база этих гипотез куда слабее и противоречивее — подробнее об этом см. ниже.

И звалъ князь великій пословъ къ руцѣ, а стояли к великого князя для береженія, на правой сторонѣ бояринъ князь Василей Васильевичъ Шуйской, а на лѣвой бояринъ и конюшей князь Иванъ Федоровичъ Оболенской-Овчина, да у князя Василья стоялъ Иванъ Ивановичъ Андрѣевича Челяднинъ, ходилъ у великого князя въ дяди мѣсто ([Сб. РИО 1887: 66]; ср.: [Белокуров 1906: 91]).

Для нас здесь, разумеется, существенна фиксация того замечательно высокого (практически наравне с Шуйским и Телепневым-Оболенским) положения, которое занимает Иван Иванович при малолетнем Иване Грозном, но еще более существенно, пожалуй, как это положение охарактеризовано в тексте — с помощью термина кровного родства, употребленного особым образом («ходилъ въ дяди мѣсто»). Брак с уже покойной теткой великого князя, Анастасией Васильевной и, соответственно, роль дяди по свойству, так сказать, неполного дяди, как нельзя лучше отвечали бы такой характеристике.

Коммеморативный источник дает знать, что жена Ивана Ивановича Челяднина и в самом деле звалась *Анастасией*, и в 1535 г. ее, судя по всему, уже не было на свете — во всяком случае, вклад, который дает по ней И. И. Челяднин в переславский Успенский Горицкий монастырь, более всего похож на поминальный:

Лета 7043-го, месяца апреля 21 день Иван Иванович дал 20 рублей по жене своей Настасии [Антонов 2003: 30]⁷.

⁷ В работах разных исследователей можно встретить утверждения, никогда, впрочем, детально не обсуждающиеся, согласно которым супругой Ивана Ивановича Челяднина была княжна Палецкая. Об этом пишет, в частности, С. Б. Веселовский [1963: 128] без ссылки на какой бы то ни было источник своих сведений и при этом справедливо именует жену Челяднина *Анастасией*. Судя по рукописным материалам исследователя (РАН, ф. 620, оп. 1, д. 51, л. 385об./42об. <№ 10>, 387/44 <№ 10>, 388/41 <№ 17>), данная информация почерпнута им из генеалогического труда князя А. Б. Лобанова-Ростовского [I: 352 <XII, № 10>], который, однако, не знал имени женщины, каковую он прочит в супруги Челяднину, и называл ее «княжна [...] Ивановна Палецкая, дочь князя Ивана Федоровича?», да притом и о ее родовой принадлежности говорил с явным сомнением. Более того, в другом месте А. Б. Лобанов-Ростовский пишет, что за И. И. Челядниным была замужем неизвестная по имени дочь князя Ивана Образца Гундорова [Лобанов-Ростовский, II: 59 <XVIII, № 16->]. Последний матримониальный сценарий представлялся неубедительным А. В. Сергееву [2023: 129] из-за слишком скромного положения предполагаемого тестя Челяднина, Ивана Федоровича Образца. Так или иначе, в доступных нам первоисточниках не обнаруживается никаких подтверждений ни браку с Палецкой, ни женитьбе на Гундоровой, а потому все эти предположения на сегодняшний день остаются весьма сомнительными. Кроме того, женитьба Челяднина на Палецкой или Гундоровой, строго говоря, никак не отрицает возможности его брака с рано скончавшейся Анастасией Глинской.

В свете этих данных особенно интересно свидетельство поздней редакции «Повести о болезни и смерти Василия III», в которой сообщается следующее:

Тогда же князь великій послалъ по великую княгиню, а впередъ великія княгини повелѣть привести сына своего великаго князя Иванна, плача ради великія княгини, уразумѣ бо великій государь болѣзнь свою смертѣную. А самъ на себя положихъ крестъ Петра Чюдотворца, а тогда бысть у него Михайло Юрьевъ да Шигона, да стряпчихъ его бысть въ то время: Иванъ Ивановичъ Челяднинъ да шурина его князь Юрьи Глинской. И привезоша къ великому князю Богомъ дарованнаго ему старѣйшаго сына его царя и великаго князя Иванна, на рукахъ шурина его князь Михайло Глинской, а за нимъ приде боярина его Огроуѣна Василіева жена Ондрѣевича, еще бо ему тогда велми дѣтску сушу, яко тріехъ лѣтъ и тріехъ мѣсяць отъ роженія его ([ПСРЛ, XIII: 414–415]; ср. также: [ПСРЛ, XXXIV: 22 <л. 41>]).

Замечательно, что в этой версии последние часы государя протекают в известном смысле под знаком Челяднинных и Глинских: Иван Иванович наравне и вместе с Юрием Васильевичем Глинским находится при великом князе, когда тот возлагает на себя крест Петра Чудотворца, и тут же на сцене появляются Михаил Васильевич Глинский и наша Аграфена Челяднина, дающие возможность умирающему благословить своего малолетнего наследника.

Разумеется, нельзя не обратить внимание на появление здесь слова «шурин». На первый взгляд, кажется, что Юрий Глинский поименован *шурин*ом Челяднина, что сделало бы гипотезу о браке княжны Глинской и Ивана Ивановича практически бесспорной⁸, ведь обозначения свойства в летописной традиции куда более определены и терминологичны, нежели обозначения кровного родства. *Шурин* — это не кто иной, как брат жены, а Юрий Глинский как раз и приходился Елене и Анастасии родным братом. Однако, к несчастью, более вероятной представляется здесь иная интерпретация этого отрезка текста. По справедливому наблюдению М. М. Крома⁹, точкой отсчета в процитированном повествовании безусловно является умирающий великий князь, а потому форма «его», вероятно, именно с ним и соотносится («...стряпчихъ его...», «...шуринъ его князь Юрьи Глинской», «...шуринъ его князь Михайло Глинской»). Соответственно, можно думать, что перед нами упоминание об и без того известном свойстве Глинских с Василием III, а не прямое указание на факт их свойства с Челяднинным, и речь здесь

⁸ Ср.: [Kollmann 1987: 281 <примеч. 83>, 283–284 <примеч. 128>].

⁹ Электронное письмо от 24 апреля 2024 г.

идет, скорее, о чрезвычайной близости тех и других к великому князю. С другой стороны, именно свойство являлось бы наилучшим объяснением такой близости, не говоря уже о том, что оно делало бы понятным появление Ивана Ивановича Челяднина в роли боярина и конюшего в тот момент, когда его тетка Аграфена и ее некогда всесильный брат Иван Овчина подверглись страшной опале. В самом деле, падение Тепленева-Оболенского никак не отменяло бы свойства Ивана Ивановича с юным великим князем, а предполагаемый брак, благодаря которому эта связь возникла, был заключен во времена, уже воспринимавшиеся как давние и стабильные¹⁰.

¹⁰ Существует предположение, согласно которому Анастасия Васильевна Глинская была замужем отнюдь не за И. И. Челядниним, а за одним из князей Сисеевых — наиболее подробно и развернуто оно представлена в комментарии Ю. Д. Рыкова к сочинению Андрея Курбского. Прежде чем приступить к разбору этой гипотезы, необходимо отметить, что в комментаторском блоке этого издания, связанном с браками Челяднинных, имеются явные противоречия. Так, в одной его части, написанной К. Ю. Ерусалимским, утверждается, что именно Иван Иванович был женат на Анастасии Глинской [Курбский, 2015: 739 <к л. 93>, 923], тогда как в другой, принадлежащей Ю. Д. Рыкову, эта версия даже не рассматривается, но утверждается, что ее супругом сделался князь Федор Сисеев [Ibid.: 707–708 <к л. 86-4>]. Дабы аргументировать такую точку зрения, исследователю приходится настаивать на том, что Андрей Курбский допускает две ошибки подряд в рассказе об этом браке. В обсуждаемом отрывке Курбский сообщает, что «за тѣм-то князем Феодором была сестра его [Ивана Грозного. — А. Л., Ф. У.] з двух рожденная дщи князя Михаила Глинского, славнаго рыцера, его же погубила неповинне мати его, сущаго стрья своего, обличающе ее за беззаконие» [Курбский 2015: 144 <л. 86>]. Одна ошибка (впрочем, довольно естественная) связана с тем, что Курбский стремится отсчитывать все генеалогические связи от одного и того же лица, царя Ивана, но иногда сбивается в этом. Для того, чтобы увидеть эту ошибку, нет нужды прибегать к каким-либо внешним источникам, она очевидна при внимательном чтении этого фрагмента: дочь стрья чьей-либо матери приходится двоюродной сестрой самой матери, а ее сыну — двоюродной теткой, а отнюдь не кузиной. Ю. Д. Рыков, однако, полагает, что Андрей Курбский здесь сразу же допустил еще одну ошибку, куда более грубую: с его точки зрения, на самом деле за ярославским князем Федором была не двоюродная сестра матери Грозного (дочка ее дяди), а ее родная сестра. Единственным аргументом исследователя, позволяющим, с одной стороны, утверждать, что Курбский столь существенно ошибается и называет отцом супруги этого Федора совсем не того Глинского, а с другой — установить, о каком именно из ярославских князей здесь идет речь, является завещание Ивана Михайловича, родного племянника великой княгини Елены, сына ее брата Михаила Васильевича. В Духовной, составленной в 1586 г., тот, в частности, пишет: «...да тотке моей княже Феодорове княгине Васил(ь)евича Сисѣеве старице Александре дати после моего живота дватцат рублев денег» [Лихачев 1895: 64 <№ XIX>]. Обратим внимание, что здесь нет ни мирского имени, ни отчества иноки Александры, вдовы Федора Сисеева, однако это не помешало составителям современных генеалогических справочников приписать князю Михаилу Васильевичу Глинскому (а стало быть, и его сестре, великой княгине Елене Васильевне) родную сестру Александру (!), безвестно дожившую до 1586 г. (обзор справочной литературы см.: [Курбский 2015: 708]). Ю. Д. Рыков идет дальше и отождествляет ее с уже известной нам Анастасией Васильевной Глинской, восстанавливая, таким образом, мирское имя старицы Александры Сисеевой и ее точную семейную принадлежность. Между тем ни для первого, ни

Василий Андреевич Челяднин, супруг нашей Аграфены, конюшим побывать, по-видимому, не успел — он не пережил своего старшего брата Ивана. Однако его близость к великому князю не вызывает никаких сомнений: около 1507 г. он сделался дворецким [Зимин 1988: 173], а в 1513 г. уже был боярином. Производит впечатление, в частности, мера его участия в церковных делах государя: как известно, Василий Андреевич был среди тех, кто поддерживал Иосифа Волоцкого, и именно к нему тот обращает одно из своих посланий, уведомляя о происках противников и прося о ходатайстве перед великим князем [Зимин, Лурье 1959: 227–228]. Вкладные книги Иосифо-Волоцкого монастыря оказываются одним из самых ценных источников, позволяющим наблюдать как за жизнью интересующей нас четы Василия и Аграфены, так и за обиходом всей загадочной в своем могуществе семьи Челядниных.

2. Имена Челядниных. Разыскания в области имен и дат — это необходимая основа, по канве которой строится любое биографическое описание. Попросту говоря, нам важно знать главные вехи в жизни этих

для второго у нас, мягко говоря, нет достаточных оснований. Хорошо известно, что термины кровного родства на Руси в эту пору применяются достаточно широко: *братом* охотно именуется не только родной брат, но и двоюродный или троюродный, *бабушкой* — жена двоюродного деда, *дядей* — дядя двоюродный, а *теткой* — весьма отдаленная свойственница и т. д. и т. п. В предыдущих строках завещания И. М. Глинского мы видим, что он называет *теткой* не кровную родственницу, а жену своего родного дяди («...да тотке моей княже Юр(ь)еве Васил(ь)евича Глинског(о) княине старице Евросин(ь)е дати после моег(о) живота дватцат рублев денег»), и уж ничто не могло помешать ему в следующем пассаже завещания именовать *теткой* свою кровную родственницу — двоюродную сестру собственного отца и великой княгини Елены, дочь Михаил Львовича Глинского. Таким образом, нет нужды упрекать Курбского в том, что тот неправильно называет имя отца супруги ярославского князя Федора, да и предположение о том, кем именно был этот князь, высказанное Ю. Д. Рыковым, совершенно не теряет своей убедительности. Не придется нам заодно и додумывать, почему князь Сисеев, якобы сделавшись мужем родной сестры великой княгини, занимал — в отличие от И. И. Челяднина — столь скромное положение в годы малолетства Ивана Грозного.

Каково было мирское имя фигурирующей в завещании старицы Александры, судя по всему, надолго пережившей многих родственников своего поколения, мы на сегодняшний день сказать не можем, и вовсе необязательно ей быть тезкой своей кузины, Анастасии Васильевны. Более того, монашеское имя вполне могло подбираться для нее не по первой букве крестильного, а на каких-то иных основаниях, как это случалось с целым рядом знатных женщин во второй половине XVI — начале XVII столетия. Отметим напоследок, что неверная, на наш взгляд, гипотеза Ю. Д. Рыкова в свое время была безоговорочно принята А. В. Сергеевым [Ш: 263 <№ 9>], Е. Ю. Катасовой [2024: 44–45] и А. Л. Корзининым [2016: 180], хотя последний автор не стал придерживаться этой версии в своей новейшей работе: здесь Анастасия Васильевна Глинская без каких-либо комментариев показана как жена Ивана Ивановича Челяднина [Корзинин 2023: 428].

людей, оставивших столь значимый след в истории XVI столетия, и точно установить, как их, собственно, звали. На этом пути нас поджидают некоторые неожиданности: общепринятая хронологическая и ономастическая информация оказывается в чем-то неверной, а новые данные позволяют увидеть семейно-придворные связи Челядниных в несколько иной перспективе.

Обратимся в первую очередь к фигуре супруга нашей Аграфены и начнем с хронологии. В кратких исследовательских заметках, относящихся к личности Василия Андреевича Челяднина, время его смерти часто указывается не вполне обычным образом — 1516~1518 г. Появление подобного временного промежутка вместо конкретного года кончины объяснялось известным противоречием в показаниях источников: с одной стороны, упоминание о нем как будто бы фигурировало в списках дворецких вплоть до 1518 г. ([Берх 1833: 44]; ср.: [ДРВ, XX: 19]), с другой стороны, известно, что вклад на его посмертное поминовение дается уже 1 февраля 1516 г. Именно записи во вкладных и кормовых книгах Иосифо-Волоколамского монастыря в совокупности с другим актовым материалом, как кажется, позволяют установить окончательную ясность в этом вопросе.

Некоторые из вкладов по Василию Андреевичу были сделаны еще при его жизни, по всей очевидности, им самим. В одном из соответствующих текстов его предписывается поминать «з году на год», а далее следует фрагмент, зачеркнутый в рукописи: «до его живота на его именины», после чего указана дата — «марта въ 16». Затем вновь следует зачеркнутая конструкция «а по его животъ» и далее: «а другому быти корму по немъ на его память декабря 21» ([Шаблова 2004: 165 <л. 74 об.>]; ср. также: РГАДА, ф. 1192, оп. 2, д. 395, л. 100). Очевидно, здесь имела место стандартная редактура прижизненной записи, произведенная после смерти вкладчика. Как это обычно бывает, его следовало поминать за здравие на именины, но с самого начала предусматривалось, что после смерти это будет происходить дважды в год, и вторую дату приурочат ко дню кончины. Таким добавленным днем и стало 21 декабря¹¹.

Год смерти Василия Андреевича мы узнаем благодаря грамоте, связанной с его матерью, инокиней Варсонофией Челядниной¹². В Данной,

¹¹ В одной из вкладных книг Иосифо-Волоцкого монастыря фигурирует 22 («кв»), а не 21 декабря (РГАДА, ф. 1192, оп. 2, д. 395: л. 100).

¹² Имя *Варсонофия* в монастыре носила отнюдь не жена Василия Андреевича (наша Аграфена), как ошибочно утверждается, например, в русскоязычной Википедии, а его мать; в 1516 г. Аграфена Федоровна, помимо всего прочего, оставалась миряночкой. Что же касается светского имени старицы Варсонофии Челядниной, то, по-видимому, супруга Андрея Федоровича и мать Ивана и

датированной 1 февраля 7024/1516 г., она говорит об исполнении воли своего скончавшегося сына¹³. Записи же о вкладе из Иосифо-Волоцкого монастыря, как мы уже видели, дают нам число — 21 или 22 декабря. Таким образом, представляется вполне закономерным, что Данная иноки Варсонофии была составлена сразу после сороковин ее сына, и скончался он, соответственно, 21 или 22 декабря 7024/1516 г. Январь 7024/1516 г. Аграфена Федоровна Челяднина встретила уже вдовой.

Как же, однако, звали ее мужа? Ономастический аспект его биографии оказывается еще менее исследованным, нежели аспект хронографический. В самом деле, дата прижизненного поминания Василия Челяднина, 16 марта, несколько неожиданна, потому что она помечена как *именины* — день того святого, который был тезкой поминаемого по крестильному имени. Между тем под этой датой мы не найдем празднований ни одному из довольно многочисленных в месяцеслове свв. Василиев — такого имени здесь попросту нет. Подобные несовпадения, вообще говоря, периодически встречаются в коммеморативных записях и объясняются они, как правило, таким явлением, как светская христианская двуименность, когда человек крещен не тем именем, под которым он широко известен в мирском обиходе¹⁴. Под 16 марта мы

Василия в миру могла зваться *Василисой* или *Вассой*. *Василисой* именуется ее в своих неопубликованных материалах С. Б. Веселовский, не ссылаясь, впрочем, на источник своих сведений (АРАН, ф. 620, оп. 1, д. 51, л. 385/42 <№ 6>, 386/43 <№ 6>, 387об./40об. <№ 10>). Такое утверждение выглядит вполне правдоподобным: во Вкладной книге Новодевичьего монастыря старицу Варсонофию, супругу Андрея Федоровича Челяднина, предписывается помянуть 21 августа [Павлов-Сильванский 1985: 209 <л. 407>]; к этому же дню приурочен и один из вкладов по ее сыне Василии в Успенский Горицкий монастырь [Антонов 2003: 29–30 <л. 18>]. Между тем именно на 21 августа выпадает празднование мученице Вассе и чадам ее. При этом следует учитывать, что в русской традиции имянаречения антропонимы *Васса* и *Василисса* регулярно смешиваются, то объединяясь, то расподбляясь [Успенский, Успенский 2017: 76–77 <примеч. 35>] (ср. потенциально сходную ситуацию с мирским именем матери Стефана, Григория и Ивана Васильевичей Годуновых, которая в записи во Вкладной книге костромского Ипатьевского монастыря показана как *Василисса*, но помянуть ее предписывается на св. Вассу: «Да по ихъ же мѣри по Василисѣ кормъ кормити на пама? еѣ авгѣста в ка <21> ден. А на преставленіе еа кормитъ кормъ сентабра въ зі <17> день» [Книга вкладная... 1728: л. 18]).

¹³ «...Отходя, господине, сего света, приказал сын мой Василей Андреевич к пречистой в Осифов монастырь село на Волоце, Балашково словет, по своей душе. И вы бы, господине, бога ради его поминали, а то бы есте село велели своим приказащиком ведать...» [АФЗХ, II: 68 <№ 70>]. Помимо этого текста, известны грамоты о совместных вкладах свекрови и невестки, иноки Варсонофии Челяднинной и Аграфены Федоровны, сделанные на помин души Василия Андреевича [АФЗХ, II: 65 <№ 65>; Веселовский, 1975: 129 <№ 132>]. Одна из них также датирована февралем 1516 г. (ср. в этой связи: [Лихачев 1900: 76]).

¹⁴ Подробнее о просуществовавшей несколько столетий традиции мирской христианской двуименности см. с указанием литературы: [Литвина, Успенский 2018; 2020; 2022].

Ил. 1. Воздух Аграфены Челядниной «Положение во гроб», 1531 г.
(ГИМ, № 54680 РБ-4554). Общий вид

обнаруживаем память свв. Савина, Папы, Трофима и Фала, Аристовула, Александра, Романа и целого ряда других святых, каждый из которых, строго говоря, мог бы быть небесным покровителем и тезкой Василия Андреевича. Однако все эти календарно-ономастические догадки оставались бы не более, чем расплывчатыми подозрениями, если бы не один артефакт, связанный напрямую с нашей Аграфеной Федоровной.

Спустя полтора десятка лет после кончины мужа, в 1531 г., едва сделавшись мамкой новорожденного наследника престола, Челядни-на знаменует взлет своей придворной карьеры щедрым пожертвова-нием в кремлевскую церковь Рождества Иоанна Предтечи — небесно-го покровителя ее питомца. Этот счастливо дошедший до наших дней вклад представляет собой весьма интересный образчик лицевого шитья первой половины XVI столетия (ГИМ, № 54680 РБ-4554), явно еще не занявший подобающего места в истории древнерусского искусства (Ил. 1). Центральной композицией *воздуха* — именно так именуется этот

Ил. 2. Клеймо «Рождество Иоанна Предтечи»

предмет сама Аграфена во вкладной записи¹⁵ — традиционным образом становится сцена «Положение во гроб», на четырех каймах же, выполненных заметно тщательнее, чем изображение на среднике, представлены двадцать четыре клейма с праздниками и святыми.

Наиболее тесно с местом и событием вклада и личностью вкладчицы связаны три соседствующие друг с другом клейма правой каймы (ср.: [Маясова 1983: 355]). На одном мы видим «Рождество Иоанна Предтечи» (Ил. 2), символически кодирующее посвящение храма, куда был отдан воздух. На следующем за ним клейме изображено «Усекновение главы Иоанна Предтечи» (Ил. 3), приходящееся в месяцеслове на 29 августа — именины новообращенного воспитанника Аграфены Челядниной, будущего царя Ивана Васильевича. И наконец, на третьем вышиты три фигуры святых — две мужских и одна женская. Одна из них, как следует из сопутствующей изображению подписи, это не кто иная, как мученица Агриппина («стаѣа агрепѣна») — небесная тезка и

¹⁵ «Во храмъ сѣго и славнаго прѣрка и прѣчи и крѣтѣа гѣдня Іоанна Чѣтнаго его Ржѣтва сѣи воздѣа положила Василѣва жена Андрѣевича Челяднина Агрипѣна в лѣтѣ зѣ тридѣсат ѣ го <7039/1531>» (ср. также: [Маясова 1983: 352]).

Ил. 3. Клеймо «Усекновение главы Иоанна Предтечи»

покровительница самой Аграфены, единственная святая с таким именем в церковном календаре. Ее память празднуется 23 июня, и, соответственно, на 23 июня выпадали именины Челядниной. Рядом с Агриппиной, по центру клейма, располагается фигура воина с крестом в руке и подписью «сты савинъ». Подпись под правой фигурой с благословляющим жестом гласит «сты василе прозвительъ» (Ил. 4).

Это клеймо с тремя святыми, несомненно носящее патрональный характер, полностью объясняет нам загадочную дату 16 марта из записи о прижизненном корме в Иосифо-Волоцком монастыре (см. выше) и превращает подозрение о светской двуименности Василия Андреевича Челяднина в достаточно твердую уверенность. В самом деле, мученик

Ил. 4. Клеймо «Св. Агриппина, св. Савин и св. Василий»

Савин Египетский обычно фигурирует первым в числе тех, чья память празднуется 16 марта; примеров же, когда в клеймах бок о бок изображены небесные тезки супругов-вкладчиков, в нашем распоряжении более чем достаточно. Благодаря этой композиции на пелене становятся яснее и показания разных синодиков, где в рубрике «Род Челяднин» фигурирует имя *Савин*, которое прежде не с кем было соотнести (см. далее).

Итак, на наших глазах свидетельства трех источников разных типов складываются в единую картину, не оставляющую сомнения в том, что муж Аграфены в крещении был *Савином* и праздновал свои именины 16 марта¹⁶. Что же касается второй мужской фигуры с подписью

¹⁶ В свое время Н. А. Маясова посвятила воздуху Аграфены Челяднинной отдельную работу, где между прочим обратила внимание на загадочность появления образа св. Савина: «И совершенно неожиданна стоящая между ними фигура юного мученика-воина Савина. Святой Савин не был популярным святым и изображался довольно редко. В семьях Огрофены и Василия Челяднинных это имя нам не встречалось» [Маясова 1983: 355]. Исследовательница осторожно предложила свое объяснение этой загадке: она заметила, что одна из памятней св. Савина — 16 марта — это не что иное, как отмеченная в летописи дата кончины

«василе прозвительъ», то это, со всей очевидностью, не кто иной, как св. Василий, пресвитер Анкирский, чья память отмечается 22 марта¹⁷. Следует полагать, что он-то и был покровителем Василия / Савина Андреевича по его публичному имени *Василий*. В целом же случай имянаречения Челяднина являет собой своего рода классический образчик светской христианской двуименности, когда два праздника святым патронам одного и того же лица отделены друг от друга совсем незначительным промежутком в календаре¹⁸. Обыкновенно, в такой ситуации публичное (некрестильное) имя выбирается по семейным соображениям, тогда как имя крестильное (молитвенное, прямое) дается по дню рождения ребенка.

Иными словами, с некоторой осторожностью можно утверждать, что наш Челяднин появился на свет 16 марта, правда, в отличие от времени его кончины, мы не можем сказать ничего определенного про год, в который произошло это событие. Кроме того, удается установить, что семья Челядниных, столь тесно связанная с московским великокняжеским домом, вообще питала последовательное пристрастие к светской христианской двуименности. Так, в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря (ОР РГБ, ф. 304/1 № 821) имеется следующая запись:

Корм средней по Иванъ, молитвенное имя Селиверстъ, по Челяднинъ по Иване, да по Еленъ, по Василии; даль село Новое съ приселки въ Ростовъ [Леонид Кавелин 1879: 40].

Во Вкладной книге московского Новодевичьего монастыря этот Челяднин фигурирует под своим «молитвенным» (т. е. крестильным) именем:

умершего в 1516 г. новгородского архиепископа Серапиона, с которым при жизни враждовали братья Челяднины, и задалась вопросом: «не в память ли архиепископу, моля у него прощения мужу, вышла Огрофена на своем воздухе святого Савина?» [Ibid.: 366]. Однако Н. А. Маясова не учитывает вкладных записей и синодиков, непосредственно связанных с семьей Челяднина, где присутствует имя *Савин*, и забывает здесь о факторе мирской христианской двуименности, в целом ей вполне известном.

¹⁷ Н. А. Маясова [1983: 355] почему-то (скорее всего, в силу неправильного прочтения подписи к изображению) именует этого святого Василием Парийским, хотя и справедливо указывает на то, что он соименен супругу Аграфены Челядниной.

¹⁸ Василий / Савин Челяднин был не единственным обладателем этой антропонимической пары в интересующую нас эпоху — есть веские основания полагать, что имена *Василий* и *Савин* носил родной сын Владимира Андреевича Старицкого (ср.: [Рыков 2020: 18]). Нам не хватает данных, дабы в точности определить, кто именно из свв. Василиев и свв. Савинов были его небесными покровителями, однако трудно пройти мимо того обстоятельства, что в старицком Успенском монастыре имелась надвратная церковь Василия Анкирского, возведение которой отдельные исследователи связывают с появлением на свет этого княжича [Кавельмахер, Чернышев 2008: 97 <примеч. 80>].

2 <января> Святаго Селивестра, папы римскаго. Година Селивестру Челяднину [Павлов-Сильванский, 1985: 178 <л. 165>]¹⁹.

2 января церковь празднует память двух свв. Сильвестров, среди которых главный, несомненно, Сильвестр папа Римский. О ком из Челядниных здесь идет речь, мы узнаем из Синодика ризницы Троице-Сергиева монастыря 1575 г., где в сплошном перечне поминаемых над именами «Iwa^и. Селивестра. инокоу Алексан^ароу» сделана киноварная приписка «Чъла^ини^и Иванъ Ивановичъ а се мати его Елена» (ОР РГБ, ф. 304. III № 25, л. 198об.). Таким образом, речь здесь идет об уже неоднократно упоминавшемся Иване Ивановиче Челяднине, родном племяннике Василия Андреевича, после гибели князя Телепнева-Оболенского получившего как бы наследственный для Челядниных чин боярина и конюшего.

Более того, родной отец Ивана / Сильвестра Ивановича Челяднина и брат нашего Василия / Савина, боярин и конюший Иван Андреевич Челяднин, окончивший свои дни в литовском плену, также скорее всего был двуименным. Во всяком случае, во Вкладной книге московского Новодевичьего монастыря его поминавание назначено на 28 сентября, на празднование «преподобнаго отца нашего Харитона исповедника» [Павлов-Сильванский 1985: 167 <л. 60>]²⁰; существенно при этом, что указанная дата заведомо не связана с днем его кончины (так же, как 16 марта, память св. Савина, ни в коей мере не было днем кончины его брата Василия Андреевича). Этим же числом, 28 сентября, датирован и земельный вклад по Челяднину, сделанный его семьей в Успенский Горицкий монастырь ([Антонов 2003: 29 <л. 17об.>]; ср. также: [Титов 1902: 11])²¹.

Сведения о двуименности трех представителей семьи Челядниных, разумеется, важны и сами по себе — в сущности, никакие полноценные

¹⁹ Сильвестр Челяднин фигурирует и в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря 1674 г. [Кириченко, Николаева 2008: 101 <л. 43>], тогда как во Вкладной книге это имя отсутствует [ВКЛ ТС: 90 <л. 318об.>]. В нескольких синодиках Троице-Сергиева монастыря в главе «Род Челядниных» он показан как *Сильвестр* (ОР РГБ, ф. 304. I. № 814, л. 23об.; ф. 304. II. № 346, л. 36об.).

²⁰ Обратим внимание, что на этот же день, согласно Вкладной книге Новодевичьего монастыря, назначается поминавание боярина Григория Васильевича Годунова, чьим крестильным именем, вне всякого сомнения, также было *Харитон* (см.: [Литвина, Успенский 2022: 124–125]).

²¹ Семиотическая нагруженность этой даты становится очевиднее при сопоставлении известия о вкладе по Иване Андреевиче с другими аналогичными свидетельствами этого источника. Особенностью датированных записей в синодике Успенского Горицкого монастыря является тот факт, что сообщение о вкладе здесь часто приурочено к именинам поминаемого или самого вкладчика: 8 ноября (день Михаила Архангела) связывается с даянием Михаила Федоровича Челяднина, 21 ноября (Введение Богородицы во храм) с княгиней Марией Холмской, родной сестрой Ивана и Василия Андреевичей Челядниных, и т. п.

биографические разыскания невозможны без исчерпывающего представления о том, как, собственно, звали героя таких разведок. Однако в данном случае ценность новых ономастических данных этим не ограничивается. Очень любопытен самый характер упоминания двух мирских христианских имен членов этого боярского клана в разнообразных синодиках. Коль скоро мы уже догадались о двуименности наших Челядниных, такие коммеморативные памятники не только подкрепляют наши предположения, но и заставляют еще раз задуматься о совершенно особенном статусе этой семьи. В самом деле, типичная синодичная запись об их фамильном поминовении выглядит следующим образом:

Род Челядин. Помяни господи: Феодора. Агрипины. Петра. Иоанна. Андреа. Карпа. Иоанна. Харитона. Василия. Савина. Селивестра. Иоана. Схимницы Варсонофии. Схимницы Александры. Схимницы Анастасии. Димитриа. Схимницы Анисии. Евникии. Наталии [Павлов-Сильванский, 1985: 229 <л. 27>]²².

Как нетрудно убедиться, здесь рядом стоят имена *Иван* и *Харитон*, *Василий* и *Савин*, *Сильвестр* и *Иван*, но при этом мы уже знаем, что Иван был в крещении *Сильвестром*, Василий — *Савином*, а другой Иван, по всей видимости, *Харитоном*. Иначе говоря, троих интересующих нас Челядниных — Ивана Андреевича, Василия Андреевича и Ивана Ивановича — в синодики записывают сразу под двумя их мирскими христианскими именами, крестильным и публичным²³.

²² Ср. также показания Синодика переславского Успенского Горицкого монастыря: «Иакима, Иоанна, Агрпепу, Андреа, инока Феоктиста, Петра, Иакова, Иоанна, Макария, Харитона, Иоанна, Савина, Василия, Дионисия, Иоанна, Евдокею, Евдокею, Ксению, князя Василиа, княгню Еупраксию, князя Феодора, княгню иноку Ефросинию, князь Бориса, Анну, князя Иоанна, Анастасию, иноку Варсонофию, княгню иноку Марфу, Селивестра, Иоанна, Василиа, Матфея, Никиту, иноку Александру, Анастасию, иноку княгню Александру, Феодора, Михаила, княгню Марию, князя Данила, князя Симеона, князя Иоанна, Андреа, Иоанна, Василиа, княгню иноку Варсонофию, иноку Варсонофию, княгню иноку Марфу, князя Димитриа, Василиа, иноку Варсонофию» ([Антонов 2003: 29–30 <л. 18–19>]; ср.: [Титов 1902: 11]).

²³ Нельзя ли заподозрить, что двуименным был и отец братьев Челядниных — боярин Андрей Федорович? Рядом с его именем *Андрей* в синодике Новодевичьего монастыря появляется имя *Карп* («Род Челядин. Помяни господи: Феодора. Агрипины. Петра. Иоанна. Андреа. Карпа. Иоанна. Харитона. Василия. Савина. Селивестра. Иоана. Схимницы Варсонофии...» [Павлов-Сильванский 1985: 229 <л. 27>]), и это при том, что никакой самостоятельной публичной фигуры — Карпа Челяднина — светские документы не фиксируют. Отметим в этой связи, что между именами *Карп* и *Андрей* возможно календарное соответствие: память мучеников Карпа и Папила с дружиной празднуется 13 октября, а на 17 октября приходится память мученика Андрея Цареградского (Андрея от Крита). Так или иначе, потенциальная христианская двуименность в семье Челядниных требует дальнейших разысканий.

Обыкновенно с другими мирянами так не делали: чаще всего в синодик попадает исключительно имя крестильное, порой — имя публичное, довольно редко — оба имени одного и того же лица и уж совсем редко два имени приводятся последовательно для нескольких представителей какого-либо семейства. Такое присутствие двух светских имен в коммеморативных источниках естественным образом предполагает регулярное поминовение по ним обоим. По-видимому, именно так — в два разных дня — поминали Ивана / Сильвестра Челяднина, во всяком случае во Вкладной книге московского Новодевичьего монастыря под 2 января (празднование Сильвестру, папе Римскому) он показан, напомним, как *Сильвестр Челяднин*, а под 7 января (Собор Иоанна Предтечи) — как *Иван Иванович Челяднин* [Павлов-Сильванский 1985: 178 <л. 165>, 179 <л. 170>]²⁴. Так или иначе, повторимся еще раз, что поминовение сразу по двум патрональным святым — большая редкость для этого времени.

В сущности, если говорить о людях XVI в., мы знаем только одну семью, где сколько-нибудь последовательно внедряется традиция по-смертного поминовения на оба дня — и на празднование небесному тезке по имени, полученному в крещении, и на празднование святому соименнику по другому христианскому имени (некрестильному). Речь идет, разумеется, о правящей семье Рюриковичей московского дома. Позднее, к концу столетия и в начале нового века, такая практика очень постепенно будет подхватываться ближним царским окружением, однако именно Челяднины оказались в этом подражании едва ли не первыми.

Принимая во внимание показания синодиков, гораздо легче понять, почему на воздухе, отданном Аграфеной Федоровной в кремлевский храм Рождества Иоанна Предтечи, изображены сразу два небесных покровителя ее двуименного мужа — мученик Савин и пресвитер Василий Анкирский. В данном случае Челяднина следует за великокняжеской семьей не только в молитвенном поминовении супруга по двум его христианским именам, но и в том, что касается запечатления сразу двух небесных покровителей на драгоценных предметах благочестия, которые жертвуются в храмы. Так, оба патрональных святых великого князя Василия III, который, напомним, обладал еще одним именем *Гавриил*, есть, к примеру, на знаменитой пелене Софьи Палеолог 1499 г. [Маясова 1971: 21–22 <Ил. 29–31>], на пелене Соломонии Сабуровой к храмовому образу св. Троицы в Троице-Сергиевом монастыре [Георгиевский 1914:

²⁴ Обратим внимание, что Иван / Сильвестр Челяднин, так же, как и его дядя Василий / Савин Челяднин, был наречен в строгом соответствии с господствующей в практике христианской двуименности тенденцией — между датами празднований двум его святым тезкам календарный промежуток совсем невелик (2 и 7 января).

14–15], на пелене «Явление Богоматери Сергию Радонежскому» 1525 г. [Маясова 1971: 25–26 <Ил. 38, 39>], на окладе к рублевской «Троице», выполненной по заказу Ивана Грозного [Спирина 1998: 432 <схема № 1>] и на окладе так называемой «Богоматери Одигитрии Иоасафовской» [Стерлигова 2008: 163]. На пелене Софьи Палеолог 1499 г. есть, кроме того, и изображения двух небесных покровителей ее мужа, великого князя Ивана / Тимофея [Щепкина 1954: 9–10; Маясова 1971: 21–22 <Ил. 29–31>; Николаева 1971: 65–66 <№ 51>]. Множество подобных артефактов, запечатлевших двух тезоименитых святых одного и того же лица, сохранилось благодаря заздравным и поминальным дарам, связанным с Иваном / Титом Грозным и его братом Юрием / Стахией, не говоря уже о царских сыновьях, Федоре / Ермии и Дмитрии / Уаре. Вклад Аграфены Федоровны легко вписывается в эту традицию великокняжеских пожертвований и еще раз демонстрирует особое положение Челядниных при дворе.

Явной знатностью, оправдывающей подобный статус, семья Челядниных заведомо не обладала, но не может ли здесь идти речь знатности, так сказать, потаенной, о кровном родстве с правящим домом, возникшем не благодаря, а вопреки законному браку? Не видел ли Василий III в Челядниных свою биологическую родню? Такое допущение объяснило бы сразу многое — и редкую близость ко двору, и доверие в деле воспитания наследника, и изобретение для них особого чина, и наделение незаурядными матримониальными правами, не говоря уже о преследованиях со стороны Грозного. Однако подобная гипотеза о происхождении Челядниных не может быть ни строго очерчена, ни последовательно верифицирована, причем у нас не только нет строгих аргументов в ее пользу сейчас, но довольно велика вероятность, что они не обнаружатся и в будущем — связи такого сорта могут быть совершенно очевидны для узкого круга современников и при этом не подлежать ни широкой огласке, ни письменной фиксации.

III. Вдова

Размышляя над феноменом Челядниных, не следует забывать, как кажется, что жизненный путь нашей Аграфены отнюдь не сводился к простой производной от ее матримониального статуса, и своей необычной судьбой она была обязана не только происхождению и браку. Ее собственная незаурядность проступает даже сквозь переплетения крайне скупых на подобного рода сведения генеалогических и актовых данных. Напомним, что ее вдовство в миру продолжалось более двух десятков лет, причем никакого старшего мужчины в это время в семье Челядниных не оставалось: свекровь ее была жива, свекор же давно скончался,

а деверь с 1514 г. и до самой своей смерти пребывал в литовском плену. Двум невесткам — Аграфене и Елене, супруге Ивана / Харитона Андреевича — удалось сохранить положение при дворе, во всяком случае, обе они фигурируют в перечне боярынь за столом как на второй свадьбе великого князя Василия, так и при женитьбе его брата Андрея Старицкого. В свадебных разрядах и некоторых других документах до поры до времени они являют собой нечто вроде «сиамских близнецов» — где Елена, там и Аграфена. Так, обе они были свахами со стороны княгини Евфросинии Хованской, когда она выходила замуж за Андрея Ивановича Старицкого в 1533 г. [Кром 2010: 146–148; Корзинин 2023: 429], на свадебных торжествах Василия III и Елены Глинской обе они оказались в числе боярынь, находившихся у постели новобрачных [Корзинин 2023: 425]. Однако когда появился долгожданный наследник и для него потребовалась мамка, выбор великого князя пал на Аграфену, а не на Елену, хотя именно супруг Елены был старшим из братьев и именно он до своего пленения был конюшим государя²⁵. Иначе говоря, перед нами, по всей видимости, ситуация, когда дело было не в формальной семейной иерархии вдов, которая была бы не в пользу Аграфены, но в неких личных качествах супруги покойного Василия / Савина.

Возможно, некоторый отпечаток индивидуального выбора — на этот раз личного выбора самой Аграфены Федоровны — лег и на изготовление того самого драгоценного вклада, шитого воздуха «Положение во гроб». Мы уже имели возможность наблюдать, что здесь весьма характерным для XVI столетия образом была продумана каждая деталь: в вышивке, помимо всего прочего, отразилась целая программа календарных соответствий, связанных не только с личными небесными покровителями самой Аграфены, ее покойного мужа и маленького княжича Ивана Васильевича, но и с храмовым посвящением. Как мы уже отмечали выше, в клеймах есть и сцены «Усекновения главы» и «Рождества Иоанна Предтечи». Предтеченский праздничный цикл становился еще ближе для всей семьи Челядниных. Напомним, что Иоанн Креститель был личным небесным покровителем Ивана / Сильвестра

²⁵ Тем не менее пресловутая синхронность появления Аграфены и Елены Челядниных в источниках отчасти сохраняется (как сохранялась она, по-видимому, и в придворном церемониале) — ср., например, описание торжеств по случаю рождения в 1532 г. брата Ивана Грозного, Юрия Васильевича: «А коли родился князь Юрь и Васильевич великого князя сын, и толды большой наряд был, а боярон много было. И толды была верхняя лавка, а в верхней лавке сидели в большом месте Челяднины Олена да Огрофена. А Глинские книини Анна да книини Настасья сидели конец стола» [Бычкова 1977: 121 <л. 286>].

В биографическом справочнике, сопровождающем публикацию С. В. Стрельникова и А. П. Павлова [2024: 337, 363] межвых книг Троице-Сергиева монастыря, Елена ошибочно названа женой Василия Андреевича Челяднина, а не его брата Ивана Андреевича (как это было в действительности).

Ивановича Челяднина — единственного отпрыска мужского пола, на которого не могли возлагаться надежды дальнейшего преуспеяния этого могущественного клана. Теперь же, к 1531 г., Предтеча сделался и небесным покровителем будущего царя Ивана Грозного, чаемого источника и гаранта этого преуспеяния.

Почему, однако, из всех церквей и празднований, связанных с Иоанном Предтечей, качестве места вклада Аграфена выбрала, скажем, не обетную деревянную церковь Усекновения главы, возведенную в том же году в честь рождения Ивана Грозного [ПСРЛ, VIII: 278; XIII: 59], а именно тот Предтеченский храм, который находился в Кремле? Подобное решение в любом случае не кажется странным: очевидно, что кремлевские храмы были важны и для великокняжеского рода, и для столь приближившейся к нему семьи Челядниных. Вероятно, впрочем, определенное значение приобретало еще одно обстоятельство: предпразднество престола здесь совпадало с именинами самой Аграфены: как уже говорилось, память мученицы Агриппины приходится на 23 июня, тогда как Рождество Иоанна Крестителя — на 24 июня. Не исключено, таким образом, что Аграфена была лично связана с этой церковью еще до рождения княжича, а его появление на свет еще более эту связь упрочило.

Скорее всего, брак Ивана / Сильвестра Ивановича Челяднина с сестрой великой княгини Анастасией Глинской — если этот матримониальный союз и впрямь имел место — был заключен уже в пору вдовства Аграфены Федоровны. Играла ли она какую-то роль в его обустройстве, сейчас сказать невозможно, однако участие Ивана Ивановича в придворных церемониях наряду с Телепневым-Оболенским не позволяет усомниться в том, что тетка и племянник тем или иным образом поддерживали друг друга, причем здесь скорее старшая родственница стремилась отдать долг семье Челядниных, делая для этого рода то, что было в ее силах, а заодно, разумеется, укрепляя собственное положение при дворе. Проект этот, впрочем, оказался успешным лишь до некоторой степени. Сам Иван / Сильвестр хотя как будто бы и не пострадал от опалы своей тетки Аграфены, прожил не слишком долго и потомство по себе так и не оставил — с его смертью в 1541 г. мужская линия Челядниных пресеклась.

Что случилось с Аграфеной Федоровной после вынужденного пострижения и перемещения в Каргополь, мы не знаем. Доподлинно известно лишь, что в монашестве она стала *Анастасией* (т. е. ее иноческое имя, в полном соответствии с общей тенденцией того времени, было выбрано по созвучию с крестильным), и в немногих документах оставшейся родни она может фигурировать как *старица Настасья*, поминовение которой предусматривается в земельных даяниях. Однако на

сегодняшний день мы не можем даже приблизительно сказать, когда она скончалась — уж очень большой промежуток отделяет год ее пострижения (1538) от даты дошедшего до нас документа, где она упоминается как умершая (1566/67). Документ этот — не что иное, как Данная ее дочери Марии архимандриту московского Новоспасского монастыря, составленная тою относительно незадолго до краха ее собственной семьи [Назаров 1998: 257–259 <№ 119>]²⁶.

Характерно, что эта дочь Аграфены (по первому браку княгиня Дорогобужская) до 1545 г. успевает дать вкладом в Иосифо-Волоцкий монастырь «въздух невеликъ» [Георгиевский 1911: 6 <Прилож.>; Голубцов 1912: 125], как предположила В. А. Меняйло [1995: 21–22], этот же предмет охарактеризован чуть более подробно в монастырской Описи 1572 г., где сообщается, что он был вышит на багровом атласе, имел опушку из разноцветной шелковой камки и нес изображения креста, страстей Христовых «да образ Господен». Не исключено, что то был вклад по ее первому мужу, Ивану Осиповичу Дорогобужскому, погибшему в 1530 г. под Казанью, и/или их сыну Дмитрию²⁷. Так или иначе, весьма существенно, что Мария Васильевна следует за матерью, Аграфеной, в традиции давать в качестве вклада шитье; можно допустить даже существование в семье Челядниных самостоятельных мастерских, подобных тем, что впоследствии были, например, в семье царского дяди, Дмитрия Ивановича Годунова.

²⁶ Упоминание о «старике Настасеѣ», т. е., со всей очевидностью, о нашей Аграфене Челяднине, есть и в Данной на вотчину мужа Марии Васильевны, боярина И. П. Федорова-Челяднина (см. о нем далее в примеч. 28), Кириллову Белозерскому и московскому Новоспасскому монастырям того же 1566/67 г. [Назаров 1998: 256 <№ 118>]. М. Е. Бычкова и О. И. Хоруженко [2024: 54] ошибочно, на наш взгляд, полагают, что речь здесь идет о жившей в конце XIV — первой трети XV в. прапрабабке И. П. Федорова-Челяднина, Аграфене Дмитриевне (урожденной Монастыревой), супруге Ивана Андреевича Хромого, и реконструируют на этом основании факт ее монашеского пострига с именем *Анастасия*, будто бы имевший место после кончины мужа. В уже упоминавшемся выше биографическом справочнике к публикации С. В. Стрельникова и А. П. Павлова [2024: 328, 363] межевых книг Троице-Сергиева монастыря иноческий статус супруги Василия Андреевича Челяднина никак не оговаривается — это вводит читателя в заблуждение, заставляя думать, что тот был женат на некоей Анастасии.

Еще одна грамота самой Марии Васильевны — Данная Троице-Сергиевому монастырю на сельцо Кишкино с деревнями в Коломенском уезде и на сельцо Богородицкое с деревнями в Юрьевском уезде Польского — датирована 7072/1564 г. (Архив СПб ИИРАН, ф. 29, оп. 1, ед. хр. № 8 (Ч. IV), № 1264, л. 1599–1600) (Лебедев 1881: 28 <№ 128>; Шумаков, Шохин 2002: 34–35 <№ 73>); ср.: [Лихачев 1900: 78]), однако в ней вкладчица не называет по именам своих родителей.

²⁷ Во Вкладной книге Иосифо-Волоцкого монастыря зафиксирован денежный вклад, который княгиня Мария Дорогобужская, урожденная Челяднина, дала по сыну Дмитрию, вероятно, еще до гибели его брата Ивана [Титов, 1906: 4, 27–28 <№ 93>].

Как мы помним, другой сын Марии Васильевны от брака с князем Дорогобужским был казнен в 1547 г., а ее второй муж и отдаленный родственник, Иван Петрович Федоров-Челяднин²⁸, успевший получить титул боярина и конюшего, стал одной из жертв Ивана Грозного два десятка лет спустя, в 1568 г. Если верить рассказу А. Шлихтинга [Малеин 1935: 56 <л. 15–15об.>], Грозный обрядил его в царское платье, посадил на трон и собственноручно заколол ножом²⁹. Что же касается судьбы самой Марии Васильевны, то Курбский в своей «Истории» [2015: 154, 156 <л. 93>] говорит, будто она была убита в ту же пору вместе с домоладцами, тогда как Шлихтинг и Гваньини утверждают, будто ее оставили в живых, но принудительно постригли в монахини [Малеин 1935: 57 <л. 15об.>; Козлова 1997: 104–105]³⁰. Разрешить это противоречие

²⁸ Фигура Ивана Петровича Федорова весьма интересна сама по себе, но для нас, пожалуй, наиболее существенны некоторые аспекты его генеалогического и матримониального досье. Курбский именует его *Челядниним*, благодаря чему возникло подозрение, будто он был сыном Петра Федоровича Челяднина и, соответственно, приходился своей супруге двоюродным дядей. В таком случае его брак с Марией Васильевной противоречил бы каноническим нормам. Однако, как убедительно показал Н. П. Лихачев [1900: 75–77], ничего подобного в действительности не было: на самом деле Иван Петрович состоял со своей супругой в весьма отдаленном родстве (9-я степень), заведомо допустимом для матримониального союза с канонической точки зрения. Строго говоря, *Челядниним* он и не был, во всяком случае Иван Петрович обыкновенно именуется в источниках *Федоровым* или *Давыдовым* (по деду или прадеду). При этом едва ли можно сказать, что Курбский ошибался, присваивая ему такое родовое прозвание — он не только принадлежал к одному с ними большому роду, но, вплотную приобщившись благодаря браку к этой семье, некогда могущественной, но на глазах лишавшейся мужского продолжения, по-видимому, хотя бы отчасти перенимал в глазах окружающих их родовые права. В частности, неслучайным кажется, что именно он вслед за представителями нескольких поколений Челяднинных получил чин боярина и конюшего (в этом качестве он фигурирует в источниках с 1546 г. [ПСРЛ, XXXIV: 27 <л. 57>]).

²⁹ Сходный рассказ появляется в сочинениях Александра Гваньини [Козлова 1997: 102–105] и Пауля Одерборна [2024: 110–111 <гл. 67>]; в «Послании» Таубе и Крузе о казни Ивана Петровича сообщается в весьма лаконичной манере и о судьбе его супруги ничего не говорится [Рогинский 1922: 40].

³⁰ Известия А. Шлихтинга и А. Гваньини побуждали исследователей искать следы монашеской жизни Марии Васильевны. С. Б. Веселовский [1963: 128, 463], говоря о Марии Васильевне, в своей книге ссылается на Шлихтинга, но вопреки очевидности именует ее родной племянницей, а не дочерью «мамки Аграфены» (эта же ошибка воспроизводится в монографии В. А. Колобкова [2017: 181]). В своих неопубликованных материалах Веселовский утверждает, что «Марья после смерти мужа постриглась (в иночестве Маремьяна) и в 1569 г. сделала вклад вещами Иосифову Волоколамскому монастырю, а вскоре после этого умерла» (Архив СПб ИИРАН, ф. 29, оп. 1, ед. хр. № 8 (Ч. IV), № 1264, л. 1600). Конкретный источник этих сведений исследователь не указал, возможно, он имел в виду запись из Вкладной книги Иосифо-Волоцкого монастыря, которую мы приводим в нашей работе ниже. Р. Г. Скрынников [1992: 337, 346 <примеч. 256>] опирается в своем изложении событий 1568 г. на свидетельство Шлихтинга, но ссылается при этом на сочинение Курбского, где они представлены иначе. К. Ю. Ерусалимский в примечаниях к «Истории» князя Курбского принимает

способна, как кажется, киноварная помета в Синодике ризницы Троице-Сергиева монастыря 1575 г.: на одном из листов в сплошном перечне поминаемых над словами «ино^{ку} Мареміаноу» записано «Васи^яева до^ч Челл^анина» (ОР РГБ, ф. 304. III № 25: л. 90).

Эта помета позволяет нам заключить, что Мария Васильевна до кончины все же успела принять иноческий постриг с именем *Маремьяна* (*Мариамна*). Весьма соблазнительно в таком случае связать с нею запись из Вкладной книги Иосифо-Волоцкого монастыря, предписывающую поминать «Иванову жену Петровича иноку Маремьяну во вседневномъ списке и в синаникѣ, доколе и манастырь Пречистыя стоять, ис повседневнаго списка и из синаника ея не выгладити, а дала на то инока Маремьяна на воздухъ, да вошвы, да круживо, да пелену, а на пеленѣ шито Успение Пречистыя Богородицы, а по подемъ икосы, а цѣна воздуха, да вошвамъ, да круживу, да пеленѣ семнатцать рублевъ, да дватцать рублевъ денегъ» [Титов 1906: 71–72 <№ 330>]. Приведенное свидетельство очень интересно само по себе, так как снабжает нас ценными данными о практике и «экономической составляющей» заказа лицевого шитья. Учитывая то обстоятельство, что несколькими десятилетиями ранее — в своей мирской жизни — Мария (Мариамна) уже жертвовала лицевое шитье в Иосифо-Волоцкий монастырь (см. выше), такая идентификация вкладчицы представляется весьма правдоподобной, хотя мы и не можем утверждать это с абсолютной уверенностью³¹. Так или иначе, Мария Васильевна стала последней представительницей семьи Челядниных, и с ее кончиной живая память об Аграфене Федоровне, по-видимому, утратилась.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

АРАН — Архив Российской академии наук (Москва).

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

СПб ИИРАН — С.-Петербургский Институт истории Российской академии наук (С.-Петербург).

за фактическое положение дел версию Шлихтинга и Гваньини о монашеском постриге (не упоминая этих авторов и не приводя иной аргументации в ее пользу) [Курбский 2015: 740 <к л. 93-6>].

³¹ Инокиней Маремьяной (Мариамной), теоретически говоря, могла быть и другая женщина, к примеру, упоминаемая в монастырском «Обиходнике» инока Маремна, мать игумена Вассиана (в миру Василия Ивановича) [Леонид Красноповков 1863: 4].

Библиография

Источники

Акты юридические... 1838

Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, С.-Петербург, 1838.

АФЗХ, I–III

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв., I–III, Москва, 1951–1961.

БК

Родословная книга князей и дворян российских и въезжих..., I–II, Москва, 1787.

ВКЛ ТС

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, Москва, 1987.

ДРВ, I–XX

Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым, изд. 2-е, вновь испр., I–XX, Москва, 1788–1791.

Книга вкладная... 1728

Книга вкладная кто что по обещанию дал вкладу в вечный помянок в дом Живончальные Троицы в Ыпацкий монастырь, 1728, Костромской музей-заповедник (КМЗ КОК 24010).

ПСРЛ, I–XLIII

Полное собрание русских летописей, I–XLIII, С.-Петербург (Петроград/Ленинград), Москва, 1841–2004.

РК

Разрядная книга 1475–1605 гг., I, 1, Москва, 1977.

Сб. РИО 1887

Сборник императорского Русского Исторического Общества, LIX: Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским, II (1533–1560), С.-Петербург, 1887.

СлРЯ, I–XXX–

Словарь русского языка XI–XVII вв., I–XXX–, Москва, 1975– .

Литература

Антонов 2003

Антонов А. В., Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV–XVI веков, *Русский дипломатарий*, IX, Москва, 2003, 3–37.

Белокуров 1906

Белокуров С. А., *О Посольском приказе*, Москва, 1906.

Берх 1833

Берх В. Н., *Систематические списки боярам, окольных чинам думным дворянам с 1408 года до уничтожения сих чинов*, С.-Петербург, 1833.

Бычкова 1977

Бычкова М. Е., Родословие Глинских из Румянцевского собрания, *Записки Отдела рукописей. Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина*, 38, Москва, 1977, 104–125.

Бычкова, Хоруженко 2024

Бычкова М. Е., Хоруженко О. И., Местнические памяти конца XV в., *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2024, 2 (96), 42–59.

Веселовский 1963

Веселовский С. Б., *Исследования по истории опричнины*, Москва, 1963.

——— 1975

Веселовский С. Б., сост., *Акты русского государства, 1505–1526 г.*, Москва, 1975.

Георгиевский 1911

Георгиевский В. Т., *Фрески Ферапонтова монастыря*, С.-Петербург, 1911.

——— 1914

Георгиевский В., Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой лавры, *Светильник: Религиозное искусство в прошлом и настоящем*, 1914, 11–12, 3–26.

Голубцов 1912

Голубцов А. П., *Сборник статей по литургике и церковной археологии*, Сергиев Посад, 1912.

Зимин 1988

Зимин А. А., *Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой половине XVI в.*, Москва, 1988.

Зимин, Лурье 1959

Зимин А. А., Лурье Я. С., подг. текста, *Послания Иосифа Волоцкого*, Москва, Ленинград, 1959.

Кавельмахер, Чернышев 2008

Кавельмахер В. В., Чернышев М. Б., *Древний Борисоглебский собор в Старице*, Москва, 2008.

Катасонова 2024

Катасонова Е. Ю., Вышивальная мастерская Суздальского Покровского монастыря (последняя треть XVI – начало XVII в.), *I Маясовские чтения. Церковное шитье: История и современность. Сборник статей по материалам научно-практической конференции (Государственный Русский музей, 10–11 октября 2019 г.)*, С.-Петербург, 2024, 43–89.

Кириченко, Николаева 2008

Кириченко Л. А., Николаева С. В., *Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация)*, Москва, 2008.

Козлова 1997

Козлова Г. Г., пер., ст. и комм., *Александр Гваньини. Описание Московии*, Москва, 1997.

Колобков 2017

Колобков В. А., *Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричина Ивана Грозного*, С.-Петербург, 2017.

Корзинин 2016

Корзинин А. Л., *Государев двор русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.)*, Москва, С.-Петербург, 2016.

——— 2023

Корзинин А. Л., ред., *Русские княгини и их дворы в XI–XVI веках*, Москва, С.-Петербург, 2023.

Кром 2010

Кром М. М., *«Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века*, Москва, 2010.

Курбский 2015

Андрей Курбский, *История о делах великого князя Московского*, Москва, 2015.

Лебедев 1881

Лебедев Д., изд., *Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева*, Москва, 1881.

Леонид Кавелин 1879

Леонид (Кавелин), Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкия Сергиевы лавры, *Горский А. В., Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам в 1841 г. с приложениями архимандрита Леонида*, Москва, 1879.

Леонид Краснопевков 1863

Леонид (Краснопевков), Выписка из «Обихода» Волоколамского Иосифова монастыря конца XVI века, о дачах в него для поминовения по умершим, *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских*, 1863, IV, V: Смесъ, 1–8.

Литвина, Успенский 2018

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси, *Средневековая Русь*, 13, Москва, 2018, 241–280.

— 2020

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «*Се яз раб Божий...*» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры, С.-Петербург, 2020.

— 2022

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Годунов в кругу родни (Биографические разыскания)*, С.-Петербург, 2022.

Лихачев 1900

Лихачев Н. П., Заметки по родословным некоторых княжеских фамилий, *Известия русского генеалогического общества*, 1900, I, I, 70–113.

— 1895

Лихачев Н. П., *Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках*, I: Духовные и сговорные грамоты; II: Грамоты правяя, С.-Петербург, 1895.

Лобанов-Ростовский, I–II

Лобанов-Ростовский А. Б., *Русская родословная книга*, I–II, С.-Петербург, 1895.

Малеин 1935

Малеин А. И., пер., ред., примеч., *Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга*, изд. 4-е, доп. и испр., Ленинград, 1935.

Маясова 1971

Маясова Н. А., *Древнерусское шитье*, Москва, 1971.

— 1983

Маясова Н. А., Два произведения лицевого шитья боярских мастерских XVI в., *Памятники культуры. Новые открытия, 1981: Письменность, искусство, археология*, Ленинград, 1983, 352–361.

Меняйло 1995

Меняйло В. А., Художественное шитье в храмах Иосифо-Волоколамского монастыря в первой половине XVI века, *Древнерусское художественное шитье*, Москва, 1995 (= Музеи московского Кремля: Материалы и исследования, X), 14–25.

Назаров 1998

Назаров В. Д., отв. ред., *Акты российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв.*, Москва, 1998.

Николаева 1971

Николаева Т. В., *Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в.*, Москва, 1971 (= Археология СССР: Свод археологических источников, E1-49).

Одерборн 2024

Пауль Одерборн, *Жизнь Ивана Васильевича, великого князя Московии*, С.-Петербург, 2024.

Павлов-Сильванский 1985

Павлов-Сильванский В. Б., подг. текста, вст. ст., *Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря*, Москва, 1985.

Рогинский 1922

Рогинский М. Г., пер. и вст. ст., Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе, *Русский исторический журнал*, 1922, 8, 8–59.

Розов 1965

Розов Н. Н., Похвальное слово великому князю Василию III, *Археографический ежегодник за 1964 г.*, Москва, 1965, 278–289.

Рыков 2020

Рыков Ю. Д., Потомки князя Владимира Андреевича Старицкого и судьба его дочери Марии (в иночестве Марфы), королевы ливонской, *Российская генеалогия: научный альманах*, VIII, Москва, 2020, 7–45.

Сергеев, I–II

Сергеев А. В., *Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI – начала XVII в.*, I–II, С.-Петербург, 2023.

— 2023

Сергеев А. В., Князья Гундоровы в Русском государстве XVI–XVII вв.: историко-генеалогическое исследование, *Российская генеалогия: научный альманах*, XIII, Москва, 2023, 116–178.

Скрынников 1992

Скрынников Р. Г., *Царство террора*, С.-Петербург, 1992.

Спирина 1998

Спирина Л. М., Святые князья Борис и Глеб на произведениях золотого и серебряного дела XVI–XVII вв. из собрания Сергиево-Посадского музея-заповедника, *Культура славян и Русь*, Москва, 1998, 429–453.

Стерлигова 2008

Стерлигова И. А., К истории иконы «Богоматерь Одигитрия Иоасафовская», *Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI века: Сборник статей памяти Виктора Михайловича Сорокатого*, Москва, 2008, 161–172.

Стрельников, Павлов 2024

Стрельников С. В., Павлов А. П., публ., Межевые книги Троице-Сергиева монастыря середины XVI века, *Российская генеалогия: Научный альманах*, XV, Москва, 2024, 7–432.

Титов 1902

Титов А. А., *Синодики XVII века Переславского Горицкого монастыря*, Москва, 1902.

— 1906

Титов А. А., *Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену императорского русского археологического общества И. А. Вахромееву*, V, Москва, 1906.

Успенский, Успенский 2017

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, С.-Петербург, 2017.

Шаблова 2004

Шаблова Т. И., подг. текста, иссл., *Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479 – 1510-е годы)*, С.-Петербург, 2004.

Шапошник 2016

Шапошник В. В., Правительница Елена Глинская и московская элита, *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*, 2016, 5, 395–409.

Шумаков, Шохин 2002

Шумаков С., *Обзор «Грамот Коллегии Экономии»*, V: Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздаю, Юрьев-Польскому и Вологде, Шохин Л. И., сост., Москва, 2002.

Щепкина 1954

Щепкина М. В., *Изображение русских исторических лиц в шитье XV века*, Москва, 1954 (= Труды Государственного Исторического музея. Памятники культуры, XII).

Benoit 2020

Benoit A., *Johann Taube and Elert Kruse. A Broken Window on Ivan IV's Oprichnina*, Canadian-American Slavic Studies, 2020, 54, 329–386.

Hoff 1582

Georg vom Hoff, *Erschreckliche, greuliche vnd vnerhorte Tyranny Iwan Wasilowitz, itzo regierenden Großfürsten in Muscow, so er vorrückter Jar an seinen Blutsverwanten Freunden, Underfürsten, Baiouaren vnd gemeinem Landtuolck vnmenschlicher weise, wider Gott vnd Recht erbermlich geübet...*, S.l., 1582.

Ewers 1816

Ewers G., Hrsg., Zar' Iwan der Grausame. Sendschreiben an Gotthard Kettler, Herzog zu Kurland und Semgallen, von Johann Taube und Elert Kruse. 1572, *Beiträge zur Kenntnis Russlands und seiner Geschichte*, Dorpat, 1816, 185–238.

Kollmann 1987

Kollmann N. S., *Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547*, Stanford, California, 1987.

References

Antonov A. V., Vkladchiki Uspenskogo Goritskogo monastyria 15–16 vekov, *Russkii diplomatarii*, 9, Moscow, 2003, 3–37.

Bychkova M. E., Rodoslovie Glinskikh iz Rumiantshevskogo sobraniia, *Zapiski Otdela rukopisei. Gosudarstvennaia ordena Lenina biblioteka SSSR imeni V. I. Lenina*, 38, Moscow, 1977, 104–125.

Bychkova M. E., Khoruzhenko O. I., Mestnichestvo Memories of the Late 15th Century, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2024, 2 (96), 42–59.

Kawelmacher W. W., Chernyshev M. B., *Drevnii Borisoglebskii sobor v Staritse*, Moscow, 2008.

Katasonova E. Yu., Vyshival'naia masterskaia Suzdal'skogo Pokrovskogo monastyria (posledniaia tret' 16 — nachalo 17 v.), *1 Maiasovskie chteniia. Tserkovnoe shit'e: Istoriia i sovremennost'. Sbornik statei po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii (Gosudarstvennyi Russkii muzei, 10–11 oktiabria 2019 g.)*, St. Petersburg, 2024, 43–89.

Kirichenko L. A., Nikolaeva S. V., *Kormovaia kniga Troitse-Sergieva monastyria 1674 g. (Issledovaniia i publikatsiia)*, Moscow, 2008.

Kollmann N. S., *Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547*, Stanford, California, 1987.

Kolobkov V. A., *Mitropolit Filipp i stanovlenie moskovskogo samodержavii: Oprichnina Ivana Groznogo*, St. Petersburg, 2017.

Korzinin A. L., *Gosudarev dvor russkogo gosudarstva v dooprichnyi period (1550–1565 gg.)*, Moscow, St. Petersburg, 2016.

Korzinin A. L., ed., *Russkie kniagini i ikh dvory v 11–16 vekakh*, Moscow, St. Petersburg, 2023.

Krom M. M., “Vdovstviushchee tsarstvo”: Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov 16 veka, Moscow, 2010.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., Monasheskoe imia i fenomen svetskoi khristianskoi dviimennosti v dopetrovskoi Rusi, *Srednevekovaia Rus'*, 13, Moscow, 2018, 241–280.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., “Se iaz rab Bozhii...” *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury*, St. Petersburg, 2020.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Godunov v krugu rodni (Biograficheskie razyskaniia)*, St. Petersburg, 2022.

Mayasova N. A., *Drevnerusskoe shit'e*, Moscow, 1971.

Mayasova N. A., Dva proizvedeniia litsevoego shit'ia boiarskikh masterskikh 16 v., *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia, 1981: Pis'mennost', iskusstvo, arkheologiia*, Leningrad, 1983, 352–361.

Menyailo V. A., Khudozhestvennoe shit'e v khramakh Isofio-Volokolamskogo monastyria v pervoi polovine 16 veka, *Drevnerusskoe khudozhestvennoe shit'e*, Moscow, 1995, 14–25.

Nikolaeva T. V., *Proizvedeniia russkogo prikladnogo iskusstva s nadpisiami 15 – pervoi chetverti 16 v.*, Moscow, 1971.

Rozov N. N., Pokhval'noe slovo velikomu kniaziu Vasiliu 3, *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1964 g.*, Moscow, 1965, 278–289.

Rykov Yu. D., Descendants of prince Vladimir Andreevich Staritsky and the fate of his daughter Maria (in monasticism – Marfa), Queen of Livonia, *Rossiiskaia genealogiia: nauchnyi al'manakh*, 8, Moscow, 2020, 7–45.

Sergeev A. V., Kniazheskie familii v Moskovskom gosudarstve vtoroi treti 16 – nachala 17 v., 1–2, St. Petersburg, 2023.

Sergeev A. V., The princes Gundorov in the Russian state of the XVI–XVII centuries: historical and genealogical research, *Rossiiskaia genealogiia: nauchnyi al'manakh*, 13, Moscow, 2023, 116–178.

Shaposhnik V. V., Governess Elena Glinskaya and the Moscow Elite, *Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh*, 2016, 5, 395–409.

Shchepkina M. V., *Izobrazhenie russkikh istoricheskikh lits v shit'e 15 veka*, Moscow, 1954.

Shumakov S., *Obzor "Gramot Kollegii Ekonomii"*, V: Materialy po Vladimiru, Gorokhovtsu, Muromu,

Suzdaliu, Iur'ev-Pol'skomu i Vologde, Moscow, 2002.

Skrynnikov R. G., *Tsarstvo terrora*, St. Petersburg, 1992.

Spirina L. M., Sviatye kniaz'ia Boris i Gleb na proizvedeniakh zolotogo i serebriannogo dela 16–17 vv. iz sobraniia Sergievo-Posadskogo muzeia-zapovednika, *Kul'tura slavian i Rus'*, Moscow, 1998, 429–453.

Sterligova I. A., K istorii ikony «Bogomater' Odigitriia Ioasafovskaia», Ikonograficheskie novatsii i traditsiia v russkom iskusstve XVI veka: Sbornik statei pamiati Viktora Mikhailovicha Sorokatogo, Moscow, 2008, 161–172.

Strel'nikov S. V., Pavlov A. P., The plat books of the Trinity-St. Sergius Monastery, the middle of the 16th century, *Rossiiskaia genealogiia: nauchnyi al'manakh*, 15, Moscow, 2024, 7–432.

Uspenskij B. A., Uspenskij F. B., *Inocheskie ime-na na Rusi*, St. Petersburg, 2017.

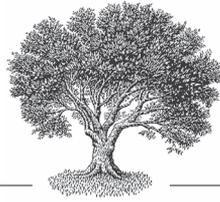
Veselovskiy S. B., *Issledovaniia po istorii oprichniny*, Moscow, 1963.

Zimin A. A., *Formirovanie boiarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine 15 – pervoi polovine 16 v.*, Moscow, 1988.

Анна Феликсовна Литвина, кандидат филологических наук,
доцент школы филологии
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная, д. 21/4
Россия / Russia
annalitvina@gmail.com

Федор Борисович Успенский, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
fjodor.uspenskiy@gmail.com

Received June 24, 2024

Из истории гипербата в русистике

**Елена Валерьевна
Маркасова**

Пекинский университет,
Пекин, Китай

On the History of Hyperbaton in Russian Studies

Elena V. Markasova

Peking University,
Beijing, China

Резюме

Термин «гипербат» до конца XX — начала XXI в. сохранялся в дисциплинарном поле классической филологии и истории литературы, но в русистике он уступил место термину «инверсия», что поддерживалось образовательной традицией. Цель исследования — выяснить, когда и как (на фоне преемственности в использовании ряда других риторических и грамматических терминов) российская лингвистика разошлась с западноевропейской в употреблении термина «гипербат». Для поиска сведений об этом термине в латинских грамматиках и риториках мы использовали *Corpus Corrogiat*, а также тексты риторик и грамматик Античности, Возрождения и раннего Нового времени, русские риторика XVII–XVIII вв. Анализ описаний гипербата в русских риториках предваряется экскурсом в историю создания классификаций типов гипербата в классический период и общими сведениями о современных подходах к изучению гипербата в европейской лингвистике. Это необходимо для понимания различий между двумя научными традициями изучения проблематики словопорядка. Ключевым моментом в истории утраты термина «гипербат» можно считать ранний

Цитирование: *Маркасова Е. В.* Из истории гипербата в русистике // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 82–112.

Citation: *Markasova E. V.* (2024) About the History of Hyperbat in Russian Studies. *Slověne*, vol. 12, № 2, p. 82–112.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.2.03

этап его описаний в России, поскольку именно в этот период возникают предпосылки для его исчезновения из употребления. Во-первых, в это время отсутствовала традиция описания словоупотребления в грамматическом аспекте на материале русского языка. Во-вторых, не было дидактических материалов, базирующихся на комментариях к текстам признанных авторов. Наконец, существенно повлияла на исключение термина из употребления «Риторика» М. В. Ломоносова.

Ключевые слова

фигуры речи, тропы, порядок слов, проективность, история лингвистических учений, история риторики

Abstract

The term *hyperbaton* was preserved in various disciplinary fields (classical philology, history of literature) until the late 20th—late 21st century, but in Russian studies, it gave way to the term *inversion*, which was supported by the pedagogical tradition. The purpose of the study is to find out when and how (against the background of continuity in the use of other rhetorical and grammatical terms) Russian linguistics diverged from Western European linguistics in the use of the term *hyperbaton*. The data for the study was collected from *Corpus Corporum*, as well as texts of rhetoric and grammars from antiquity, the Renaissance and Early Modern times, and Russian rhetoric of the 17th—18th centuries. The analysis of hyperbaton descriptions in Russian rhetoric is preceded by an overview of the history of the creation of hyperbaton type classifications in the classical period and general information about modern approaches to the study of hyperbaton in European linguistics. This is necessary to understand the differences between the two scholarly traditions and their approach to problems of word order. The key moment that pushed the term *hyperbaton* into disuse can be considered the early stage of its descriptions in Russia, since it is during this period that the prerequisites for its disappearance from active use arise. First, there was no tradition of describing the word order in the grammatical aspect based on Russian texts. Second, there were no didactic materials that commented on the texts of acknowledged writers. Finally, M. V. Lomonosov's *Rhetoric* significantly influenced the exclusion of the term from use.

Keywords

figures of speech, tropes, word order, projectivity, history of linguistics, linguistic traditions, history of rhetoric

1. Введение

Гипербат — это отступление от «принятого», «обычного», «нормального» порядка слов, которое может быть обусловлено различными причинами и иногда затрудняет понимание смысла. Термин (*греч.* ὑπερβατόν; *лат.* transgressio, transsensu, transcensio) принято объяснять на основе

этимологии (перестановка, перенос, «перешагивание») и рассматривать либо как фигуру речи, либо как троп. Частные случаи гипербата обозначаются терминами *anastrophe*, *epergesis*, *hysteron proteron*, *hysterologia*, *metathesis*, *parenthesis*, *perversion*, *tmesis*, *transiectio*, *synchysis* и др. и описываются в рамках учения о порядке и сочетаемости слов, связанного и с грамматикой, и с риторикой [Гаспаров 1986; Кормилина 2014].

Это термин, имеющий сложную историю в отечественной лингвистике. В русистике нарушение порядка слов традиционно (и в школе, и в вузах) именовалось инверсией, но с начала 2000-х гг. «инверсия» стала постепенно вытесняться воскрешенным «гипербатом». Оба термина трактовались на основе представлений о том, что существует «естественный», «обычный», «стилистически нейтральный» порядок слов, нарушение которого может быть стилистическим средством.

В лингвистике два основных термина, обозначающих нарушение словопорядка (инверсия и гипербат), сосуществуют, но в российской традиции инверсия — общеизвестный термин, поддерживаемый в системе образования на протяжении XIX–XXI вв., гипербат же известен далеко не всем. Этот тезис основан на многолетних наблюдениях. Проведенные в 1999, 2006 и в 2011 гг. в трех российских университетах опросы преподавателей, имеющих ученую степень по специальности «русский язык», показали, что термина «гипербат» русисты не знали. Непостоянство его включения в словари и энциклопедии говорит о нестабильности этой единицы в терминосистеме. Так, в [Ахманова 1966] есть и гипербат, и инверсия, а в [Квятковский 1966: 121–122; Тимофеев, Тураев 1974: 98; ЛЭС 1990: 176] есть инверсия, но статей, специально посвященных гипербату, нет.

Приведу два интересных факта. Я. М. Боровский, филолог-классик, в 1977 г. пишет работу «Незамеченный гипербат у Пушкина» [Боровский 1977]. Это редкий случай включения термина в заглавие. Однако эту работу читают в основном литературоведы. В 1995 г. выходит статья С. И. Николаева о гипербате, затемняющем смысл [Николаев 1995], но она остается вне зоны внимания русистов даже в XXI в., в период возвращения термина.

На фоне инверсии гипербат представляет собой весьма специфический тип нарушения словопорядка. Возникает структура, состоящая из трех зон: начальной, срединной (медианной) и конечной. Члены одной синтагмы разъединяются медианной зоной. Дизъюнкция порождает эффект ожидания и эмфатического выделения всех трех зон [Devine, Stephens 2006: 525]. Например, в анализируемых Я. М. Боровским строках из стихотворения А. С. Пушкина «Деревня» читаем: «И над отечеством Свободы просвещенной / Взойдет ли наконец прекрасная заря?»

Начальная зона — *Свободы просвещенной*, медианная — *взойдет ли наконец*, конечная — *прекрасная заря*. Попутно возникает анаколүф, ложная зависимость: *свободы просвещенной* читается как зависимый член в словосочетании *над отечеством (чего?) свободы просвещенной*. Это заставляет задуматься, что значит *отечество просвещенной свободы*, и лишь потом обнаружить смысл: *взойдет ли над отечеством прекрасная заря просвещенной свободы?*

При перестановках такого рода нарушается принцип проективности, открытие которого стало «одним из существенных достижений синтаксиса» [Падучева 1971: 14]. Под проективностью синтаксических структур понимаются «ограничения, наложенные на относительное расположение слов, связанных отношением подчинения, и состоящие в том, что если в каком-либо предложении слово *a* подчиняет слово *b*, то всякое слово, расположенное между *a* и *b*, должно быть подчинено непосредственно или опосредованно слову *a*» [Ibid.: 15]. Понятия проективности синтаксических структур и протяженности дуги («количество слов, которые отделяют управляемое от управляющего» [Севбо 1971: 41]) позволяют от интуитивного восприятия сложности текста перейти к научному. Попытки исследования проективности на материале русского языка в связи с историей риторики редки [Маркасова 2002: 69; Новожилов 2022: 319–320].

В конце XX — начале XXI в. в России на волне реабилитации риторики появляется новая справочная литература, в которой даются детальные описания гипербата [Махов 2010: 443–445; Москвин 2015: 110; Хазагеров 2011: 173]. В русистике актуализируется вопрос о месте гипербата в системе изобразительно-выразительных средств: либо инверсия определяется как вид гипербата [Сковородников 2005: 97], либо гипербат как вид инверсии [Москвин 2015: 110]. В. П. Москвин [2006] создает описание тропов и фигур на основе их функции, рассматривая группу «эмфатических фигур»: гипербат включен в эту группу вместе с анастрофой, буквенным произношением, иллеизмом, стилистической инверсией, повтором, пролепсом, слоговой парцелляцией, слоговым повтором, эмфатическим ударением. При этом работы о гиперbate, написанные специалистами в области древних языков, остаются в своем дисциплинарном поле, редко привлекая внимания русистов. В начале XXI в. в России исследования, оперирующие термином, локализованы довольно неравномерно: в основном это Ростов-на-Дону, Смоленск, Красноярск, Волгоград, что объясняется историей формирования научных школ в соответствующих университетах. По данным сайта e-library (2022 г.), при запросе «Метафора в названии диссертаций» результат — 490, а при запросе «Гипербат в названии диссертаций» — 0.

В западноевропейской науке изучение синтаксиса традиционно опиралось на достижения античного периода [Young 1932; Sprevak 2010; Heikkinen 2012; Алпатов 2019]. История описаний гипербата, включаемого в риторики, грамматики, комментарии к классическим текстам от Античности до конца XX в., дана в энциклопедической статье [Elice 2008], а общие сведения о его разновидностях содержатся в авторитетных словарях [Lausberg 1998; Lanham 1991] и энциклопедии [Historisches Wörterbuch der Rhetorik 1992–2014].

Цель нашей работы — выяснить, когда и как российская традиция, несмотря на преемственность в использовании многих риторических терминов, разошлась с западноевропейской в употреблении термина «гипербат».

Для поиска латинских цитат в грамматиках и риториках были использованы *Corpus Corporum* (<https://mlat.uzh.ch>), созданный при Институте греческой и латинской филологии в Цюрихском университете под руководством Ф. Розэлли (Ph. Roelli), материалы сайта <http://ancientrome.ru>, рукописные русские риторики XVII–XVIII вв. и научные издания «Риторика» Феофана Прокоповича и «Краткого курса красноречия» М. В. Ломоносова. Цитаты из текстов античного периода даны в соответствии с существующей научной традицией сокращения описаний. Переводы Вергилия и Гомера на русский язык, опубликованные на сайте <http://ancientrome.ru>, даны в постраничных сносках с указанием имени переводчика¹.

2. Краткая история изучения гипербата

Античные риторики и грамматики, для которых учение о тропах и фигурах было «спорной областью обоюдных притязаний» [Гаспаров 1986: 92–93], по-разному подходили к описанию словопорядка.

В греческой традиции ранние упоминания гипербата были у грамматика Трифона (60–10-е гг. до н. э.) и софиста Фойбаммона (V–VI вв. н. э.), а сам термин, как и идея его включения в раздел «тропы», восходит к Александрийской традиции [Elice 2008: 594]. В отличие от александрийцев, у стоиков гипербат считался разновидностью фигуры (схемы) [Roran 2012: 19; Torzi 2000: 186–187]. Отсутствие четкого разграничения терминов «троп» и «фигура» мы не считаем показателем несостоятельности древних риторик (см. обзор: [Москвин 2013]). Традиционно причисление фигур словопорядка то к тропам, то к фигурам объясняют тем, что классификации античного периода были условны,

¹ Вергилий. *Буколики. Георгики. Энеида*, пер. с лат. С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского, комм. Н. А. Старостиной, Москва, 1979; Гомер. *Илиада*, пер. Н. И. Гнедича, Ленинград, 1990.

а троп и фигура понимались очень широко [Elice 2008: 593]. Нам представляется рациональным объяснение Г. Г. Хазагерова [2022: 5–7]: на раннем этапе существования лингвистических идей нужно было собрать и обозначить все явления, заслуживающие внимания, поэтому нельзя оценивать древние описания с позиций постбэконовского опыта систематизации знаний об изучаемых объектах.

В риториках гипербат занимал позицию либо между перифразой и гиперболой, либо между перифразой и аллегорией. Изменение порядка слов (казалось бы, явление синтаксическое) рассматривалось в качестве тропа наряду с метафорой, метонимией и синекдохой. Это было логично: при перестановке у каждого перемещенного элемента, кроме угасших гипербатов типа *tesum, tecum*, появляется дополнительный «вес», что выражается в звучащей речи с помощью эмфатического выделения (древние риторика были ориентированы на произносимое слово). То есть выделяемый «по иперватоному тропосу» элемент не был равен самому себе в нейтральном употреблении. Это и давало создателям классификаций основание поместить гипербат между перифразой (непрямым наименованием) и гиперболой (преувеличением).

Заметим, что в этот период развития лингвистической мысли не было ни технических средств изучения эмфатических единиц, ни понятий «коммуникативная семантика», «коммуникативное значение», «коммуникативно релевантный пик речевого акта» [Янко 2008: 38–43]. Тем удивительнее чуткость античных грамматиков и риториков к семантической неодноплановости, которая являлась основанием для включения гипербата в ряд тропов.

Существовала и другая традиция размещения гипербата: в одном ряду с эллипсисом, плеоназмом, анастрофой (Трифон *Περὶ τρόπων*) или эллипсисом, силлепсисом, анастрофой, эффикцией (Хиробоск, *Περὶ τρόπων*) [Москвин 2013: 21]. В рамках этой традиции коммуникативно значимые семантические нюансы перемещаемых единиц, видимо, не считались существенными.

2.1. Ключевые тексты. «Риторика для Геренния», трактат «О возвышенном», Квинтилиан

В «Риторике для Геренния» (80-е гг. до н. э.), «лучшем кратком введении в риторику на латыни» [Kennedy 1994: 134], как синоним гипербата использован термин *transgressio* — перестановка двух видов (*perversio* и *transiectio*). *Perversio* — перенос предлога в постпозицию (у Квинтилиана это *анастрофа*). *Transiectio* — перенос слова, нарушающий цельность синтагмы: «*Instabilis in istum plurimum fortuna valuit*» [Rhe-

torica ad Herennium 1954: 336–338]. В этом примере дистанцируются существительное и его определение.

Квинтилиан в «*Institutio oratoria*» (ок. 95 г. н. э.) описывает гипербат как способ учитывать при сочетании слов их порядок, связность и ритм (*ordo, iunctura, numerus* (Quint. Inst. 9. 4. 22)) и сравнивает создание текста с обработкой камня: как невозможно бывает обтесать камень, так невозможно «обтесать» слово, поэтому (как при подгонке камней при строительстве) нужно подбирать для слова место, чтобы речь была плавной. (Quint. Inst. 8. 6. 62–64). Он считает, что благодаря гипербату речь становится более гладкой, а если слова следуют в тексте в «естественном» порядке (под «естественным» подразумевается порядок появления слов в процессе порождения высказывания), то возможно нарушение плавности и логичности из-за самоперебивов и спонтанного перестраивания синтаксических структур. Квинтилиан причисляет гипербат к тропам и использует этот термин как гипероним для анастрофы и собственно гипербата.

Перестановка **только двух слов** именуется анастрофой: *tescit, secit* вместо *cum te, cum se* или *quibus de rebus* вместо *de quibus rebus*². В качестве примера цитируется Cic. Pro Cl.: «Animadverti, iudices, omnem accusatoris orationem in **duas** divisam esse **partes**»; приводится прямой порядок: «In **duas partes** divisam esse» (Quint. Inst. 8. 6. 66).

Разделение слова путем вставки перемещенного элемента именуется тмезисом³ и иллюстрируется примером: «Hyperboreo **septem** subiecta **trioni**» (Verg. Georg. III. 381) (*septentrioni* — семизвездье, или Большая Медведица). По Квинтилиану, такая перестановка уместна в поэзии, но в публичной речи мешает течению мысли и недопустима для ораторов, анастрофа же возможна и у ораторов, и у историков.

Автор трактата «О возвышенном»⁴, современник Квинтилиана, характеризует гипербат как нарушение «привычного хода **слов или мыслей** и достовернейший признак воинственного пафоса» [О возвышенном 1966: 161]. Когда люди охвачены страстью, «они начинают с одного, затем перескакивают на другое, вставляют в середину рассказа нечто уже совершенно бессвязное, вновь возвращаются к началу [...], меняя выражения, мысли и даже привычный строй речи; точно так же этому естественному состоянию подражают с помощью перестановок величайшие мастера слова» [Ibid.: 161].

² *Мной с, ним с* вместо *со мной, с ним; этих о вещах* вместо *об этих вещах*.

³ Отметим, что существуют более сложные случаи тмезиса, когда части слова разъединяются не одним, а несколькими словами [Изотов, Изотов 2017].

⁴ Написанный в I в. н. э. трактат «О возвышенном» приобрел известность только в XVI в., т. е. принадлежит сразу двум эпохам.

Из сказанного ясно, что уже в древний период осознается связь порядка слов с психологическим состоянием субъекта и мыслительными процессами при порождении устной речи. У Квинтилиана обработанная речь не должна передавать все движения мысли. В трактате «О возвышенном» иной взгляд: искусное применение «скачков и самоперебивов» передает движение мысли и потому может служить для имитации спонтанности и страсти, ибо таким образом речь сильнее влияет на слушателей. Следовательно, нельзя согласиться с мнением, что «в ранний период развития риторической дисциплины в вопросе порядка слов во главу угла ставилось строгое соблюдение логической последовательности»⁵ [Кормилина 2014: 263]. Соблюдение логической последовательности было не единственным фактором.

2.2. Грамматика. Сацердот, Харисий, Донат, Диомед

Римский грамматик Сацердот (III в. н. э.) выделял 4 типа гипербата: *parenthesis, hystero-logia, synchysis, tmesis* [Sacerdot 1874: 280]. *Hystero-logia*, обозначающая нарушение последовательности событий, описана на примере из «Энеиды» (Verg. Aen. III: 236–237). Гистерологией он считал нарушение последовательности событий, например: «...postera Phoebea lustrabat lampade terras / humentemque Aurora polo dimouerat umbram: **primo enim noctis umbra discedit, et sic sol oritur**» (Verg. Aen. IV: 6–7) [Sacerdot 1874: 280]. Такое описание действительно противоречит естественному порядку событий: чтобы «земля озарилась светочем Феба», сначала необходимо, чтобы «влажную тень прогнала с небосвода Аврора» (пер. С. А. Ошерова), т. е. солнце восходит после того, как прошла ночь, а не наоборот. Сацердот не включил в список типов гипербата анастрофу, но добавил ее примеры в конце классификации «**ut Italiam contra, id est contra Italiam, et ipsis ex uincola sertis pro ex ipsis sertis uincola; Thestylis et pro et Thestylis**» (Verg. Aen. I: 10) [Sacerdot 1874: 280].

Синхизис определяется как многочисленные перестановки: «...tris Notus abreptas in saxa **latentia torquet, saxa uocant Itali mediis quae in fluctibus aras**» (Verg. Aen. I: 108–109)⁶. Порядок, предлагаемый Сацердотом как правильный: «...tris Notus abreptas in saxa **<torquet> mediis latentia fluctibus, quae saxa Itali aras uocant**» [Sacerdot 1874: 280].

⁵ Вывод сделан А. А. Кормилиной на основе источников: «О соединении слов» Дионисия Галикарнасского (ок. 55 — ок. 8 г. до н. э.), «Об ораторе» (55 г. до н. э.), «Оратор» (46 г. до н. э.) Цицерона, «Риторика для Геренния» (80-е гг. I в. до н. э.), «О стиле» (I в. н. э.) Деметрия, «Двенадцать книг риторических наставлений» Квинтилиана (93–95/96 гг. н. э.), «О возвышенном».

⁶ Пер. С. А. Ошерова: «Три корабля отогнав, бросает Нот их на скалы — их италийцы зовут алтарями, те скалы среди моря».

Пример тмезиса (разделение слова *septentriones*), данный Квинтилианом, повторяется в грамматиках Харисия, Доната и Диомеда.

Флавий Сосипатр Харисий также называет четыре типа гипербата, но применяет термины диакопа (синоним тмезиса) и диалис (синоним парентезы), приводит пример парентезы. Пример парентезы, т. е. вставной конструкции, — «*tum socios (namque omnis eum stipata tegebat turba ducum) sic incipiens hortatur ovantis*» (Verg. Aen. XI: 12–13)⁷ [Charisius]. Харисий сохраняет главную характеристику анастрофы (перестановка именно **двух** слов, как у Квинтилиана) и пример: «*transtra per et remos*» вместо «*per transtra et per remos*»⁸.

Донат Элий в «*Ars Major*» называет пять видов гипербата [Donatus 1864: 401] и делит описание на две части. Сначала он описывает парентезис «*neque enim patrius consistere mentem passus amor*» (Verg. Aen. I. 643–644)⁹, затем тмезис. После этих двух фигур следует общий список (*hysterologia, anastrophe, parenthesis, tmesis, synchysis*) и отдельно описывается *hysterologia* (Verg. Aen. I: 179), *anastrophe, synchysis*, примеры которых совпадают с примерами из прочих грамматик. Подобным образом описывает пять типов гипербата и Диомед Грамматик [Diomed 1857: 461].

Харисий и Диомед, приводя один и тот же пример, указывают, что «темным» (затрудняющим понимание смысла) гипербатом является синхизис: «*synchysis est hyperbaton obscurum*». Это замечание впоследствии станет основой для концепции разделения гипербата на два вида (простой и темный) у Юлиана Толедского [Schindler 2008: 355].

Анастрофа в грамматиках описана подробнее, чем прочие виды перестановок. Причина, видимо, заключается в том, что анастрофу можно описывать в контексте частеречной принадлежности переставляемых элементов. Эта традиция восходит к трудам Трифона и Фойбаммона [Lausberg 1998: 317–318].

Итак, изобилие терминов, обозначающих типы перестановок, возникло в античный период в процессе поиска непротиворечивой и полной системы описания перемещаемых единиц (в пределах слова, словосочетания, предложения или периода или при описании последовательности событий).

⁷ Пер. С. А. Ошерова: «После к друзьям — ибо плотно его обступили, ликуя, тевкров и тусков вожди — обратился он с речью такую...»

⁸ «Скамьи на и весла» вместо «на скамьи и на весла». Полный текст Вергилия: «*Furit inmissis Volcanus habenis/ transtra per et remos et pictas abiete puppis*» (Verg. Aen. V. 662–663). Пер. С. А. Ошерова: «Ярится Вулкан, пожаром объемля / Весла судов, и скамьи, и кормы расписную обшивку...»

⁹ Пер. С. А. Ошерова: «Тотчас Эней (ведь в сердце отца не знает покоя / К сыну любовь) проворного тут посылает Ахата».

Ранние грамматики создали эталон описания гипербата и сформировали корпус стандартных примеров из Вергилия¹⁰. Расхождения касались количества типов (четыре или пять). Из пяти типов гипербата **к реальной последовательности событий и порядку их описания** имеет прямое отношение гистерология, **к порядку слов** — анастрофа и синхизис, **к размещению элементов внутри слова** — тмезис. Затруднять понимание текста могут гистерология, синхизис, тмезис. Парентеза — вставная конструкция — не затемняет смысл и может быть не связана с порядком слов в предложении, в составе которого существует. Она включена в классификацию по признаку структурного сходства с остальными видами: разъединяет части предложения. Таким образом, классификация типов гипербата в античных грамматиках была основана на представлении о перемещении элементов в пределах цельных структур. Предшествующие этим описаниям риторики тоже обращались к проблеме словопорядка, но авторов риторик больше занимали экстралингвистические факторы.

2.3. Гипербат в комментариях к текстам

Комментарии к поэтическим произведениям классической латыни (Вергилий, Овидий, Гораций и др.) и к текстам, связанным с богословской традицией (Библия, полемические трактаты), способствовали расширению знаний о гиперbate. Авторы комментариев в основном опирались на пятичастную классификацию гипербата.

Наиболее подробные его описания созданы Иеронимом Стридонским (345–419 (420), «*Commentarius in Ecclesiasten*» и Иоанном Кассианом (360–435), «*De incarnatione Domini contra Nestorium*». Беда Достопочтенный детально описал гипербат на основе библейских примеров из Вульгаты (Ps. LXVII, Cant. VIII; Cant. VI и др.) и христианских поэтов [Beda 1863]. Описания гипербата сближаются с описаниями анаколуфа (как это было у Присциана).

Создание терминов «короткий», «длинный», «темный» гипербат приписывают Юлиану Толедскому [Poran 2012: 82, 194]. Трудно согласиться с этим мнением, поскольку определение *obscurus* применялось и прежде (например, у Рабана Мавра в «*Expositiones in Leviticum*») [Hrabanus Maurus 1851: 529].

Кроме традиционных примеров гипербата из «Энеиды», Юлиан Толедский к каждому термину дает примеры из «Георгик». Примеры

¹⁰ Вергилий стал самым комментируемым автором в европейской традиции XVII–XVIII вв. «Культ Вергилия — важнейший фактор стабильности на переходе от Средневековья к Возрождению и от Возрождения к последующим векам» [Аверинцев 2005].

же «длинного и темного» гипербата он берет из «De Doctrina Christiana» св. Августина и объясняет механизм прояснения смысла: «...longum hyperbaton et obscurum, qui hoc ordine patescit, si remoues de medio omnia et inter se prima et postrema ita iungis» [Iulianus Toletanus 1855: 320] («длинный и темный гипербат, который в этом порядке открывается, если удалишь всю середину и первое и последнее соединишь»).

В этот период изучение словопорядка связывают с толкованием Писания и богословской проблематикой [Хосроев 2016].

2.4. Западноевропейская традиция. «Минерва» Ф. Санчеса.

Грамматика Пор-Рояля

«В средневековой Европе греческий и латинский варианты традиции почти не соприкасались друг с другом. В Западной Европе даже в XIII–XIV вв., когда на ряде языков уже существовала развитая письменность, единственным достойным объектом изучения все еще считалась латынь. [...] Положение стало меняться в одних странах с XV в., в других с XVI в.» [Алпатов 1999: 24]. На протяжении этого периода создается множество нормативных грамматик, которые используют грамматическую терминологию античного периода для описания формирующихся национальных языков. Аналогичные процессы происходят и в риторике. Описание гипербата представляет ценность уже потому, что имеет прямое отношение и к норме, и к традиции, и к новым потребностям в создании письменных текстов и развитии устных жанров на национальных языках. Порядок слов был важен для понимания и письменной, и устной чужой речи. Анализ описаний гипербата в этот период — отдельная большая тема [Keith Percival 1983].

В XVI–XVII вв. описания гипербата связаны с развитием логического направления, выявлением общих грамматических законов, тенденцией к нормативизации.

В «Минерве» Ф. Санчеса описание типов гипербата завершается анаколуфом, что можно считать отсылкой к рассуждениям Присциана. В определении гипербата теперь включено понятие «грамматический»: «Hyperbasis siue hyperbaton est uerbi transgressio et ordo perturbatus praeter grammatices rationem» [Minerva 1664: 393]. Санчес, вслед за Квинтилианом и ранними грамматиками, выдвигает на первое место анастрофу и тмезис, дополняя традиционные примеры (*tecum, quibus de rebus* и *Septemque triones* соответственно) цитатами из Цицерона, Горация и Вергилия.

Универсальная грамматика Пор-Рояля (1660), согласно которой люди могут и должны воздействовать на свою речь, завершается главой «О фигурах конструкций», где (вслед за античными грамматиками

ми) утверждается статус гипербата (наряду с силлепсисом, эллипсисом, плеоназмом) как синтаксической аномалии и как фигуры (а не тропа), т. е. как объекта изучения грамматики. Авторы ссылаются на сочинения К. Лансло «Nouvelles Methodes pour apprendre la langue grecque» (1655) и «Nouvelles Methodes pour apprendre la langue latine» (1644/56), в которых собраны примеры «всех этих» фигур. В Грамматике Пор-Рояля сказано, что «четыре особых способа выражения, называемых фигуральными (*figurees*) [...] являются как бы неправильностями с точки зрения грамматики (*irregularitez dans la grammaire*)», а все эти способы различны в разных языках. Наличие этих фигур в речи объяснено тем, что «люди часто в большей мере следуют *содержанию своих мыслей, чем словам*, служащим для их выражения и [...] *ради изящества* опускают слова, кажущиеся лишними, или меняют естественный порядок слов» [Арно, Лансло 1990: 98]. Эта грамматика стала основой для аналогичных идей в области риторики: риторика тоже должна быть универсальной, поскольку она, как и грамматика, имеет дело с мыслительными операциями, оформляемыми словесно.

Происходит возвращение идеи античного периода относительно связи между порядком слов и мыслительными процессами. Это был новый уровень понимания достоинств языка на основе возможностей (осмысляемых как богатство!) его морфологии и синтаксиса. В XVI–XVII вв., эпоху развития национальных языков и описания их грамматик, складывается новый подход к гипербату: изучение словопорядка как риторического средства должно опираться на знание грамматических особенностей конкретных языков. В этот период установлено, что есть языки, в которых возможности гипербата ограничены (французский, итальянский, испанский).

Б. Лами (1640–1715) принадлежат рассуждения о зависимости построения фразы от психического состояния: аффективные состояния разрушают структуру речи. Рациональная грамматика повлияла на труды С. Ш. дю Марсэ, включившего описание гипербата в «Логику и принципы грамматики» [Du Marsais 1769]. Подходы к гипербату Дю Марсэ, Г. Жирара, Н. Бозе, Ф. Домерга — отдельная большая тема, имеющая выходы на типологические исследования.

Грамматические характеристики гипербата описываются в связи с исследованиями метра, ритма, поэтических вольностей [Poran 2012: 88–101]. С XVII в. европейскую филологию занимает проблематика «золотой линии», восходящая к трудам Диомеда и трактату Беды Достопочтенного «De Arte Metrica» [Mayer 2002; Stephens 2000; Steen 2008; Heikkinen 2012]. Эта проблематика возникает в XVII в. в англоязычной школьной традиции, переходит в конце XIX в. в универси-

тетскую науку, становится популярной в 1960-е гг. История изучения понятия *versus aureus* с некоторым скепсисом по поводу преувеличения его значимости в среде филологов-классиков освещается в [Mayer 2020].

Именно развитие идей старых риторик и грамматик привело к тому, что в зарубежной лингвистике последних сорока лет стилистический аспект изучения гипербата уступил место психолингвистическому и прагматическому, развиваемому на материале новых языков [Reisen 1994]. Появляются исследования гипербата в когнитивном аспекте, связывающие восприятие порядка слов с оперативной памятью человека. Считается, что в языках с флективным склонением вероятность появления такого типа нарушения проективности выше, а его варианты разнообразнее [Bakker 1990; Gibson 1998; Thornton 2010]. Новое направление в исследованиях гипербата — сопоставление его функций в разных контекстах на основе анализа системы зависимостей [Powell 2010: 182].

3. Гипербат в русских риториках и грамматиках

3.1. Риторика и грамматика домоносковского периода

Первое упоминание гипербата связано с «Изборником 1073 года», в который вошел перевод трактата Георгия Хировоска *Περὶ τῶν ῥημάτων* [Максимович 1991: 112]. В ранних церковнославянских грамматиках [Адельфотес 1591; Лаврентий Зизаний 1596; Мелетий Смотрицкий 1619], оказавших влияние на русскую грамматическую традицию, и в переводной «Риторике» Псевдо-Макария (1620) его нет.

В «Риторике» Стефана Яворского в переводе Федора Поликарпова гипербат занимает место между перифразой и гиперболой, как в классических риториках. В европейской традиции пример этого тропа сопровождался комментарием, включавшим нормативное словорасположение элементов данного примера, но в «Риторической руке» (вероятно, в силу конспективности) этого нет:

Третий тропос в слове — иперватон (преход речи). И есть егда должный глаголом мешается чин. Наприклад: сие есть давно определено, ныне наконец попущено России нашея благополучие, яко толикими между браней крушениями ныне наконец низложеную толикими времени и толикими паденьми утружден, возвышает выю и прочая. Или хотяя глаголати о некой великой материи, начнеши чрез иперватон... [Яворский 1878: 47–48].

«Должный» порядок слов предположительно мог быть следующим:

Сие благополучие нашей России есть давно определено, ныне наконец попущено, яко толикими крушениями между браней, толикими времени и толикими паденьи утружден возвышает низложенную выю¹¹.

В разделе «Фигуры сентенциарум» под номером 18 есть описание «паренфесиса», или «междуположения» (вставной конструкции в скобках), которое не имеет к гипербату прямого отношения (как было в античных грамматиках).

Термин «гипербат» в трактате «О риторической силе» Софрония Лихуда (1698) истолкован через синонимы «прехождение» и «ступление» [ОР РГБ, ф. 299, № 532, л. 41] и через понятие «чин словес» [ОР РГБ, ф. 299, № 640, л. 23], однако его включение в состав тропов (между перифразисом и гиперболой) сохранено:

...есть егда чин словес смешавается, якоже глаголет Исократ к Димонику: искушай други от в житии злополучения и от в бедах приобщения, еже по чину случится кому рещи от злополучия в житии и от приобщения в бедах [ОР РГБ, ф. 299, № 532, л. 41].

В начале XVIII в. рукописные риторик используют в качестве синонима термины «превосходительное» и «смущение»:

...превосходительное [еже и смущение глаголатися может] бывает не хранящая по рядному чину речение, еже и наипаче сладость и красоту подает слову... [РНБ, Погод. 1659, л. 254].

Русский термин «превосходительное» — калька с греческого — содержит важное дополнение: приставку *вос-*, имеющую семантику «движение вверх». Этот перевод делает термин («перешагивание») более понятным. Действительно, если учесть, что в гипербате есть три зоны (первая, медианная и последняя), то при «перешагивании» медианной зоны происходит «восхождение» к последней. «Смущение» этимологически связано с представлением о нарушении структуры (смута, мятеж), т. е. с представлениями о *mixtura verborum* и «смятенном» состоянии человеческого духа (как это было в трактате «О возвышенном», хотя прямая связь с этим текстом недоказуема).

Старообрядческая Риторика-свод¹² дает следующее определение, которое соответствует квинтилиановскому определению анастрофы:

¹¹ «Это благополучие нашей России давно предопределено и ныне, наконец, попущено, подобно тому как распрямляет согбенную шею (поднимает голову) измученный столькими поражениями в войнах, стольким временем и столькими паденьями (неудачами)» (перевод наш. — Е. М.).

¹² Риторика-свод составлена из фрагментов разных риторик (Риторика Космы Грека, «Риторическая рука» Стефана Яворского, Риторика Лихудов и др.), но наша работа не является текстологической, поэтому мы не рассматриваем источники каждой цитаты. Подробнее см.: [Понырко 1981: 160–161].

иперватон (гипербатон, ипербат) — «преступление, егда чин словес при- ступаем или мешаем пременением в слове или в наречии, то есть которому речению чесому было по сочинению грамматическому бысть напреди, полагается назади» [БАН, *Друж.* 122, л. 584].

Примеры из рукописной риторики Козьмы Афоноверского (1712) позволяют говорить о понимании им термина как синонима синхизиса — «темного и протяженного» гипербата — в латинской традиции:

Ипербатон, или преходительное (еже и смущение глатися может) [...] сладость и красоту подаетъ слову [...] И се парадигма сему: Алексий Москвы чудотворец явне являя от в мире сем жизни преславный преиде, но никогда же стареемь, славно ж со святых лики ликует в ней. Сия не по иперватону тропосу: Алексий чудотворец являя Москвы явне от жизни сущия в мире с емъ преиде к не- стареемь когда и славно с лики святых в ней ликует [БАН, 21.8.5, л. 125 об.].

Первый вариант создан «по иперватону тропосу». Позиция подлежащего и сказуемого неизменна. Контактное словорасположение *Алексий чудотворец* заменено дистантным, обстоятельство места *Москвы* отделяется от глагола, к которому относится.

Общая особенность этих описаний — упоминание о «должном», а не о «естественном» порядке и отсутствие связи с поэтической традицией (как было в античных грамматиках). Примеры гипербата, описанные в риториках и грамматиках, представляют собой нарушение проективности синтаксических структур. Именно нарушения проективности усложняют понимание текста и вместе с тем демонстрируют мастерство автора, способного их создавать.

3.2. Риторика Феофана Прокоповича

Термин «фигура» используется в этой риторике как гипероним по отношению к тропам и фигурам речи. В основе классификации лежит функция, на основе чего выделены три группы фигур: 1) служащие для поучения, 2) способствующие услаждению, 3) относящиеся к возбуждению чувств. Гипербат оказывается и среди недостатков стиля, и в составе средств «услаждения» (между сравнением и метафорой), а парентеза — в группе фигур, «возбуждающих переживания». Феофан воспроизводит комментарий «Риторических наставлений» Квинтилиана, описание гипербата близко к (Quint. Inst. 9.4.68).

По мнению Феофана Прокоповича, «посредством гипербата, путем вставок многих колонов» [Прокопович 2020: 217] можно создать «растянутый период». Парентезы («вставки») уместны при описании нарушений последовательности событий. В тексте гипербат описан не как нарушение «должного», а как нарушение «естественного» порядка,

представление о «естественном» связано как с синтаксисом, так и с последовательностью событий. Например: «Он не думал лгать, потому что не было причины лгать»¹³. Чтобы пред своим именем (как это выяснилось из обстоятельств дела) устроить Милону засаду»¹⁴ [Ibid.: 134].

Феофан Прокопович описывает «неправильный гипербат» как недостаток, когда «слова, относящиеся друг к другу, отделены длинным промежутком или когда многие слова нарушают взаимный порядок расположения»:

Цицерон весьма изящно сказал: «Я обратил внимание, что вся речь обвинителя разделена на две части» (*animadverti omnem accusatoris orationem in duas divisam esse partes*). Здесь две инверсии: одна со стороны подлежащего — «вся речь обвинителя», другая со стороны сказуемого — «разделена на две части». Ведь «обвинителя» есть инверсия со стороны подлежащего, т. е. «речи», и с точки зрения грамматического строения находится ближе к нему; равным образом и «на две части» относится к сказуемому «разделена» и с ним связано в силу конструкции [Ibid.: 222].

Феофан Прокопович пишет о двух правилах: 1) нужно менять местами слова «лишь с теми словами, с которыми они имеют более близкую и тесную связь»; 2) «чтобы слова, относящиеся к подлежащему, не смешивались с теми, которые относятся к сказуемому» [Ibid.: 222]. Таким образом, в основе анализа гипербата в этом тексте лежит совмещение риторического и комментаторского подходов.

3.3. Риторика Ломоносова

В «Кратком руководстве к риторике, на пользу любителей сладкоречия сочиненном» (1744) в составе тропов нет термина «гипербат», что было отступлением от упоминавшейся традиции описывать гипербат после парафразиса и перед гиперболой.

Сомнения Ломоносова по поводу целесообразности описания гипербата отразились в рукописи 1747 г., где зачеркнуто следующее: «§ 202. Ипербатон есть смешение речений, которым отделяются существительные от своих прилагательных или глаголы от своих имен, с которыми сочиняются» [Ломоносов 1952: 257]. В §202 предполагалось, вероятно, описать изменения словопорядка в соответствии с грамматической традицией, т. е. в связи с частеречными ограничениями. Однако термин не был включен в окончательный текст. Если бы Ломоносов сохранил это определение, оно было бы близко к определениям

¹³ Логичная последовательность: причины лгать не было, поэтому он и не думал лгать (Cic. Quinct. V:19).

¹⁴ Комментарий к Cic. Mil. X, 27 заимствован из «Риторических наставлений» Квинтилиана.

из античных грамматик, авторы которых обращали внимание на частеречную принадлежность элементов гипербата, но для Ломоносова было важно разделение функций грамматики и риторики.

В последнем прижизненном издании «Краткого руководства к красноречию» (1765) на месте, традиционном для гипербата, появляется термин «эмфазис»:

Тропы предложений суть пять: аллегория, парафразис, эмфазис, ипербола, ирония, от которых перед прочими украшениями получает слово особое возвышение и великолепие, а особливо от четырех первых. [...] Эмфазис есть когда действие или состояние вещи не прямо изображается, но разумеется из другого и чрез то великолепно возвышается [Ibid.: 253].

Ломоносовское определение «эмфазиса» применимо практически к любому тропу, так как речь идет о непрямом значении: под это определение подходит и метафора, и метонимия, однако для Ломоносова важной характеристикой эмфазы является единица, в рамках которой этот троп возможен: это предложение. Таким образом (*не прямо изображается*) мотивировано положение описываемых образцов среди тропов. Далее Ломоносовым пронумерованы типы «эмфазиса» с примерами:

1) по обстоятельствам, например: Сердца жаленьем закипели, / Когда под дерзким кораблем / Балтийски волны побелели. Побеление волн есть обстоятельство бегущего по морю корабля, чрез которое здесь скорое оно течение разумеется [Ibid.: 253]¹⁵.

В античных риториках этот тип гипербата называется гистерология. В реальности последовательность событий такова: 1) сначала пришел в движение корабль (каузатив под. + Твор. п.), 2) в результате движения корабля «побелели волны», 3) после этих двух событий — как следствие — «закипели» сердца: [(*под дерзким кораблем*) (*побелели Балтийски волны*)], после чего (*сердца закипели жаленьем*). Перестановке подвергаются все части: и синтаксически медианная (событийно первая) *под дерзким кораблем*, и синтаксически первая (событийно последняя) *Сердца жаленьем закипели*, и синтаксически последняя (фактически медианная) (*Когда*) *Балтийски волны побелели*. Эмфатически выделенной, по Ломоносову, оказывается финальная часть конструкции.

Остальные случаи гипербата, который Ломоносов обозначает термином «эмфазис», рассматриваются на основе текста Вергилия:

¹⁵ В этом разделе цитата из «Оды на прибытие из Голстинии и на день рождения его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня» — единственный пример, не заимствованный из иной языковой традиции.

2) по жизненным свойствам, наприм.: Небесной красоте дивится чистый Дафнис / И видит облаки и звезды под ногами (Виргилия, Екл. 5). То есть Дафнис на небе [Ломоносов 1952: 253].

Ломоносов имеет в виду текст Эклоги: «Candidus insuetum miratur limen Olympi | sub pedibusque videt nubes et sidera Daphnis». Цитата из Вергилия была узнаваема образованными читателями, так как входила в число постоянно комментируемых¹⁶. Правильный порядок слов на латыни был бы таким: «Candidus Daphnis sub pedibusque videt nubes et sidera, insuetum miratur limen Olympi»¹⁷.

В переводе порядок слов русифицируется, поэтому без знания Вергилия невозможно понять, какой же элемент предложения эмфатически выделен и каким образом Ломоносов адаптирует толкование для русского читателя. Ломоносов поясняет эмфатический эффект гипербата у Вергилия, а не в русском переводе. «Жизненное свойство» Дафниса — *Candidus* (первый элемент в начале строки держит в ожидании читателя (кто «светлый, чистый»?). Это заставляет всматриваться в медианную зону: фрагментом между первым (*Candidus*) и последним (*Daphnis*) словами предложения. В терминологии античных риторик это синхизис.

Другой пример Ломоносова в описании этого же типа гипербата: «Раздранный Гектор здесь страшил коней ахейских. То есть здесь Гектора волочил Ахиллес» [Ibid.: 253–254]. Речь идет о гибели Гектора, «укротителя коней», в «Илиаде». Ахиллес проколол сухожилья уже мертвого, истерзанного Гектора и, привязав его к колеснице, ударил коней бичом. «Раздранный («жизненное свойство») Гектор, будучи уже мертвым, «страшил коней». Эта строка в «Илиаде» повторяется (XXII: 395, XXIII: 20). Ахиллес «замыслил» недостойное дело, когда Гектор уже был мертв¹⁸. Это несоответствие реальной последовательности событий их описанию.

Кроме «жизненных свойств», по Ломоносову, эмфатически могут быть выделены характеристики места и времени:

3) по месту или времени, например: Виргилий говорит о Цербере, что он растянулся по неизмеримой пещере, и о выходе греков из коня в Трое, что спустились они по веревке, и чрез то показывает ужасную величину одного адского пса и вышины коня троянского [Ломоносов 1952: 253–254].

¹⁶ По данным корпуса Роэлли, ее упоминают Сацердот (Sacerdot, Artes: Lib. II, de dactylico metro); Сервий (Servius, In Vergilii Eclogarum comentarii (Ecl. II. 46); Цервинус в надгробной речи (Cervinus, Oratio funebris in Joaehem Gotium); Готфрид (Gaufridus S., Epistola XXVIII. Ad Fratres Baugezienses); Марко Марулич в сборнике цитат и общих мест на разные темы (Marulus Spalatensis, «Repertorium»); Масена в «Зеркале образа скрытой мысли» (Masenius, Speculum imaginum veritatis occultae, Lib. III) и др.

¹⁷ «Светлый Дафнис под ногами видит небо и звезды, дивится на пороге необыкновенного Олимпа».

¹⁸ Пер. Н. И. Гнедича: «Рек — и на Гектора он недостойное дело замыслил».

Примеры заимствованы Ломоносовым из Квинтилиана. Там эти примеры служат для объяснения связи эмфазы со смыслом: «Vicina praedictae sed amplior virtus est ἔμφρασις, altiore praebens intellectum quam quem verba per se ipsa declarant. Eius duae sunt species, altera, quae plus significat quam dicit, altera, quae etiam id quod non dicit»¹⁹ (Quint. Inst. 8, 3: 83). Ломоносов имеет в виду цитаты: (Verg. Aen. VI: 419–423) и (Verg. Aen. II: 260–262). Внешнее сходство примеров *Cerberus [...] immanis in antro* и *demissum lapsi per funem* обманчиво.

Называя эти случаи эмфазой, Ломоносов пишет о порядке слов в латыни, а не в русском переводе, но пытается применить эти сведения и к русскому тексту.

Первый пример (именно в переводе!) может быть и анастрофой, и синхизисом, так как в русском языке «неизмеримой, огромной» может относиться и к пещере, и к Церберу²⁰ (либо это женский род (*в огромной пещере*), либо мужской (*Цербер огромный*). То есть в переводе, который дает Ломоносов, есть альтернативная зависимость члена предложения, порождающая возможность двойного понимания, которую порицали древние грамматики. Первый пример мог бы быть включен в описание «качеств», вместе с «чистым Дафнисом», и в этом случае мы бы признали, что *immanis* — определение Цербера. Но обратим внимание на то, что в классификации Ломоносова говорится о «месте и времени», следовательно, огромной он все-таки считает пещеру. Это дает основание не согласиться с мнением А. А. Костина: «...как и у Ломоносова, определение ‘immanis’ (огромный) относится не к пещере, а к чудищу...» [Костин 2015: 28]. К Церберу определение относится у Вергилия.

Второй пример традиционно считается анастрофой: вместо *demissum lapsi per funem* необходимо, чтобы дополнение *per funem demissum* предшествовало глаголу *lapsi*²¹. В латыни при нейтральном словопорядке дополнения должны предшествовать глаголу [Devine, Stephens 2000: 79]. Такой анализ позволяет понять, какая связь между эмфазой и изображением «вышины коня троянского»: ведь этот

¹⁹ Пер. А. С. Никольского: «К вышесказанному роду красот близко подходит род выражений, гораздо превосходнейший, называемый ἔμφρασις, в котором более нежели слова сами по себе означают. Он разделяется на два вида: то есть иногда больше означает, нежели сказано, а иногда означает то, чего не сказано» [Квинтилиан 1834].

²⁰ Пер. С. А. Ошерова: «Лежа в пещере своей, в три глотки лаял огромный Цербер...»

²¹ По данным корпуса Роэлли, *demissum lapsi per funem* комментируется Сервием (Servius, In Vergilii Aeneide comentarii. Lib. II); Исидором (Isidorus Hispalensis, Etymologiae: Lib. II, De rhetorica et dialectica. Cap. XX); Рафаэлем Регием (Raphael Regius, Commentum in Ovidii Metamorphoses: Raphaelis Regii in quartum metamorphoseos Ovidii librum enarrationes II).

перенос заставляет задерживать внимание именно на сброшенном вниз канате²².

4) когда предыдущее разумеется чрез последующее: Волы несут домой повешенные плуги (Виргилий, Екл. 4²³). То есть землю пахать ввечеру перестали [Ломоносов 1952: 254].

Речь идет о примере *aspice, aratra iugore referent suspense iuveni*²⁴. По Ломоносову, «предыдущее» (плуги) понимается через «последующее» (повешенные), т. е. сначала были повешены плуги, а после этого пошли волы²⁵. В тексте Вергилия плуги, вынесенные на первое место, в сильной позиции, и читатель ждет информации о плугах после императива (*aspice*). На языке античных риторик это гистерология.

5) ...когда тот, кто о каком действии рассказывает, представляется как бы он само оно производил. Так Виргилий говорит о Силене в 6 Еклоге: Корой обводит сестр продерзка Фаэтонта / И ольхи на земли велики производит. То есть поет о перемене Фаэтонтовых сестр в ольхи [Ibid.].

Ломоносов снова анализирует Вергилия:

Tum canit Hesperidum miratam mala puelam
tum Phaethontidas musco circumdat amarae
cortices atque solo proceras erigit alnos (Verg. Ecl. VI: 63–64).

У Вергилия Орфей пел Гесперид и Фаэтонтиад и превращал последних в ольховые деревья²⁶. В этих строках мы видим изысканное нарушение проективности, как и в предыдущих примерах. Но Ломоносов комментирует другое явление: двойной смысл, который возникает как результат гипербата. К глаголу *canit* относится один аккузатив (*девушку*), но в начало следующей строки выносится другой аккузатив *Phaethontidas*, который читается как зависимый от *canit*, хотя на самом деле зависит в предложении от *circumdat*. Эмфаза — *Phaethontidas*, которая

²² В русском переводе прилагательное *demissus* («висячий») заменено обстоятельством «вниз»: «Вниз, по канату скользнув, спустились Фоант с Акамантом...» (пер. С. А. Ошерова). За обсуждение этого примера благодарю М. Ю. Шевченко.

²³ Виргилий. Эклога 2. В [Ломоносов 2017: 122] ошибка.

²⁴ По данным корпуса Розелли, комментируется также в: Servius, In Vergilii Eclogarum comentarii Ecloga II; Uberto Foglietta, De linguae latinae usu et praestantia liber I.

²⁵ С. А. Ошеров изящно обходит этот момент, не присоединяя эпитет: «Видишь, плуги на ярмах обратно быки свои тащат...»

²⁶ Пер. С. А. Ошерова: «Пел он, Фаэтонтиад замшею горькой корою / Стан облекал, из земли высоко подымал он деревья». Русский перевод с сохранением порядка слов выглядел бы так: «Затем поет Гесперид восхитившуюся яблоками девушку / Затем Фаэтонтиад мхом оборачивает горькой коры и при этом на земле высокие возвращает ольхи». Благодарю за перевод и разъяснение этого примера К. В. Суториуса.

в начале воспринимается так: Орфей «затем поёт [...] затем яблоки Гесперид, затем Фаэтонтиад».

Пример Ломоносов, вероятно, заимствовал у Флация (1520–1575) [Flacius]²⁷. Флаций, ссылаясь на Аристотеля, рассматривает этот текст как образец фигуры «омойома». Подразумевается воображаемое, а не реальное событие. Это значит, что пением Орфей превращает сестер в ольху, а не создает из них деревья в реальности [Flacius]

Итак, примеры, приводимые Ломоносовым в качестве эмфазы, были отсылками к узнаваемым образцам гипербата из Вергилия. Ломоносов характеризует гипербат (нарушение словопорядка) через его функции и интерпретирует получаемый эффект, опираясь на комментаторскую и риторическую, а не на грамматическую традицию, и выносит эмфазу — обозначение результата «перешагивания» — в заглавие раздела.

Формально термин «гипербат» у Ломоносова исчез, но его замена «эмфазой» спровоцировала неверное восприятие контекста читателями. По этому пути пошел и С. С. Волков [Волков 2017: 122–123]. Современное же описание тропов и фигур на основе их функции и включение гипербата в группу «эмфатических фигур» (по В. П. Москвину) можно считать возвращением к ломоносовской концепции.

3.4. Перевод риторики Скуфоса

Принадлежащая двум традициям и двум периодам Риторика Скуфоса (1681) оказала большое влияние на русскую риторическую мысль конца XVII — начала XVIII в. «Златослов» (1779), представляющий греческую риторическую традицию, был переведен С. И. Писаревым и дополнен примерами на русском языке. «Можно думать, что одним из побудительных мотивов для Писарева послужил выход из печати риторических трудов М. В. Ломоносова, чье “Краткое руководство к красноречию” в 1765 г. было тогда же повторно опубликовано двумя изданиями в Москве и Санкт-Петербурге. Вероятно, Стефан Иванович Писарев, всю жизнь тяготевший к греческой образованности, полагал, что составленное еще в XVII в. образцовое пособие Франкискоса Скуфоса послужит для российского читателя XVIII в. нисколько не устаревшим или даже более совершенным руководством, чем риторический труд Ломоносова» [Рамазанова 2023: 267].

В «Златослове» гипербат стоит между перифразой и гиперболой (по традиции) и, соответственно, считается тропом. Троп определяется как «пременение [...] слова и речения из его собственного в другое знаменование» [Златослов 1779: 86].

²⁷ Нам неизвестны упоминания этого текста в качестве возможных источников «Риторики» Ломоносова.

Это определение решает проблему с понятием «переноса» (изменения) значения, поскольку позволяет включать в разряд тропов все языковые средства, в основе которых лежит мелодика или интонация, так как слово, произносимое не так, как обычно, приобретает значение, отличное от «собственного», т. е. прямого.

Весма много употребляют гипербат и стихотворцы, иногда и для прикрасы стиха да и чтоб придать ему надлежащую приятность, а иногда по требованию в нем меры. И так прелагают они предлоги и наречия. Да еще усекают речения и разносят слова, ибо чрез усечения бывают они приятнее, чем цело положенные [Златослов 1779: 96].

Это рассуждение непосредственно связано с античной грамматической классификацией типов гипербата (анастрофа — это обычно перемещение предлогов и наречий, а замена «цело положенного» дистантным размещением его элементов — парентеза и тмезис). Из всего богатства терминов, обозначающих виды «перешагивания» в словопорядке, в переводе «Златослова» остались только гипербат и синхизис. Последний, будучи включен в определение, вероятно, воспринимался уже просто как синоним гипербата:

Иперват, или переход, что и смешением [Σύγχησις] еще называется, есть то, когда мы не наблюдаем порядка слов, но таким образом их перемешиваем, что и самая смесь придает красоту слову, и охоту слушателям [Златослов 1779: 95].

Писарев пытался вернуть русскую риторику к традиции демонстрировать два типа словорасположения — должный и «искусный». Он делал это на том же, что и Лихуд, примере из слова «К Демонику» Исократ (Псевдо-Исократ), одного из самых цитируемых авторов в греческой образовательной традиции [Чепель 2019: 49]. Важны два момента: Писарев различает фигуративный и нефигуративный словопорядок (как это было в трудах грамматиков и комментаторов, а также в русских рукописных риториках рубежа веков) и применяет сведения о гипербате к русскому языку, хотя на «общем нашем языке» пример гипербата дает без комментария.

Не исключено, что этот раздел «Златослова» имеет некий полемический (по отношению к Ломоносову) посыл, однако эта гипотеза бездоказательна.

3.5. Риторика и грамматика в послеломоносовский период

Вероятно, недостаточное внимание читателей Ломоносова к тому, каким образом соотносится его концепция с описаниями гипербата в западноевропейской традиции филологического комментирования

древних текстов, стало в дальнейшем одной из причин сокращения информации о гипербате в российской традиции. Авторитет Ломоносова, который поставил термин «эмфаза» на место «гипербата», повлиял на судьбу термина в российской риторике.

В «Краткой риторике» А. Ф. Мерзлякова гипербат не упоминается, но подчеркивается, что «несохранение правил синтаксиса порождает потерю смысла и является погрешностью: темнота стиля происходит или от недостатка и неполноты выражений, или от неправильного расположения слов, который нарушает связь между мыслями» [Мерзляков 1828: 24]. К порокам автор относит и «сбивчивость от темноты и замешательства в мыслях, которые не обдуманы и не расположены, как должно, в голове нашей» [Мерзляков 1828: 25], и даже «вставочные предложения», которых избегают «лучшие писатели» [Мерзляков 1828: 37–40].

В риторике И. С. Рижского эмфаза описана в разделе «Тропы» между метателесисом и гипаллагой [Рижский 1796: 42]. Н. Ф. Кошанский также размещает эмфазу среди тропов (после гиперболы) и характеризует ее как вид гиперболы [Кошанский 1830: 116], причем оба описания (в отличие от ломоносовского) не связаны с порядком слов. Следовательно, идея Ломоносова описать классификацию гипербата на основе не грамматического, а функционального подхода не представляла интереса для этих авторов учебных российских риторик.

По-иному выглядит описание гипербата в Грамматике А. А. Барсова (1784–1788). Он использует термин «эмфаза», обращаясь к понятиям «естественный» и «логический» порядок. Понятие «синхизис» не связано с представлением о «темноте» и «протяженности»: «Слияние (Synchysis) есть перебитый и смешенный порядок слов на пр. “Чинить премену что во всем? Вместо что чинить во всем премену?”» И далее: «Как брату своему я тщился, Как ближним, так им угождать» [Барсов 1981: 240].

Термин «анастрофа» понимается как *превращение*: «...когда предлог полагается после своего падежа или предлог со своим падежем после возносительного местоимения на пр. Христа ради, бога для. Дело котораго къ произведению требуется ума великаго. Вместо к произведению котораго» [Барсов 1981: 240].

Эмфатическое выделение слова описывается как особенность произношения, но без термина *гипербат*.

В постломоносовский период в литературе постепенно формируется новая тенденция: необходимо ясное выражение мысли. Этой тенденции противоречат изыски и эксперименты, связанные с нарушением проективности синтаксических структур. Гипербат как языковое средство впоследствии утрачивает свои позиции в прозе, хотя сохраняется в языке поэзии.

4. Итоги

История изучения гипербата в отечественной традиции зародилась в конце XVII — начале XVIII в. В это время гипербат рассматривался как троп, а классификация его разновидностей, восходящая к античным грамматикам, не применялась, что в целом соответствовало европейской риторической традиции.

Теория гипербата в русских риториках XVII в. не имела грамматического фундамента, не было ни преемственности дидактических материалов, ни славянских поэтических текстов, имевших статус авторитетных, ни опыта написания комментариев к ним. Несмотря на эти обстоятельства, оригинальные примеры в риториках демонстрируют глубокое понимание книжниками структуры гипербата и включенность их в общий для этого времени процесс изучения риторического потенциала грамматик национальных языков.

Феофан Прокопович на латыни и М. В. Ломоносов на русском языке по-разному описывают гипербат, но у них есть две общих особенности: 1) описания гипербата в обеих риториках связаны с классической филологией и 2) описана не структура гипербата, а производимый им эффект. Феофан опирается на Квинтилиана, Ломоносов же использует опыт комментаторов Вергилия. Попытка Ломоносова включить в описание тропов термин «эмфазис», сопроводить его отсылками к известным образцам гипербата, видимо, не была по достоинству оценена современниками. Не последней тому причиной стала нарастающая тенденция к обособлению отдельных областей филологического знания.

Типы гипербата, описанные в древних грамматиках, являются образцами нарушения проективности. Можно утверждать, что рост интереса лингвистов к этому специфическому грамматическому явлению и, следовательно, возвращение термина в русистику, обусловлено интенсификацией логических, психолингвистических, прагматических исследований синтаксиса.

Из сказанного следует вывод, имеющий отношение к методам изучения русской риторической терминологии: «экземплюмы» требуют большего внимания, чем сами иллюстрируемые ими термины и их синонимы, поскольку именно подбор примеров и комментарии к ним, с одной стороны, открывают ход мыслей составителя риторики, а с другой стороны, являются ключом к исследованию риторических фигур в аспекте лингвистической типологии.

Сокращенные названия библиотек и архивов

БАН — Библиотека Российской академии наук (Научно-исследовательский отдел рукописей) (С.-Петербург).

РНБ — Российская национальная библиотека (Отдел рукописей) (С.-Петербург).

ОР РГБ — Российская государственная библиотека (Отдел рукописей) (Москва).

Сокращенные названия античных текстов

Cic. Pro Cl. — M. Tullius Cicero, *Pro Cluentio*

Cic. Pro Mil. — M. Tullius Cicero, *Pro Milone*

Quint. Inst. — Mark Fabius Quintilianus, *Institutionis oratoriae libri duodecim*

Verg. Aen. — Vergilius Maro, *Aeneis*

Verg. Ecl. — Vergilius Maro, *Eclogae*

Verg. Georg. — Vergilius Maro, *Georgica*

Библиография

Источники

Рукописи

БАН, *Друж.* 122

Риторика-свод. БАН. Собр. Дружинина № 122 (153). После 1726 г.

БАН, 21.8.5

Риторика. БАН. 21.8.5. (Северное собр., № 644). I-я треть XVIII в.

РНБ, *Погод.* 1659

Риторика. РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1659. I-я треть XVIII в. 308 л.

ОР РГБ, *ф.* 299. № 532

Риторика Софрония Лихуда в 4-х книгах. ОР РГБ. Ф. 299. Собр. Н. С. Тихонравова. № 532. XVIII в.

ОР РГБ, *ф.* 299. № 640

Риторика Софрония Лихуда в 3-х книгах. ОР РГБ. Ф. 299. Собр. Н. С. Тихонравова. № 640. сер. XVIII в.

Публикации

Арно, Лансло 1990

Арно А., Лансло К., *Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля*, Бокадорова Н. Ю., пер., Москва, 1990.

Барсов 1981

Российская грамматика А. А. Барсова, Тоболова М. П., подгот. текста и текстол. коммент., Успенский Б. А., ред., Москва, 1981.

Златослов 1779

Златослов, или Открытие риторския науки, то есть искусство витийства, С.-Петербург, 1779.

Квинтилиан 1834

Квинтилиан Марк Фабий, *Двенадцать книг риторических наставлений*, пер. с лат. А. Никольским, С.-Петербург, 1834.

Кошанский 1830

Кошанский Н. Ф., *Общая риторика*, С.-Петербург, 1830.

Ломоносов 1952

Ломоносов М. В., Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки, *Полное собрание сочинений*, 7: *Труды по филологии 1739–1758 гг.*, Москва, Ленинград, 1952, 89–378.

Максимович 1991

Максимович К. А., «О тропах, или об оборотах речи» (Трактат Георгия Хировоска в Изборнике Святослава 1073 г. Перевод и комментарий), *Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка*, 1, Москва, 1991.

Малявина 1985

Малявина Л. А., *У истоков языкознания нового времени (Универсальная грамматика Ф. Санчеса «Минерва» 1587 г.)*, Москва, 1985.

Мерзляков 1828

Мерзляков А., *Краткая риторика*, Москва, 4-е изд., 1828.

Прокопович 2020

Прокопович Ф. *Об искусстве риторическом десять книг*, Стратановский Г. А., пер., Николаев С. И., отв. ред., Маркасова Е. В., Николаев С. И., подгот. текста, Маркасова Е. В., коммент.; Введенская Е. В., научн. ред. пер., Москва, С.-Петербург, 2020.

Рижский 1796

Рижский И. С. *Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в Санкт-Петербургском горном училище*, С.-Петербург, 1796.

О возвышенном 1966

О возвышенном, Чистякова Н. А., пер., ст. и примеч., Москва, Ленинград, 1966.

Яворский 1878

Яворский С., *Риторическая рука*, пер. с лат. Феодора Поликарпова, С.-Петербург, 1878.

Beda 1863

Bedae Venerabilis, *Liber de schematibus et tropis*, *Rhetores Latini minores*, Halm C., ed., Leipzig, 1863.

Charisius

Flavius Sospater Charisius, *Artis grammaticae libri V*, Barwick C., Kühnert F., eds. (<https://mlat.uzh.ch/browser?path=14016>).

Diomed 1857

Diomedis, *Artis Grammaticae Libri III*, *Grammatici Latini, Vol 1.*, Keil H., ed., Lipsiae, 1857, 228–529.

Donatus 1864

Donatus, *Ars grammatica, Grammatici Latini, Vol 4*, Keil H., ed., Lipsiae, 1864, 353–402.

Du Marsais 1769

Du Marsais C.-Ch. *Logique et principes de grammaire*, Paris, 1769.

Flacius 1581

Flacius Illyricus, Matthias, *Clavis scripturae sacrae, pars prima*. (<https://mlat.uzh.ch/browser?path=13226>).

Iulianus Toletanus 1855

Iulianus Toletanus, *Ars grammatica, poetica et rhetorica* (<https://mlat.uzh.ch/browser?path=14104>).

Hrabanus Maurus 1851

Expositiones in Leviticum, *Patrologia Latina*, 108, J.-P. Migne J.-P., ed., Paris, 1851.

Minerva 1664

Minerva, *De causis latinae linguae commentarius, cui accedunt animadversiones et notae Gasperis Scioppii (et Sanctis grammatica latina.) Franciscus Sanchez-Brocensi*, Amsterdam, 1664.

Rhetorica ad Herennium 1954

Rhetorica ad Herennium, with an English Translation by H. Caplan (= Loeb Classical Library), London, 1954.

Sacerdot 1874

Sacerdos, Marius Plotius, *Artes Grammaticae, Grammatici Latini, Vol. 6*, Keil H., ed., Lipsiae, 1874, 427–546.

Литература

Аверинцев 2005

Аверинцев С. С., Связь времен, *Idem, Собрание сочинений*, Киев, 2005.

Алпатов 2019

Алпатов В. М., Европейская лингвистическая традиция в сравнении с другими, *Ориенталистика*, 2019, 4, 1009–1020.

——— 1999

Алпатов В. М., *История лингвистических учений*, Москва, 1999.

Ахманова 1966

Ахманова О. С., *Словарь лингвистических терминов*, Москва, 1966.

Боровский 1977

Боровский Я. М., Незамеченный гипербат у Пушкина (К тексту стихотворения «Безверие»), *Временник Пушкинской комиссии*, 1977, Ленинград, 1980, 115–118.

Волков 2017

Волков С. С., Эмфазис, *Риторика М. В. Ломоносова*, Бухаркин П. Е. и др., науч. ред., С.-Петербург, 2017, 121–125.

Гаспаров 1986

Гаспаров М. Л., Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики, *Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье*, Москва, 1986, 91–173.

Изотов, Изотов 2017

Изотов В. П., Изотов В. В. Тмезис: слитно, полуслитно, раздельно, *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2017, 3 (75), 117–119.

Квятковский 1966

Квятковский А. П., *Поэтический словарь*, Роднянская И., науч. ред., Москва, 1966.

Кормилина 2014

Кормилина А. А., Представление о порядке слов в античной грамматической традиции, *Philologia Classica*, 2014, 9, 262–274.

Костин 2015

Костин А. А., Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы), *Slavica Revalensia*, 2015, 2, 9–34.

ЛЭС 1990

Лингвистический энциклопедический словарь, Ярцева В. Н., ред., Москва, 1990.

Маркасова 2002

Маркасова Е. В., *Представления о фигурах речи в русских риториках XVII – начала XVIII века*, Петрозаводск, 2002.

Махов 2010

Махов А. Е., отв. ред., *Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель*, Москва, 2010.

Москвин 2006

Москвин В. П., Выразительные средства современной русской речи, *Тропы и фигуры: общая и частные классификации. Терминологический словарь*, Москва, 2006.

——— 2013

Москвин В. П., О подходах к определению понятия «троп», *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2013, 72 (2), 20–31.

——— 2015

Москвин В. П., *Теоретические основы стилистики*, Москва, 2015.

Николаев 1995

Николаев С. И., Трудный Кантемир (Стилистическая структура и критика текста), *XVIII век*, 1995, 19, 3–14.

Новожилов 2022

Новожилов А. В., О различиях между гипербатом и инверсией, *Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сборник научных статей*, Шереметьева Е. С., Стародумова Е. А., Анисова А. А., отв. ред., Владивосток, 2022, 312–320.

Падучева 1971

Падучева Е. В., О порядке слов в предложениях с сочинением: сочинительная проективность, *Научно-техническая информация*, 1971, 2 (3), 14–18.

Понырко 1981

Понырко Н. В., Учебники риторики на Выгу, *Труды Отдела древнерусской литературы*, Ленинград, 1981, 36, 154–162.

Рамазанова 2023

Рамазанова Д. Н., Экземпляр греческого издания «Искусства риторики» Франкискоса Скуфоса (Венеция, 1681) — источник русского перевода Стефана Писарева, *Румянцевские чтения-2023. Материалы Международной научно-практической конференции (18–20 апреля 2023 г.)*, 2, 2023, Москва, 262–269.

Севбо 1971

Севбо И. П., О громоздкости синтаксических структур, *Научно-техническая информация*, 1971, 2 (2), 41–45.

Сквородников 2005

Сквородников А. П., ред., *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты*, Москва, 2005.

Тимофеев, Тураев 1974

Тимофеев Л. И., Тураев С. В., ред.-сост., *Словарь литературоведческих терминов*, Москва, 1974.

Хазагеров 2011

Хазагеров Г., *Риторический словарь*, Москва, 2011.

——— 2022

Хазагеров Г., *Четыре взгляда на троп*, Москва, 2022.

Хосроев 2016

Хосроев А. Л., Об одном раннем толковании 2 Кор 4:4, *Источниковедение культурных традиций Востока: гебраистика — эллинистика — сирология — славистика* (= Филология и культурология), Битнер К. А., Смелова Н. С., отв. ред., С.-Петербург, 2016, 137–143.

Чепель 2019

Чепель Е. Ю., «К Демонику» (Псевдо-)Исократ в позднеантичной традиции: P. Ross. Geogr. I. 16 и другие фрагменты из Египта, *Египет и сопредельные страны*, 2019, 1, 49–58.

Янко 2008

Янко Т. Е., *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте*, Москва, 2008.

Bakker 1990

Bakker E. J., Homeric Discourse and Enjambement: A Cognitive Approach, *Transactions of the American Philological Association*, 1990, 120, 1–21.

Devine, Stephens 2000

Devine A. M., Stephens L. D., *Discontinuous Syntax: Hyperbaton in Greek*, New-York, Oxford, 2000.

——— 2006

Devine A. M., Stephens L. D., *Latin Word Order: Structured Meaning and Information*, Oxford, 2006.

Elice 2008

Elice M., Hyperbaton, *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 9, Ueding G., Hrsg., Jens W., Mitbegr., Tübingen, Berlin 2008, 592–596.

Gibson 1998

Gibson, E., Linguistic complexity: locality of syntactic dependencies, *Cognition*, 1998, 68, 1–76.

Heikkinen 2012

Heikkinen S., *The Christianisation of Latin Metre: A Study of Bede's De Arte Metrica*, Helsinki, 2012.

Historisches Wörterbuch der Rhetorik 1992–2014

Historisches Wörterbuch der Rhetorik, Ueding G., Hrsg., Jens W., Mitbegr., 1–11, Tübingen, Berlin, 1992–2014.

Keith Percival 1983

Keith Percival W., Grammar and Rhetoric in the Renaissance, *Renaissance Eloquence: Studies in the Theory and Practice of Renaissance Rhetoric*, Murphy J. J., ed., Berkeley, CA, 1983, 303–330.

Kennedy 1994

Kennedy G., *A New History of Classical Rhetoric*, Princeton, 1994.

Lanham 1991

Lanham R. A., *A Handlist of Rhetorical Terms*, 2nd ed., California, 1991.

Lausberg 1998

Lausberg H., *Handbook of Literary Rhetoric: A Foundation for Literary Study*, Orton D. F., Anderson R. D., eds., Leiden, Boston, Cologne, 1998.

Mayer 2002

Mayer K., The Golden Line: Ancient and Medieval Lists of Special Hexameters and Modern Scholarship, *Latin Grammar and Rhetoric. From Classical Theory to Medieval Practice*, Lanham C. D., ed., London, New York, 2002, 139–179.

——— 2020

Mayer K., The schoolboys' revenge: how the golden line entered classical scholarship, *Classical Receptions Journal*, 2020, 12 (2), 248–278.

Popan 2012

Popan M., *L'hyperbate nominale en latin: construction, typologie, raison de texte. Linguistique*, Toulouse, 2012.

Powell 2010

Powell J., Hyperbaton and register in Cicero, *Colloquial and Literary Latin*, Dickey E., Chahoud A., eds., Cambridge, 2010, 163–185.

Reisen 1994

Reisen E., *Rhetorische Tropen in psychoanalytischer Sicht*, Stuttgart, 1994.

Schindler 2008

Schindler C., Synchysis, *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 9, Ueding G., Hrsg., Jens W., Mitbegr., Tübingen, Berlin, 2008.

Spevak 2010

Spevak O., *Constituent Order in Classical Latin Prose*, Amsterdam-Philadelphia, 2010.

Steen 2008

Steen J., *Verse and Virtuosity: The Adaptation of Latin Rhetoric in Old English Poetry*, Toronto, 2008.

Thornton 2010

Thornton E., Horace's Hyperbaton: Wrapping One's Head around 'Word Warps' and Patching Up a Gaping Language Gap, *Continuum Studies in Translation*, Fawcett A., Guadarrama García K. L., Hyde R., eds., London, 2010, 39–66.

Torzi 2000

Torzi I., *Ratio et usus: Dibattiti antichi sulla dottrina delle figure*, Milano, 2000.

Young 1932

Young A. M., Schematized Word Order in Vergil, *The Classical Journal*, 27, 1932, 515–522.

References

Averintsev S. S., *Sviaz' vremen, Idem, Sobranie sochinenii*, Kyiv, 2005.

Alpatov V. M., The European linguistic tradition as compared to other traditions, *Orientalistica*, 4, 2019, 1009–1020.

Alpatov V. M., *Istoriia lingvisticheskikh uchenii*, Moscow, 1999.

Akhmanova O. S., *Slovar' lingvisticheskikh terminov*, Moscow, 1966.

Bakker E. J., Homeric Discourse and Enjambement: A Cognitive Approach, *Transactions of the American Philological Association*, 1990, 120, 1–21.

Borovsky Ya. M., *Nezamechennyi giperbat u Pushkina (K tekstu stikhovoreniia «Bezverie»)*, *Vremennik Pushkinskoi komissii*, 1977, Leningrad, 1980, 115–118.

Chepel E. Yu., (Pseudo-)Isocrates' 'Ad Demonium' in late Antique tradition: P. Ross. Georg. I. 16 and other fragments from Egypt, *Egypt and Neighbouring Countries*, 2019, 1, 49–58.

Devine A. M., Stephens L. D., *Discontinuous Syntax: Hyperbaton in Greek*, New-York, Oxford, 2000.

Devine A. M., Stephens L. D., *Latin Word Order: Structured Meaning and Information*, Oxford, 2006.

Elice M., Hyperbaton, *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 9, Ueding G., Hrsg., Jens W., Mitbegr., Tübingen, Berlin 2008, 592–596.

Gasparov M. L., *Srednevekovye latinskie poetiki v sisteme srednevekovoi grammatiki i ritoriki, Problemy literaturnoi teorii v Vizantii i latinskom srednevekov'e*, Moscow, 1986, 91–173.

Gibson, E., Linguistic complexity: locality of syntactic dependencies, *Cognition*, 1998, 68, 1–76.

Heikkinen S., *The Christianisation of Latin Metre: A Study of Bede's De Arte Metrica*, Helsinki, 2012.

Izotov V. P., Izotov V. V. Tmesis: Together, Semi-together, Separately, *Scientific notes of Orel State University*, 2017, 3 (75), 117–119.

Keith Percival W., Grammar and Rhetoric in the Renaissance, *Renaissance Eloquence: Studies in*

the Theory and Practice of Renaissance Rhetoric, Murphy J. J., ed., Berkeley, CA, 1983, 303–330.

Kennedy G., *A New History of Classical Rhetoric*, Princeton, 1994.

Kormilina A. A., The view of word order in the ancient grammatical tradition, *Philologia Classica*, 2014, 9, 262–274.

Kostin A. A., A Creative History of Mikhail Lomonosov's "Kratkoe rukovodstvo krasnorechiiu" in Light of Some Compilations: New Perspectives, *Slavica Revalensia*, 2015, 2, 9–34.

Khazagerov G., *Ritoricheskii slovar'*, Moscow, 2011.

Khazagerov G., *Chetyre vzgliada na trop*, Moscow, 2022.

Khosroev A. L., *Ob odnom rannem tolkovanii 2 Kor 4:4, Istochnikovedenie kul'turnykh traditsii Vostoka: gebrastika – ellinistika – sirologiia – slavistika*, Bitner K. A., Smelova N. S., eds., St. Petersburg, 2016, 137–143.

Kvyatkovsky A. P., *Poeticheskii slovar'*, Rodnianskaia I., ed., Moscow, 1966.

Lausberg H., *Handbook of Literary Rhetoric: A Foundation for Literary Study*, Orton D. F., Anderson R. D., eds., Leiden, Boston, Cologne, 1998.

Markasova E. V., *Predstavleniia o figurakh rechi v russkikh ritorikakh 17 – nachala 18 veka*, Petrozavodsk, 2002.

Makhov A. E., ed., *Evropeiskaia poetika ot antichnosti do epokhi Prosveshcheniia: Entsiklopedicheskii putevoditel'*, Moscow, 2010.

Mayer K., The Golden Line: Ancient and Medieval Lists of Special Hexameters and Modern Scholarship, *Latin Grammar and Rhetoric. From Classical Theory to Medieval Practice*, Lanham C. D., ed., London, New York, 2002, 139–179.

Mayer K., The schoolboys' revenge: how the golden line entered classical scholarship, *Classical Receptions Journal*, 2020, 12 (2), 248–278.

Moskvin V. P., Vyrzitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi, *Tropy i figury: obshchaia i chastnye klassifikatsii. Terminologicheskii slovar'*, Moscow, 2006.

Moskvin V. P., On Approaches to Defining the Notion of 'Trobe', *Izvestiya RAN. Seriya Literatury i Yazyka*, 2013, 72 (2), 20–31.

Moskvin V. P., *Teoreticheskie osnovy stilistiki*, Moscow, 2015.

Nikolaev S. I., Trudnyi Kantemir (Stilisticheskaia struktura i kritika teksta), *18 vek*, 1995, 19, 3–14.

Novozhilov A. V., O razlichiiakh mezhdugiperbatom i inversiei, *Russkaia grammatika v dialoge nauchnykh shkol, napravlenii, metodov: sbornik nauchnykh statei*, Sheremet'yeva E. S., Starodumova E. A., Anisova A. A., eds., Vladivostok, 2022, 312–320.

Paducheva E. V., O poriadke slov v predlozheniiakh s sochinieniem: sochinitel'naia proektivnost', *Nauchno-tekhnicheskaia informatsiia*, 1971, 2 (3), 14–18.

Ponyrko N. V., Uchebniki ritoriki na Vygu, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, Leningrad, 1981, 36, 154–162.

Popan M., *L'hyperbate nominale en latin: construction, typologie, raison de texte. Linguistique*, Toulouse, 2012.

Powell J., Hyperbaton and register in Cicero, *Colloquial and Literary Latin*, Dickey E., Chahoud A., eds., Cambridge, 2010, 163–185.

Ramazanova D. N., Ekzempliar grecheskogo izdaniia "Iskusstva ritoriki" Frankiskosa Skufosa (Venetsiia, 1681) — istochnik russkogo perevoda Stefana Pisareva, *Rumiantsevskie chteniia-2023. Materialy*

Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (18–20 apreliia 2023 g.), 2, 2023, Moscow, 262–269.

Reisen E., *Rhetorische Tropen in psychoanalytischer Sicht*, Stuttgart, 1994.

Schindler C., Synchrony, *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 9, Ueding G., Hrsg., Jens W., Mitbegr., Tübingen, Berlin, 2008.

Sevbo I. P., O gromozdkosti sintaksicheskikh struktur, *Nauchno-tekhnicheskaia informatsiia*, 1971, 2 (2), 41–45.

Skovorodnikov A. P., ed., *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrzitel'nye sredstva russkogo iazyka i rechevye oshibki i nedochety*, Moscow, 2005.

Spevak O., *Constituent Order in Classical Latin Prose*, Amsterdam-Philadelphia, 2010.

Steen J., *Verse and Virtuosity: The Adaptation of Latin Rhetoric in Old English Poetry*, Toronto, 2008.

Thornton E., Horace's Hyperbaton: Wrapping One's Head around 'Word Warps' and Patching Up a Gaping Language Gap, *Continuum Studies in Translation*, Fawcett A., Guadarrama García K. L., Hyde R., eds., London, 2010, 39–66.

Timofeev L. I., Turav S. V., eds., *Slovar literaturovedcheskikh terminov*, Moscow, 1974.

Torzi I., *Ratio et usus: Dibattiti antichi sulla dottrina delle figure*, Milano, 2000.

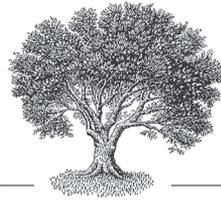
Volkov S. S., Emfazis, *Ritorika M. V. Lomonosova*, Buharkin P. E. et al., eds., St. Petersburg, 2017.

Yanko T. E., *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte*, Moscow, 2008.

Young A. M., Schematized Word Order in Vergil, *The Classical Journal*, 27, 1932, 515–522.

Elena V. Markasova, Dr. Sci., associate professor
Peking University,
No. 5 Yiheyuan Road, Haidian District, Beijing
China
markasovaelena@yandex.ru

Received September 1, 2023

«Снигирь»
Г. Р. Державина:
текстология и
история создания

Gavriil R. Derzhavin's
The Bullfinch:
Textual Criticism and
History of Composition

**Константин Юрьевич
Лаппо-Данилевский**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

**Konstantin Yu.
Lappo-Danilevskii**

Institute of Russian Literature (Pushkinskij
Dom) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье рассматривается история создания знаменитого стихотворения Г. Р. Державина «Снигирь» (1800), посвященного смерти А. В. Суворова (1730–1800). Анализ трех вариантов этих элегических строф показывает, что Державин последовательно совершенствовал стиль и метрику (стихотворение написано редким логэдическим размером). Сравнение изданий и рукописей убеждает, что Державин не заметил опечатки в 22-й строке «Снигиря» во второй части своих «Сочинений», опубликованных в 1808 г. в Петербурге: вместо «томных вой лир» было напечатано «томный вой лир». Это искажение повторялось во всех последующих изданиях стихотворений Державина. В статье исследуются два авторских комментария к «Снигирию»: 1. сообщенный Державиным в 1805 г. архиепископу Евгению (Е. А. Болховитинову); 2. продиктованный в 1808–1809 гг. Е. Н. Львовой. Стихотворение рассматривается в контексте других произведений Державина начала 1800-х гг. Хотя поэт утверждал, что «Снигирь» был написан спонтанно, сразу после смерти Суворова, есть основания усомниться в этом, поскольку самый ранний автограф стихотворения относится к 1805 г.

Цитирование: Лаппо-Данилевский К. Ю. «Снигирь» Г. Р. Державина: текстология и история создания // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 113–134.

Citation: Lappo-Danilevskii K. Yu. (2024) Gavriil R. Derzhavin's *The Bullfinch*: Textual Criticism and History of Composition. *Slověne*, Vol. 13, № 2, p. 113–134.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.2.04

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Ключевые слова

русская литература XVIII века, «Снигирь» Г. Р. Державина, А. В. Суворов, текстология

Abstract

The paper surveys the history of composition of Gavriil R. Derzhavin's *The Bullfinch* (1800), a famous poem on the death of the celebrated Russian military commander Alexander V. Suvorov (1730–1800). An analysis of three versions of these elegiac stanzas demonstrates how Derzhavin consistently improved his style and metrics (the poem is written in a rare logaoedic verse form). A comparison of all editions and manuscripts makes clear that Derzhavin did not notice a typographical error in the twenty-second line of *The Bullfinch* in the second part of his Works, which was published in 1808 in Saint Petersburg: "the languid howl of lyres" was printed instead of "the howl of languid lyres". This error was repeated in all subsequent editions of Derzhavin's poems. The article investigates two Derzhavin's comments on *The Bullfinch*, the first made in 1805 for archbishop Evgeny (E. A. Bolkhovitinov) and the second dictated in 1808–1809 to Elisaveta N. Lvova. Derzhavin's poem is also considered in the context of his other works of the early 1800s. Though the poet claimed that *The Bullfinch* was written spontaneously, immediately after Suvorov's death, there are some reasons for doubt, because the earliest manuscript of the poem is from the year 1805.

Keywords

Eighteenth-century Russian Literature, Gavriil R. Derzhavin's *The Bullfinch*, Alexander V. Suvorov, Textual Criticism

История печатного текста знаменитого стихотворения Г. Р. Державина «Снигирь», обычно датируемого 1800 г., крайне проста: первая редакция под названием «К снигирию. По кончине князя Суворова» была в 1805 г. анонимно опубликована в журнале «Друг Просвещения». Окончательный текст стихотворения был помещен автором в 1808 г. во второй части его «Сочинений». Именно его в 1865 г. перепечатал Я. К. Грот во втором томе академического собрания сочинений Державина, указав разночтения с публикацией 1805 г. Редакция 1808 г., признанная Гротом основной, неизменно тиражировалась во всех позднейших изданиях Державина (в том числе и в «Библиотеке поэта»). Обращение к рукописям позволяет, однако, говорить о существовании не двух, а трех редакций стихотворения, проанализировать работу автора над «Снигирем», а также внести в его общепринятый текст небольшое, но существенное уточнение.

Так как изменения текста, предпринятые Державиным, затрагивали метр, имеет смысл сначала вкратце охарактеризовать размер «Снигирия».

О размере «Снигирия»

Исследователи не раз анализировали неклассический метр «Снигирия», опираясь на текст второй части «Сочинений» 1808 г. Эта редакция, как и другие, разделена на четыре строфы по шесть стихов в каждой (рифмы перекрестные и скользящие: ababcd efefcd; жжжжж жжжжж)¹. Двенадцать стихов, имеющих женские рифмы, насчитывают десять слогов; одиннадцать стихов с мужскими рифмами содержат по девять слогов. Стих 20 имеет мужскую клаузулу, но насчитывает десять слогов. В двадцати стихах цезура находится после пятого слога, а в четырех — после четвертого.

Во всех стихах, кроме одного, 20-го, ударения находятся на 1-м, 4-м, 6-м и 9-м слогах. И лишь в 20-м — на 1-м, 4-м, 7-м и 10-м слогах, т. е. стих имеет структуру четырехстопного дактиля.

В исследовательской литературе сложилось *три традиции понимания метра* знаменитого державинского стихотворения²:

1) Трактовка размера «Снигирия» как четырехстопного дактиля с околоцезурными усечениями была обоснована еще В. М. Жирмунским [Жирмунский 1975], она разделяется М. Ю. Лотманом [Lotman 1999; Лотман 2002] и В. А. Плунгяном³, а в развернутом виде представлена в недавней монографии К. М. Корчагина «Русский стих: цезура» (2021), где «Снигирия» рассматривается в подглавке «Размеры с эффектами внутренней анакрусы» [Корчагин 2021: 386].

2) Как дольник, «в основу» которого положен четырехстопный дактиль с цезурным усечением, рассматривает «Снигирия» М. Л. Гаспаров [Гаспаров 2000: 73–74].

3) К логаздам относят «Снигирия» К. Д. Вишневский [Вишневский 1972: 250, 252–258]⁴, В. Е. Холшевников [Холшевников 1971: 434]⁵, О. И. Федотов [Федотов 2005: 502–503], Д. В. Ларкович [Ларкович 2012:

¹ Здесь и далее используется система аббревиатур, применяемых в Поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html>).

² Подробный анализ трех точек зрения см. в статье: [Лappo-Данилевский 2023].

³ Отмечая схожие метрические особенности «Кладбища» Карамзина, исследователь полагает, что «Снигирия» Державина — наиболее яркий пример цезурных усечений, так как в этом стихотворении «среди преобладающих строк Д2ж|Д2жм возникают даже образцы настоящего дольника» [Плунгян 2005: 864].

⁴ В этой своей обзорно-статистической статье исследователь, правда, не упоминает «Снигирия», но общее число логаздов, которые ученый находит у Державина довольно велико, — это семь лирических стихотворений, насчитывающих 218 строк. К сожалению, из-за характера своего труда Вишневский не называет произведений, написанных тем или иным размером.

⁵ Исследователь отмечает, что тем же размером написана и державинская «Весна».

27], К. Ю. Тверьянович [Тверьянович 2013: 203]; Б. П. Шерр⁶; «причудливым логэдом» стихотворение называет Е. А. Пастернак [Пастернак 2022: 9]⁷. Точка зрения на «Снигирия» как на логэд с иррегулярной цезурой, и на мой взгляд, наиболее состоятельна, так как метр стихотворения наилучшим образом выражает следующая схема (исключение составляет лишь стих 20):

' 0 0 ' 0 ' 0 0 ' (0).

Так как с метром «Снигирия» связаны незаурядные художественные достижения в творчестве Державина, вполне правомерно именовать этот метр державинским (логэдическим) девятисложником (Дд).

Источники текста

Привлечение архивного материала позволяет с необходимой полнотой представить историю работы Державина над «Снигирем». В настоящий момент удалось выявить две авторитетных рукописи, позволяющие утверждать, что работа над текстом шла в три этапа, и, соответственно, можно говорить о трех редакциях, обозначаемых далее тремя начальными буквами латинского алфавита.

Первая из обнаруженных рукописей — автограф поэта, хранящийся в фонде известного собирателя П. Я. Дашкова в Рукописном отделе Пушкинского Дома [ИРЛИ.93.3.443]. Текст его полностью идентичен тому, что был опубликован в «Друге Просвещения» в 1805 г. Здесь к первоначальному варианту заглавия «К снигирию» был добавлен поясняющий подзаголовок «По кончине князя Суворова». Как кажется, это именно та рукопись, с которой делался набор в журнале. По-видимому, она была сохранена кем-то из издателей «Друга Просвещения», чтобы позднее стать достоянием частных коллекций и в конечном счете быть приобретенной Дашковым (к истории собрания см.: [Меньшенина 2007: 43–48]).

Вторая рукопись стихотворения весьма авторитетна, хотя и не является автографом [ИРЛИ.96.1.2]. Она содержится во втором томе

⁶ Ср.: «The underlying metre is dactylic tetrameter, though here too we end up with logaoedic verse: in every line two syllable appear between ictus 1 and 2, one between ictus 2 and 3, and again two between 3 and 4» [Scherr 2021: 422].

⁷ В данном контексте заслуживает внимания следующий факт: Н. П. Киселев (1884–1965), историк, библиограф и книговед, в материалах к своему незавершенному труду о русской поэзии также полагал, что «Снигирия» был написан логэдическим размером: «a'ba'b|c'd||e'fe'f|c'd (двойной адонический стих без диэрезы: – 0 0 – 0 – 0 0 – 0) (II, 344)» (ОР РГБ.128/II.3.112.13.81; судя по орфографии, анализ метров Державина производился Киселевым в 1910-е гг.). Выражаю признательность Е. А. Пастернак за сообщение этих сведений.

рукописного иллюстрированного собрания сочинений Державина, готовившегося после 1805 г. при непосредственном участии поэта (так называемые «Зеленые тетради»). Стихотворение здесь обрело свое окончательное название «Снигирь»; перед ним и после него помещены аллегорические виньетки (над ними в «Зеленых тетрадах», как установлено Е. Н. Петровой, трудились А. Н. Оленин, А. Е. Егоров и И. А. Иванов) [Петрова 1987: 385].

Таким образом, три редакции стихотворения представлены следующими рукописными и печатными текстами:

А

1. *ИРЛИ.93.3.443*;
2. Державин 1805б

В

ИРЛИ.96.1.2.

С

Державин 1808

Ниже мной приводится текст «Снигирия» с последовательным отражением изменений (различающиеся сегменты выделены курсивом) и некоторыми комментариями к каждой из строф. В таблице указываются следующие сведения: в первом столбце — порядковые номера стихов, в третьем — количество слогов до и после цезуры, в четвертом — число слогов в строках и тип клаузулы.

Как уже говорилось, текст обрел свое окончательное название во второй редакции. Первая строфа на всех трех этапах правке не подвергалась:

А: К СНИГИРЮ

В: СНИГИРЬ

С: СНИГИРЬ

1	Что ты заводишь песню военну	5/5	10ж
2	Флейте подобно, милый снигирь?	5/4	9м
3	С кем мы пойдем войной на гиенну? ⁸	4/6	10ж
4	Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?	5/4	9м
5	Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?	5/5	10ж
6	Северны громаы в гробе лежат.	5/4	9м

⁸ Отмечу, что в обоих текстах редакции А (и рукописный, и печатный) — в отличие от В и С — встречаем написание «геенна», вызывающее библейские ассоциации. Державин позднее так прокомментировал это слово: «Гиенна, злейший африканский зверь, под коей здесь разумеется революционный дух Франции, против которой гр. Суворов был послан» [Державин 1866: 677].

Вторая строфа подверглась поначалу незначительным изменениям: в стихе 7 было устранено неблагозвучное словосочетание «с ратью»; в стихе 9 Державин предпочел говорить о закалке меча, а не души полководца. На втором этапе поэт явно пожелал устранить версификационные отличия от других строф, имевших чередование мужских и женских клаузул — жмжмжм, — в то время как во второй строфе мужские рифмы ранее доминировали — мммжм. После первой переработки стих 7 стал дактилическим — на заключительном этапе Державин ввел в него предцезурное усечение на один слог:

7А	Кто <i>будет пеший</i> <i>с ратью ходить,</i>	5/4	9м
7В	Кто <i>будет пеший</i> <i>пред ратью ходить,</i>	5/5	10м
7С	Кто <i>перед ратью</i> <i>будет, пылая,</i>	5/5	10ж
8	Ездить на кляче, <i>есть сухари;</i>	5/4	9м
9А	В стуже и зное <i>душу калить,</i>	5/4	9м
9В	В стуже и в зное <i>меч свой калить,</i>	5/4	9м
9С	В стуже и в зное <i>меч закаляя,</i>	5/5	10ж
10	Спать на соломе, <i>бдеть до зари;</i>	5/4	9м
11	Тысячи воинств, <i>стен и затворов,</i>	5/5	10ж
12А	С горстью россиян <i>вмиг побеждать?</i>	5/4	9м
12В	С горстью россиян <i>всё побеждать?</i>	5/4	9м
12С	С горстью россиян <i>всё побеждать?</i>	5/4	9м

Третья строфа подверглась лексическим уточнениям: читателю раннего варианта вряд ли могло быть ясно, о каком «суде» собственно шла речь, введение наречия «езде» снимало эти недоумения; более удачным надо признать и выражение «рок низлагать», чем «рок поражать», — в итоге бессилие судьбы перед героем предстает более явно. Отмечу и написание со строчной буквы слова «бог», нередкое в рукописях Державина, когда речь идет о христианском Боге. Удаление «жертвы» в стихе 17, без сомнения, способствовало устранению определенной двусмысленности; стих был также синтаксически упрощен:

13А	Быть <i>в суде</i> первым <i>в мужестве строгом,</i>	5/5	10ж
13В	Быть <i>езде</i> первым <i>в мужестве строгом,</i>	5/5	10ж
13С	Быть <i>езде</i> первым <i>в мужестве строгом,</i>	5/5	10ж
14	Шутками зависть, <i>злобу штыком,</i>	5/4	9м

15A	Рок <i>поражать</i> молитвой и богом,	4/6	10ж
15B	Рок <i>низлагать</i> молитвой и богом, ⁹	4/6	10ж
15C	Рок <i>низлагать</i> молитвой и Богом,	4/6	10ж
16	Скиптры давая, зваться рабом,	5/4	9м
17A	Доблестей <i>только</i> <i>жертвой</i> единых,	5/5	10ж
17B	Доблестей <i>быть</i> <i>лишь жертва</i> единых,	4/6	10ж
17C	Доблестей <i>быв</i> <i>страдалец</i> единых,	4/6	10ж
18	Жить для царей, себя изнурять?	4/5	9м

Существенным представляется отказ от множественного числа в стихе 20: «песня военна» вместо «песни военные»; этот вариант куда более сообразуется с державинским рассказом о том, что «снигирь» знал лишь одно колено военного марша (см. об этом ниже). В стихе 22 благодаря сличению всех вариантов текста выявляется не замеченная автором опечатка, воспроизводившаяся всеми последующими изданиями¹⁰. Гипербат «томных вой лир» не был распознан и осознан наборщиком; Державин же, конечно, писал о «томных лирах», а не о «томном вое». «Вбждя», словоформу с непривычным для современного уха ударением на первом слоге, встречаем в еще одном тексте, связанном со смертью Суворова (см. далее отрывок «Всторжествовал — и усмехнулся...»). Но в «Снигире» Державин предпочитает отказаться от этого генитива, чтобы упростить синтаксис финальных строк:

19	Нет теперь мужа в свете столь славна:	5/5	10ж
20A	Полно петь песни военные, снигирь!	5/5	10м
20B	Полно петь песню военну, снигирь!	5/5	10м
20C	Полно петь песню военну, снигирь!	5/5	10м

⁹ В печатной версии «Друга Просвещения» слово «Бог» дается с большой буквы в отличие от автографа в собрании П. Я. Дашкова.

¹⁰ Авторы не всегда образцовые корректоры своих произведений. Приведу лишь два примера тому. Так, И. С. Барков в своем переводе из Горация (сатира VIII, кн. I), пропустил в печать строку «И самая луна разделась, зря сей срам» [Гораций 1763: 60]. Ее верный вариант, несомненно: «И самая луна зарделась, зря сей срам», в чем легко убедиться, обратившись к подлиннику (выражаю признательность В. И. Шубинскому, обратившему мое внимание на воспроизведение этой ошибки в кн.: [Поэты XVIII века 1972: 180]; ср. также комментарий на с. 582: «Луна разделась — т. е. вышла из-за облаков»). Типографское искажение деепричастия «клича» привело к возникновению в тексте Гомера таинственного Клита, отсутствующего в рукописи Гнедича [Ермолаева 2012: 331–332].

21	Бранна музыка днесь не забавна,	5/5	10ж
22A	Слышен отвсюду томных вой лир;	5/4	9м
22B	Слышен отвсюду томных вой лир;	5/4	9м
22C	Слышен отвсюду томный вой лир;	5/4	9м
23	Львиного сердца, крыльев орлиных,	5/5	10ж
24A	Нет у нас вождя — что воевать?	5/4	9м
24B	Нет уже с нами! — что воевать?	5/4	9м
24C	Нет уже с нами! — что воевать?	5/4	9м

Как видим, доработка «Снигиря» производилась Державиным весьма последовательно: были устранены отклонения от избранной строфической формы, уточнялась лексика и несколько упрощался синтаксис, в целом все равно оставшийся по-державински затрудненным.

История создания

Как видим, документально проследить историю текста «Снигиря» удастся лишь с 1805 г. В то же время традиционная датировка стихотворения — май 1800 г.¹¹, что побуждает еще раз внимательно проанализировать имеющиеся свидетельства о его написании в контексте других литературных произведений Державина, написанных под впечатлением от смерти великого полководца.

2 февраля 1800 г., почувствовав ухудшение здоровья, А. В. Суворов, находившийся тогда в Кракове, передал командование над войсками генералу А. Г. Розенбергу и отправился в свое белорусское имение Кобринский ключ. 20 апреля 1800 г. полководец наконец прибыл в Петербург [Лопатин 2012: 413–414]¹². Здесь Суворова вместо почестей ожидало неудовольствие императора Павла, заключившего полководца под домашний арест. До самой кончины 6 мая 1800 г. Суворов жил на Крюковом канале в доме Д. И. Хвостова, женатого на его племяннице княжне А. И. Горчаковой. Из воспоминаний о Державине его родственник Е. Н. Львовой и М. Ф. Ростовской известно, что поэт, несмотря на то, что визиты к опальному полководцу были воспрещены, навещал Суворова незадолго до смерти. Обе мемуаристки, явно опираясь на сведения, восходившие к самому Державину, сообщают, помимо прочего, почти

¹¹ В позднейших изданиях Державина стихотворение вслед за Гротом [Державин 1865: 344–348] неизменно помещается среди произведений 1800 г.

¹² Подборку документальных свидетельств о последних днях полководца см. в: [Жизнь Суворова 2001: 567–577].

слово в слово эпизод о том, как умиравший полководец спросил Державина, какую бы тот ему сочинил эпитафию, и, услышав в ответ: «Здесь лежит Суворов», воскликнул: «Помилуй Бог, как хорошо» [Г. Р. Державин в воспоминаниях 2018: 176–177, 215–216]. Этот хореический моностих и ныне можно видеть на могиле Суворова в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры в Петербурге; его же поместил и Грот в приложении к стихотворениям, связанным со смертью Суворова, указав во избежание споров об авторстве: «Эта надпись, действительно вырезанная на надгробном памятнике знаменитого полководца, встречается отдельно в тетрадах нашего поэта, и мы помещаем ее таким же образом в подтверждение, что она точно принадлежит Державину» [Державин 1866: 380].

О смерти Суворова 6 мая поэт узнал весьма скоро, по-видимому, от родственников полководца. На другой день он известил об этом И. О. Куриса и Н. А. Львова. Второе из этих писем содержит следующие строки: «Герой нынешнего, а может быть, и многих веков, князь Итальянский с такою же твердостью духа, как в многих сражениях, встречал смерть, вчерась в 3 часа пополудни скончался. Говорят, что хорошо это с ним случилось. Подлинно, хорошо в такой славе вне и в таком неуважении внутри окончить век! Это истинная картина древнего великого мужа. Вот урок, вот что есть человек!» [Державин 1871: 106].

Через несколько дней, 12 мая 1800 г., от дома Д. И. Хвостова на Крюковом канале траурная процессия, сопровождавшая гроб военачальника, прошла через Садовую улицу и Невский проспект до Александро-Невского монастыря, где в Благовещенской церкви состоялось отпевание Суворова, — все это Евгений (Болховитинов), префект Александро-Невской семинарии, запечатлел в письме от 14 мая другу юности В. И. Македонцу (привожу лишь заключительную часть):

Улицы, все окна в домах, балконы и кровли преисполнены были народу. День был прекрасный. Народ отвсюду бежал за нами. Наконец мы дошли и ввели церемонию в верхнюю монастырскую церковь. Гроб поставлен на катафалке под тем же балдахином посреди церкви. Обедня поспешно началась в половине 12-го часу. В церковь пускали только больших, а народу и в монастырь не допускали. Проповеди не было. Но зато лучше всякого панегирика пропели придворные певчие 90-й псалом «Живый в помощи», концерт сочин<ения> Бортнянского. Прочтите этот псалом, и вы со мною согласитесь, что нет лучшего панегирика Суворову. Войска расположены были за монастырем. Отпето погребение, и тут-то раз десять едва я мог удерживать слезы. При последнем целовании никто не подходил без слез ко гробу. Тут явился и Державин. Его преуниженный поклон гробу тронул до основания мое сердце. Он закрыл лицо платком и отошел, и верно из сих слез выльется бессмертная ода. Все плакали, только что не смели рыдать... [...] При опуска-

нии гроба трижды 12 раз за монастырем выпалено из пушек и чрез каждые 12 выстрелов — беглый огонь. Буди вечная память Суворову [Выдержки 1870: 778–779].

Весьма характерно, что в этот день скорби Евгений не может не думать о поэтическом прославлении полководца, о «бессмертной оде», которой первый поэт России должен, по его мнению, непременно прославить Суворова. В последующее время интерес Евгения к поэтическим откликам на кончину военачальника не ослабевает, в списках до него доходит стихотворная надпись А. А. Шишкова «Остановись, прохожий...» (автором ее Евгений полагает П. И. Шаликова). Иерарх пересылает ее 27 мая 1800 г. Македонцу вместе с латинской эпитафией, сочиненной Д. П. Бутурлиным: «Cineres hic, fama ubique» («Прах здесь, слава повсюду»). Он также передает слухи о пожеланиях скончавшегося: «Да и сам покойник перед смертью говорил своему племяннику: “Митюша! Не черти моей гробницы стихами; а разве напиши только: здесь лежит Суворов”» [Выдержки 1870: 780; под «Митюшей» имеется в виду Д. И. Хвостов]. В том же письме Евгений упоминает, что Державин написал четверостишие на смерть генералиссимуса («четыре стишка»), которых он еще не видал. Речь здесь идет, по-видимому, об эпитафии, опубликованной анонимно пять лет спустя, в октябрьском номере «Друга Просвещения» за 1805 г., т. е. того журнала, где на пять месяцев ранее была напечатана первая редакция «Снигирия»:

О вечность! прекрати твоих шум вечных споров,
Кто превосходней всех героев в свете был.
В святых лице твое от нас в сей день вступил
Суворов.

[Державин 1805а: 25]¹³

Лишь 11 июля 1805 г. Евгений прислал Македонцу несколько стихотворных эпитафий, полагая их все принадлежащими перу Державина: «Посылаю при сем надпись Державина Суворову. Первый мне не по вкусу кажется. Прочие надписи его же» [Выдержки 1870: 784]. К сожалению, все эти тексты, приложенные к письму, были утрачены, так что не ясно, о чем шла речь (можно лишь утверждать, что почти наверняка среди них было и приведенное выше четверостишие). В то время Евгений не входил в ближайшее окружение поэта и даже не был лично знаком с ним, поэтому не напечатанные стихотворения Державина

¹³ Грот не заметил этой публикации, почему поместил державинскую эпитафию как ранее не печатавшуюся в основной части третьего тома [Державин 1866: 380]. В примечаниях к ней ученый приводит шестистишие «Окончи, вечность...», являющееся, скорее всего, чьим-то ей подражанием.

(или же приписывавшиеся ему) могли попасть к Евгению из вторых или третьих рук. Сведения, сообщенные Македонцу, важны не только как показатель повышенного интереса в тогдашнем обществе к реакции Державина на смерть полководца. Не менее существенно и то, что «Снигирь» в ближайшие месяцы после кончины Суворова не ходил в списках, иначе бы Евгений обязательно услышал о нем и раздобыл текст, о чем не умолчал бы в письмах другу юности.

Как кажется, Державина обуревали в первое время после смерти Суворова совсем иные чувства, чем те, что выражены в «Снигире» — «элегических стансах», по точному замечанию Грота. Это были, скорее, горечь и разочарование из-за унижения, которому Суворов подвергся в последние недели своей жизни.

Не подлежит сомнению, что вскоре после смерти полководца были набросаны следующие две строфы, опубликованные впервые в 1866 г. Гротом, который их никак не прокомментировал, но заменил на отточие имя Суворова:

Всторжествовал — и усмехнулся
Внутри души своей¹⁴ тиран,
Что гром его не промахнулся,
Что им удар последний дан
Непобедимому герою,
Который в тысящи боях
Боролся твердой с ним душою
И презирал угрозы страх.

Нет, не тиран, не лютый рок,
Не смерть Суворова сразила:
Венцедаатель, Славы Бог
Архистратига Михаила
Послал, небесных вождя сил,
Да приведет к нему вождя земного
Приять возмездия венец,
Как луч от свода голубого...

[Державин 1866: 379]

Позднее эта купюра дала основание Г. А. Гуковскому утверждать, что под тираном Державин имел в виду императора Павла [Гуковский 1933: 376–377] и что именно политические резоны побудили Грота изъять из текста имя полководца. Однозначный намек Грота Гуковский увидел в том, что тот поместил данный отрывок перед

¹⁴ Грот приводит отвергнутый автором вариант первой части стиха: «Улыбкой гордою».

четверостишием «На смерть Суворова» и надписью «На гробницу Суворова в Невском [монастыре]». Интерпретация Гуковского восторжествовала и неизменно тиражировалась в комментариях к советским изданиям поэта. Если ее принять, то под «тысячью боев» следует понимать многолетнее противостояние Суворова императору, о котором Державину, конечно же, было известно. В любом случае следует принять во внимание, что опала, постигшая Суворова под конец жизни, исключала возможность публикации при жизни Павла I обширного поэтического произведения, воздававшего должное заслугам генералиссимуса.

Но обратимся к авторским версиям создания «Снигиря». Первая из них была артикулирована летом 1805 г., когда наконец состоялось личное знакомство Державина с Евгением Болховитиновым — во время визита иерарха на Званку¹⁵. О впечатлениях от него Евгений сообщил Д. И. Хвостову в письме от 22 августа 1805 г. [цит. в предисловии к публикации: Грот 1868а: 69–70]. Стремление архиерея познакомиться с Державиным было вызвано не в последнюю очередь тем, что с января 1805 г. Евгений публиковал в «Друге Просвещения» «Новый опыт исторического словаря о российских писателях». То есть поэт был для архиерея и кладезем сведений о недавней литературной эпохе, и героем одной из важнейших статей создаваемого справочника¹⁶. Поэтому при первой же встрече Евгений, не откладывая, попросил поэта составить пояснения к стихам, тем более что, как выяснилось, тот как раз готовил к печати их собрание¹⁷ — первые четыре тома «Сочинений Державина» вышли в свет в 1808 г.

Уже 30 сентября Евгений сообщил Д. И. Хвостову о щедром отклике на свою просьбу:

¹⁵ Эта версия была опубликована Н. Ф. Остолоповым спустя семнадцать лет спустя в «Ключе к сочинениям Державина» (1822).

¹⁶ «Новый опыт исторического словаря о российских писателях» преосвященного Евгения (Болховитинова) создавался в 1804–1811 гг. Его значительная часть (статьи на буквы А–К) была опубликована в «Друге просвещения» в 1805–1806 гг. В дальнейшем автор решил отделить духовных писателей от светских, итогом чего стало появление справочников: [Евгений (Болховитинов Е. А.) 1818; Евгений (Болховитинов Е. А.) 1845].

¹⁷ В статье преосвященного о Державине читаем в связи с готовившимся изданием: «Ныне сам он готовит полное и великолепное, с весьма многими виньетами, издание всех своих творений в шести частях, из коих первые три составлять будут *Лирические его песни*, четвертая *театральные пьесы*, пятая *прозаические сочинения и переводы*, а шестая *Епistolы, басни, надписи* и другие мелкие стихотворения. Нынешняя вторая супруга его будучи любительница музыки, старается также собрать особо те его стихотворения, которые придворными капельмейстерами Сартием, Бортнянским, Козловским и другими положены на музыку» [Евгений (Болховитинов Е. А.) 1806: 287].

Я убедил Гаврилу Романовича (который был у меня в Хутыне 24 августа и ночевал), чтобы он написал хотя краткую поэму о Новгороде, и он обещал это исполнить в Петербурге, где он теперь уже и находится. Похваляюсь вам, что он прислал мне самую обстоятельнейшую свою виографию¹⁸ и пространные примечания на случаи и на все намеки своих од. Это драгоценнейшее сокровище для русской литературы. Но теперь еще и на свет показать их нельзя. Ибо много живых витязей его намеков. Я также присоветовал ему напечатать самое дешевое издание своих од. А он, кроме того, готовит самое великолепнейшее издание в 6 частях с виньетами всех своих сочинений [Грот 1868б: 65–87; ср.: 126].

Ожидаемых прибавлений к примечаниям, правда, не последовало, и 21 ноября 1805 г. иерарх напоминал Державину: «Я жду и всепокорнейше прошу ваше в-пр-во прислать мне примечания на 3, 4 и 5 томы ваших творений. Поверьте, смею похвалиться, что к славе вашего имени я наилучшее сделаю употребление из сей доверенности, а притом все важное будет под печатью тайны до своего времени» [Державин 1871: 172].

Во время своего епископского служения в Вологде Евгений представил Н. Ф. Остолопову, бывшему там прокурором с 1808 до 1812 г., возможность ознакомиться с рукописью этих примечаний Державина к своим стихам и снять с нее копию. Именно она, подвергнувшись цензурным вторжениям, легла в основу «Ключа к сочинениям Державина», опубликованного Остолоповым в 1822 г.¹⁹ Известно, что издание этой книжки, осуществленное без ведома иерарха, вызвало его неудовольствие, несмотря на это став почти на десятилетие единственным комментарием к стихам Державина [Державин 1883: 281–282]²⁰.

¹⁸ Под «виографией» имелась в виду записка «Нечто о Державине», опубликованная много лет спустя в статье: [Кононко 1972: 81–85]. Содержавшиеся в ней сведения были положены в основу сообщаемого о Державине в словаре русских писателей Евгения (см. предыд. примеч.) и предисловии Н. Ф. Остолопова к «Ключу к сочинениям Державина» (1822).

¹⁹ «Ключ» содержит пояснения на первые две части «Сочинений Державина» 1808 г.; порядковые номера комментариев в нем отсылают именно к этому изданию. В переписке Державина и Евгения второй половины 1805 г. речь также шла о примечаниях к двум первым частям, тогда еще готовившимся к печати. То есть был охвачен идентичный объем произведений.

²⁰ Источником текста остолоповского «Ключа» была рукопись «Примечания о сочинениях Державина, писанные им самим в 1808 году», хранящаяся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского в Киеве (шифр 706/496/с). Как представляется, этот вариант «Примечаний» — результат «приспособления» в 1808 г. к «Сочинениям Державина» материалов, переданных Державиным Евгению в 1805 г. Пояснения касаются стихотворений лишь двух первых частей и находятся под номерами, отсылающими к этому изданию. Именно такой объем комментариев был послан Державиным к Евгению в 1805 г. (см. выше). Эти «Примечания» были опубликованы в XX столетии: [Кононко 1973–1975]. В связи с рукописью

Предпринятый выше экскурс в историю комментирования поэтом своих стихов потребовался для того, чтобы с должной критичностью подойти к тому, что в «Ключе к сочинениям Державина» сообщается об обстоятельствах написания «Снигиря»:

Песнь сия написана тотчас по кончине Суворова, в 1800. Автор был при оной и, возвратясь домой, услышал, что ученый снигирь его напевает марш. [Остолопов 1822: 88]²¹.

Как несложно заметить, этот краткий рассказ содержит подробность, не подтверждаемую другими источниками. Поэт, вне сомнения, посещал полководца незадолго до кончины, но при ней не присутствовал — в письме Н. А. Львову от 7 мая 1800 г., процитированном выше, о смерти военачальника сообщается как о событии, произошедшем накануне; о присутствии Державина у смертного одра Суворова не упоминается (нет этой подробности и в объяснениях, надиктованных поэтом Е. Н. Львовой четыре года спустя)²². Причину подобного искажения сложно установить: она могла корениться в изначальной неточной записи слов Державина (примечания для Евгения были записаны под диктовку), в ошибках, возникших при дальнейшем переписывании или в чем-то подобном.

Опыт комментирования собственных произведений был продолжен Державиным в 1809 г., через год после выхода в свет первых четырех частей его сочинений. Поэт живо ощущал необходимость, с одной стороны, пояснить свои стихи и тем направить читательское восприятие

«Примечаний» стоит также иметь в виду, что 24 января 1808 г. Евгений был назначен епископом Вологодским и Устюжским, из-за чего связи с Державиным на некоторое время ослабевают: [Рукавіцина-Гордізівська 2010: 30 et passim]. Позднее доступ к рукописи примечаний к стихам Державина, имевшейся у Евгения, имел В. Г. Анастасевич [ИРЛИ.88.15883]; ср. также: [Сборник статей 1868: 144, 199, 215].

²¹ Ср. комментариев в рукописи Евгения, к которой восходит текст остолоповского «Ключа»: «29. Снигирь. Песнь сия в память кончины графа Ал. Вас. Суворова-Рымникского, князя Итальяского. Писана в Петербурге в 1800 году тотчас по его кончине, когда автор, быв при оной, возвратился домой, и слыша, что снигирь, сидевший у него в клетке, наученной, подобно флейте, петь одно колено военного марша, напевал оной, то он, глядя на него, без всякого приготовления написал сии стихи и приказал вынести его из своей комнаты, чтоб более не слышать военной музыки» [Кононко 1975, 25: 117].

²² Ходасевич в беллетризированной биографии поэта повторяет эту неточность, эффектно завершая рассказом о сочинении «Снигиря» одну из глав своей книги: «6 мая Суворов при нем скончался. Державин, вернувшись домой, прошел в кабинет. Ученый снигирь трепыхнулся в клетке и по привычке тотчас пропел все, что знал: одно колено военного марша. Державин плотней прикрыл дверь, подошел к конторке, провел рукой по глазам, взял перо: Что ты заводишь песню военную, / Флейте подобно, милый Снигирь? / С кем мы пойдем войной на гиену? / Кто теперь вождь наш? кто богатырь?..» [Ходасевич 1931: 216].

в определенное русло, с другой стороны, сделать это более систематично. Вполне возможно также, что по зрелом размышлении он решил не отдавать «на сторону» столь важный для рецепции его произведений текст. Летом 1809 г. на Званке Державин стал диктовать пояснения Е. Н. Львовой (1788–1864), родной племяннице своей второй жены. Эта работа продолжилась и на следующий год; ряд записей в последних тетрадах сделан рукой С. В. Капниста, старшего сына В. В. Капниста.

Так возникли «Объяснения на сочинения Державина», в которых Грот, критически осмыслявший их текст в начале 1860-х гг., отмечал «разные неверности, состоящие частью в нерасслышанных словах и числах, частью в неточных показаниях самого поэта, который обыкновенно диктовал свои примечания на память, не справляясь с источниками» [Державин 1866: 590]. Весьма многочисленны были искажения годов и названий журналов в связи с публикациями стихов. Эти ошибки Грот, печатая «Объяснения» по подлинной рукописи в третьем томе своего академического издания, отмечал и исправлял. Он также устранил правку, что внес в текст «Объяснений» Ф. П. Львов, муж Е. Н. Львовой, впервые издавая их в 1834 г., и восстановил купюры, сделанные тогда по настоянию цензуры. Приведу поэтому начальные строки автокомментария к «Снигирию» по изданию Грота; при этом следует признать, что данное пояснение поэта было подвергнуто Ф. П. Львовым лишь незначительным стилистическим изменениям:

СНИГИРЬ. Соч. в Пб. 1800 г. мая месяца, на кончину гр. Суворова; напеч. в изд. 1808.

204) Флейте подобно, милый снигирь, — У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя возвратился в дом, то услыша, что сия птичка поет военную песнь, написал сию оду в память столь славного мужа.

[Державин 1866: 677]²³

Надо сказать, что если в «Ключе к сочинениям Державина» Н. Ф. Остолопова весь комментарий к «Снигирию» занял около двух строк, то в издании 1834 г. — около двух страниц. Приведенная цитата содержит несколько важных отличий от версии «Ключа»: отнюдь не утверждается, что поэт был у смертного одра Суворова и «тотчас» написал «оду в память столь славного мужа». Формулировка «по преставлении сего героя возвратился в дом» предполагает скорее какой-то момент после того, как Державин узнал о смерти своего прославленного друга. Все же обе немногословные версии едины в главном: именно

²³ Ср. комментарий к «Снигирию» в издании Ф. П. Львова: [Объяснения 1834: 104–106].

«колено военного марша» дает импульс к написанию стихотворения, которое было создано стремительно, одномоментно. Каким был этот прототекст «Снигиря» и сколь он был отличен от трех сохранившихся редакций 1805–1808 гг., остается лишь гадать. Во всяком случае, если первый вариант стихотворения и родился спонтанно, то впоследствии, как я пытался показать выше, он неоднократно и целенаправленно дорабатывался автором.

Уподобление свиста «снигиря» звучанию флейты не случайно и отсылает к традиции русской военной музыки XVIII столетия. Со времен петровских реформ флейта была неотъемлемой частью военной жизни, что было закреплено указом № 2319 Петра I от 19 февраля (2 марта) 1711 г., утверждавшим «Штаты кавалерийских и пехотных полков с показанием расположения оных по губерниям» [Полное собрание законов 1830: 590–627]. В екатерининское царствование согласно штатам 1763 г. в каждом «мушкетерском полевом» полку состояло, помимо других музыкантов, 24 барабанщика и 12 флейтчиков, которые распределялись по ротам (2 барабанщика и 1 флейтчик в каждой). Гренадерским полкам придавался еще один флейтчик, которому платилось повышенное жалование. Павел I хотя и резко сократил полковые оркестры, несанкционированно разросшиеся в екатерининское время и часто служившие личному увеселению полковников, но не изменил номенклатуру и количество музыкантов в ротах [Тутунов 2005: 94–95; Кривцова 2019: 403–405]. То есть звуки флейт и барабанов постоянно звучали в Петербурге во время пеших войсковых передвижений, в том числе и рядом с усадьбой Державина, ибо неподалеку от нее располагались казармы лейб-гвардии Измайловского полка. Все же птичка была кем-то научена колену марша (также и Державин говорит о «снигире, выученном петь одно колено военного марша»), а не подслушала мелодию во время прохождения войск по городу²⁴.

В заключение стоит отметить, что написание «снигирь», ориентированное на произношение и непривычное с точки зрения современной орфографии, было в XVIII столетии вполне обычным, хотя и не единственно возможным. Именно оно было избрано как основное «Словарем Академии российской»²⁵. Его встречаем, к примеру, и в заглавии

²⁴ О способах научения снегирей различным мелодиям см.: [Holden 1888. P. 57–86] (главка «The Bullfinch»).

²⁵ «СНИГИРЬ, ря . с. м. *Loxia rutghula*. Птаха, величиною поболее воробья, сверху покрыта перьями серыми, снизу красными, самка же искрасна серыми; темя на голове и перья при основании клюва черные, лоснящиеся; гузка и конец брюха белые; крылья и хвост черные. Водится в лесах; питается рябиною, которую рассеивает. Голос у нее тихой, но приучивается насвистывать песни» [Словарь 1794: 624–625].

басни А. А. Ржевского «Снигирь и червяк», опубликованной в «Полезном увеселении» (1761), и в названии басни В. А. Левшина «Снигирь» (1787) [Ржевский 1761; Левшин 1787: 28]²⁶. В то же время вариант этимологизирующий, через ять, подчеркивающий родство со словом «снѣг», тоже был в ходу. Именно его встречаем в 1790-е гг. у Н. А. Львова в стихотворениях «Зима» («Ах, зима, зима лихая...») и «Снегирь» («Осенне времечко настало...»). Неизменно через ять писал свою фамилию Михаил Матвеевич Снегирёв (1760–1820), переводчик, профессор Московского университета.

Подводя итоги, приходится признать, что все, относящееся к истории «Снигиря» до 1805 г., опирается на весьма скудные свидетельства его автора, не поддающиеся верификации по другим источникам. При этом нет полной уверенности, что поэт сразу сочинил стихотворение в виде, близком к окончательному: в частности, избрал для него редкий размер и оригинальную строфику. Бывая доволен своими стихотворениями с художественной стороны, Державин обычно стремился к их скорейшему обнародованию, хотя и печатал их нередко анонимно, предпочитая, чтобы узнавали *ex ungue leonem*. Даже в тех случаях, когда текст мог вызвать высочайшее неудовольствие (как в случае со знаменитой «Фелицей»), это не удерживало поэта от того, чтобы знакомить с ним друзей и искать возможности его напечатать. Державин не раз способствовал и распространению своих произведений в списках²⁷. Все эти соображения подводят к выводу, что именно в 1805 г. замысел «Снигиря» получил ту степень завершенности, при которой Державин счел возможным отправить стихотворение в печать. Если в мае 1800 г. поэта преисполняло чувство гнева, вызванное несправедливостью высшей власти к Суворову, то элегические настроения трех рассмотренных редакций «Снигиря» могут в немалой степени объясняться политической ситуацией весны и начала лета 1805 г. 30 марта (11 апреля) этого года в Санкт-Петербурге Российской империей был заключен союзный договор с Великобританией, находившейся в состоянии войны с наполеоновской Францией, что означало неминуемое грядущее участие российской армии в военных действиях. В это время, когда силы Третьей антифранцузской коалиции готовились к новым сражениям против армий Наполеона, Державин, думается, особенно остро ощутил, что у России нет военачальника, равного по таланту Суворову.

²⁶ При перепечатке в XX столетии названия эти по умолчанию выправлялись в соответствии с орфографическими нормами XX в.: [Поэты XVIII века 1972: 250; Русская басня 1977: 189–190].

²⁷ Так, как уже говорилось выше, благодаря Евгению Болховитинову известно, что державинская эпитафия Суворову имела хождение в списках в тот момент, когда ее было весьма затруднительно напечатать из-за постигшей полководца опалы.

Сокращенные названия архивов

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург).

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

Библиография

Источники

*Рукописи**ИРЛИ.88.15883*

ИРЛИ. Ф. 88 (Я. К. Грот). Ед. хр. 15883. Державин Г. Р., Записки к творениям [копия рукой В. Г. Анастасевича].

ИРЛИ.93.3.443

ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. Ед. хр. 443. 2 л. [Державин Г. Р.], К снигирию.

ИРЛИ.96.1.2

ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 110 об.–111. Державин Г. Р. Снигирь, 2, *Рукописные стихотворения Державина с рисунками*.

ОР РГБ.128/II.3.112.13.81

ОР РГБ. Ф. 128/II. Оп. 3. Карт. 112. Ед. хр. 13. Карточка 81. Киселев Н. П. Размеры Державина. Материалы к исследованию.

Издания

Выдержки 1870

Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его В. И. Македонцу, *Русский архив*, 4/5 (8), 1870, 769–870.

Гораций 1763

[Гораций], *Квинта Горация Флакка сатиры или беседы с примечаниями, с латинского языка преложенные российскими стихами Академии наук переводчиком Иваном Барковым*, С.-Петербург, 1763.

Державин 1805а

[Державин Г. Р.], На кончину графа Суворова-Рымникского, князя Италийского: («О вечность! прекрати твоих шум сильных споров...»), *Друг Просвещения*, 4 (10), 1805, 25. Без подп.

— 1805б

[Державин Г. Р.], К снигирию. По кончине князя Суворова, *Друг Просвещения*, 2 (6), 1805, 186–187. Без подп.; с примечанием к заглавию: «Сия пьеса прислана от неизвестного».

— 1808

Державин Г. Р., Снигирь, *Сочинения Державина*, 2, С.-Петербург, 1808, 117–118.

— 1865

Державин Г. Р., Снигирь, *Сочинения Державина*, с объяснит. примеч. Я. Грота, 2, С.-Петербург, 1866, 344–348.

— 1866

[Державин Г. Р.], *Сочинения Державина*, с объяснит. примеч. Я. Грота, 3, С.-Петербург, 1866.

— 1871

[Державин Г. Р.], *Сочинения Державина*, с объяснит. примеч. Я. Грота, 6, С.-Петербург, 1871.

——— 1883

[Державин Г. Р.], *Сочинения Державина*, с объяснит. примеч. Я. Грота, 9, С.-Петербург, 1883.

Г. Р. Державин в воспоминаниях 2018

Морозова Н. П., сост., вступ. статья, Морозова Н. П., Градова Б. А., подг. текстов и коммент., *Г. Р. Державин в воспоминаниях современников*, С.-Петербург, 2018.

Жизнь Суворова 2001

Лопатин В. С., авт.-сост., *Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками. Письма. Документы. Воспоминания. Устные предания*, Москва, 2001.

Левшин 1787

Левшин В. А., *Нравоучительные басни и притчи*, Москва, 1787.

Объяснения 1834

Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице Елисавете Николаевне Львовой в 1809 году, изданные Ф. П. Львовым в четырех частях, С.-Петербург, 1834.

Остолопов 1822

Остолопов Н. Ф., *Ключ к сочинениям Державина, с кратким описанием жизни сего знаменитого поэта*, С.-Петербург, 1822.

Полное собрание 1830

Полное собрание законов Российской империи, 4, С.-Петербург, 1830.

Поэты XVIII века 1972

Макогоненко Г. П., Серман И. З., сост., Кочеткова Н. Д., подгот. текста и примеч., *Поэты XVIII века*, 1, Москва, Ленинград, 1972.

Ржевский 1761

[Ржевский А. А.], Снигирь и червяк, *Полезное увеселение*, 22, Декабрь, 1761, 202.

Русская басня 1977

Степанов Н. Л., Степанов В. П., сост., подгот. текста и примеч., *Русская басня XVIII–XIX вв.*, Ленинград, 1977.

Словарь 1794

Словарь Академии Российской, 5: P–T, С.-Петербург, 1794.

Литература

Вишневский 1972

Вишневский К. Д., *Русская метрика XVIII века, Вопросы литературы XVIII века. Ученые записки [Пензенского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского]. Серия филологическая*, 123, 1972, 129–258.

Гаспаров 2000

Гаспаров М. Л., *Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика*, 2-е изд., доп., Москва, 2000.

Грот 1868a

Грот Я. К., Переписка Евгения с Державиным, *Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук*, 5/1, 1868, 65–87.

——— 1868b

Грот Я. К., Переписка Евгения с гр. Д. И. Хвостовым (Из подлинных рукописей, принадлежащих М. И. Семевскому), *Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук*, 5/1, 1868, 97–210.

Гуковский 1933

Гуковский Г. А., Литературное наследство Г. Р. Державина, *Литературное наследство*, 9–10, Москва, 1933, 369–396.

Евгений (Болховитинов Е. А.) 1806

[Евгений (Болховитинов Е. А.)], Продолжение нового опыта Исторического словаря о российских писателях, *Друг просвещения*, 1 (3), 1806, 274–288.

— 1818

[Евгений (Болховитинов Е. А.)], *Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийской церкви*, 1–2, С.-Петербург, 1818. [2-е изд. испр. и умнож.: 1827].

— 1845

[Евгений (Болховитинов Е. А.)], *Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России*, 1–2, Москва, 1845.

Ермолаева 2012

Ермолаева Е. Л., Заметки о переводе «Илиады» Н. И. Гнедичем, *Древний мир и мы*, 4, С.-Петербург, 2012, 331–332.

Жирмунский 1975

Жирмунский В. М., *Теория стиха*, Ленинград, 1975.

Кононко 1972

Кононко Е. Н., Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР, *Русская литература*, 3, 1972, 74–85.

— 1973–1975

Кононко Е. Н., Примечания на сочинения Державина, *Вопросы русской литературы*, 22–23, 25, Львов, 1973–1975.

Корчагин 2021

Корчагин К., *Русский стих: цезура*, С.-Петербург, 2021.

Кривцова 2019

Кривцова Н. Г., Русская военная музыка в конце XVIII в., *История военного дела: исследования и источники*, 2: *Лекции по военной истории XVI–XIX вв.*, 3, 2019, 400–440 (<http://www.milhist.info/2019/09/15/krivcova>; последнее обращение 17.01.2024).

Лаппо-Данилевский 2023

Лаппо-Данилевский К. Ю., Логаэды Г. Р. Державина, *Вопросы языкознания*, 4, 2023, 96–116.

Ларкович 2012

Ларкович Д. В., Феномен авторского сознания Г. Р. Державина в контексте русской художественной культуры второй половины XVIII – начала XIX веков (автореферат дисс. на соиск. степени д-ра филологических наук, Екатеринбург, 2012).

Лопатин 2012

Лопатин В. С., *Суворов*, Москва, 2012.

Лотман 2002

Лотман М., «На смерть Жукова» (1974), Л. В. Лосев, В. П. Полухина, ред.-сост., *Как работает стихотворение Бродского*, Москва, 2002, 64–76.

Меньшенина 2007

Меньшенина Н. Ю., Коллекции П. Я. Дашкова и Пушкинский Дом, *Русская литература*, 3, 2007, 43–48.

Пастернак 2022

Пастернак Е. А., Версификация Г. Р. Державина: метрика, рифма, строфика (автореферат дисс. на соиск. степени кандидата филологических наук, Москва, 2022).

Петрова 1987

Петрова Е. Н., Иллюстрации к анакреонтике Г. Р. Державина. Замысел и история создания, Г. П. Макогоненко, Г. Н. Ионин, Е. Н. Петрова, подгот. изд., Державин Г. Р., *Анакреонтические песни*, Москва, 1987, 379–395.

Плунгян 2005

Плунгян В. А., К эволюции русской метрики: немонотонная силлабо-тоника, В. Н. Топоров, отв. ред., *Язык. Личность. Текст. Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой*, Москва, 2005, 857–869.

Полное собрание законов 1830

Полное собрание законов Российской империи, 4: 1700–1712, С.-Петербург, 1830.

Рукавицина-Гордзієвська 2010

Рукавицина-Гордзієвська Є. В., *Київський митрополит (Є. О. Болховітінов): Біобібліографія. Бібліотека. Архів*, Київ, 2010.

Сборник статей 1868

Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук, 5 (1), С.-Петербург, 1868.

Тверьянович 2013

Тверьянович К. Ю., *Русский стих 1735–1810-х годов. Метрика и строфика. Антология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений*, С.-Петербург, 2013.

Тутунов 2005

Тутунов В. И., *История военной музыки России*, Москва, 2005.

Федотов 2005

Федотов О. И., Русская стиховая культура XIX века, *История русской литературы XIX в.*, 3 (1870–1890), Москва, 2005.

Ходасевич 1931

Ходасевич В. Ф., *Державин*, Париж, 1931.

Холшевников 1971

Холшевников В. Е., Логаэдические размеры в русской поэзии, *Поэтика и стилистика русской литературы*, Ленинград, 1971, 429–436.

Holden 1888

Holden G. H., *Canaries and cage-birds: the food, care, breeding, diseases and treatment of all house birds*, 2nd ed., New York, 1888.

Lotman 1999

Lotman M. Yu., 'On the Death of Zhukov'. 'Na Smert' Zhukova', L. Loseff, V. Polukhina, eds., *Joseph Brodsky: The Art of a poet*, London, 1999, 44–58 (transl. from the Russian by Chris Jones).

Scherr 2021

Scherr B. P., A Modernist Before His Time: The Formal Innovations of Gavrila Derzhavin, *Slavonic and East European Review*, 3 (99), 2021, 401–431.

References

Ermolaeva E. L., A Commentary on N. I. Gnedich's Translation of the "Iliad", A. Gavrilov et al., eds., *Antiquitas perennis*, 4: *Cultus classicus eiusque fata* (= Bibliotheca classica Petropolitana), St. Petersburg, 2012, 331–332.

Fedotov O. I., Russkaia stikhovaia kul'tura XIX veka, *Istoriiia russkoi literatury XIX v.*, 3 (1870–1890), Moscow, 2005.

Gasparov M. L., *Ocherk istorii russkogo stikha. Metrika. Ritmika. Rifma. Strofiika*, 2nd ed., Moscow, 2000.

Gukovsky G. A., Literaturnoe nasledstvo G. R. Derzhavina, *Literaturnoe nasledstvo*, 9–10, Moscow, 1933, 369–396.

Khodasevich V. F., *Derzhavin*, Paris, 1931.

Kholshevnikov V. E., Logaedicheskie razmery v russkoi poezii, *Poetika i stilistika russkoi literatury*, Leningrad, 1971, 429–436.

Kononko E. N., Primechaniia na sochineniia Derzhavina, *Voprosy russkoi literatury*, 22–23, 25, Lviv, 1973–1975.

Kononko E. N., Rukopisi G. R. Derzhavina v Tsentral'noi nauchnoi biblioteke USSR, *Russkaia literatura*, 3, 1972, 74–85.

Korchagin K., *Russkii stikh: tsezura*, St. Petersburg, 2021.

Krivtsova N. G., Russkaia voennaia muzyka v kontse XVIII v., *Istoriiia voennogo dela: issle-*

dovaniia i istochniki, 2: Lektsii po voennoi istorii XVI–XIX vv., 3, 2019, 400–440 (<http://www.milhist.info/2019/09/15/krivcova>; last access on: 17.01.2024).

Lappo-Danilevskii K. Yu., Gavriil Derzhavin's Logoaeedic Verse. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 2023, 96–116.

Lopatin V. S., *Suvorov*, Moscow, 2012.

Lopatin V. S., ed., *Zhizn' Suvorova, rasskazannaia im samim i ego sovremennikami. Pis'ma. Dokumenty. Vospominaniia. Ustnye predaniia*, Moscow, 2001.

Lotman M. Yu., 'On the Death of Zhukov'. 'Na Smert' Zhukova', L. Loseff, V. Polukhina, eds., *Joseph Brodsky: The Art of a poem*, London, 1999, 44–58 (transl. from the Russian by Chris Jones).

Lotman M., «Na smert' Zhukova» (1974), L. V. Losev, V. P. Polukhina, eds., *Kak rabotaet stikhovorenje Brodskogo*, Moscow, 2002, 64–76.

Makogonenko G. P., Serman I. Z., eds., *Poety XVIII veka*, 1, Moscow, Leningrad, 1972.

Menshenina N. Yu., Kolleksiia P. Ia. Dashkova i Pushkinskii Dom, *Russkaya Literatura*, 3, 2007, 43–48.

Morozova N. P., Gradova B. A., eds., *G. R. Derzhavin v vospominaniiax sovremennikov*, St. Petersburg, 2018.

Petrova E. N., Illiustratsii k anakreontike G. R. Derzhavina. Zamysel i istoriia sozdaniia,

G. P. Makogonenko, G. N. Ionin, E. N. Petrova, eds., Derzhavin G. R., *Anakreonticheskie pesni*, Moscow, 1987, 379–395.

Plungian V. A., K evoliutsii russkoi metriki: nemonotonnaia sillabo-tonika, V. N. Toporov, ed., *Iazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik statei k 70-letiiu T. M. Nikolaevoi*, Moscow, 2005, 857–869.

Rukavitsyna-Hordzievs'ka Ie. V., *Kiiv'skii mitropolit (Ie. O. Bolkhovitinov): Biobibliografiia. Biblioteka. Arkhiv*, Kyiv, 2010.

Scherr B. P., A Modernist Before His Time: The Formal Innovations of Gavriil Derzhavin, *Slavonic and East European Review*, 3 (99), 2021, 401–431.

Stepanov N. L., Stepanov V. P., eds., *Russkaia basnia XVIII–XIX vv.*, Leningrad, 1977.

Tutunov V. I., *Istoriia voennoi muzyki Rossii*, Moscow, 2005.

Tveryanovich K. Yu., *Russkii stikh 1735–1810-kh godov. Metrika i strofika. Antologiiia: Uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii*, St. Petersburg, 2013.

Vishnevskii K. D., Russkaia metrika XVIII veka, *Voprosy literatury XVIII veka. Uchenye zapiski. Seriiia filologicheskaiia*, 123, 1972, 129–258.

Zhirmunsky V. M., *Teoriia stikha*, Leningrad, 1975.

Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский,

доктор филологических наук, Dr. habil.

ведущий научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

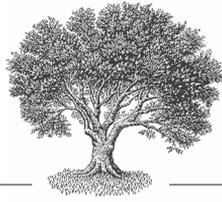
Отдел по изучению русской литературы XVIII века

199034, С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4

Россия / Russia

yurij-danilevskij@yandex.ru

Received February 27, 2024

Как курско-орловский
диалект стал основой
русского
национального языка
(К истории дискуссии
по языкознанию
1950 года)

**Петр Александрович
Дружинин**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

How the Kursk-Oryol
Dialect Became the
Basis of the Russian
National Language
(On the History of
the 1950 Linguistics
Debate)

Petr A. Druzhinin

Vinogradov Institute for Russian
Language of the Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В 1950 г. в ходе «дискуссии по языкознанию» И. В. Сталин объявил основой русского литературного языка курско-орловский диалект; это утверждение поставило в тупик лингвистов. Однако в силу политической ситуации, которая не позволяла ставить это утверждение под сомнение, постулат о курско-орловском диалекте считался базовым для науки о русском

Выражаем искреннюю благодарность проф. М. Б. Попову (СПбГУ),
прочитавшему текст в рукописи и высказавшему ряд важных замечаний.

Цитирование: Дружинин П. А. Как курско-орловский диалект стал основой русского национального языка (К истории дискуссии по языкознанию 1950 года) // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 135–156.

Citation: Druzhinin P. A. (2024) How the Kursk-Oryol Dialect Became the Basis of the Russian National Language (On the History of the 1950 Linguistics Debate). *Slověne*, Vol. 13, № 2, p. 135–156.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.2.05

литературном языке вплоть до развенчания культа личности. История появления этого термина остается неизвестной, хотя с самого начала выдвигались различные версии: первая, опубликованная в 1956 г., принадлежит В. В. Виноградову. Вслед за ним на протяжении более чем полувека выдвигались и другие; все они сводились к тому, что имело место заблуждение Сталина. Автор статьи настаивает, что термин был выработан И. В. Сталиным неслучайно, причем не был изменен под воздействием мнений даже таких авторитетов как С. И. Ожегов и В. В. Виноградов. В доказательство приводится ранее неизвестное письмо Г. Д. Санжеева по проблеме курско-орловского диалекта, которое сохраняется в архиве Сталина. Относительно самого термина автор высказывает предположение, что он происходит от неверной трактовки Сталиным или его помощниками сведений, ранее опубликованных в языковедческой литературе. В подтверждение представлен ряд положений из работ лингвистов, в том числе А. И. Соболевского и А. А. Шахматова. С опорой на эти работы делается вывод, что формулировка Сталина о курско-орловском диалекте происходит из неверной трактовки теории А. И. Соболевского о древнекиевском говоре как великорусском.

Ключевые слова

Сталин, лингвистика, курско-орловский диалект, Соболевский, Шахматов

Abstract

In 1950, during the “linguistics debate”, Joseph Stalin declared the Kursk-Oryol dialect the foundation of the Russian literary language. This statement puzzled linguists. However, due to the political situation, which did not allow this statement to be questioned, the postulate regarding the Kursk-Oryol dialect was accepted as a cornerstone of the study of the Russian literary language until the denunciation of Stalin’s cult of personality. The origins of this term remain unknown, although various theories were proposed from the outset. The first explanation, published in 1956, was suggested by Viktor Vinogradov. Following him, for over half a century, other hypotheses were put forth, all converging on the notion of Stalin’s misunderstanding. The author of this article argues that Stalin formulated the term deliberately, and that it was not changed even under the influence of even such authorities as Sergei Ozhegov and Viktor Vinogradov. As evidence, the author presents a previously unknown letter from Garma Sanjeev on the issue of the Kursk-Oryol dialect, preserved in Stalin’s archives. Regarding the term itself, the author hypothesizes that it originated from Stalin’s or his aides’ misinterpretation of information previously published in linguistic literature. To substantiate this, the article cites several points from the works of linguists, including Alexei Sobolewsky and Alexei Shakhmatov. Based on these works, the conclusion is drawn that Stalin’s formulation of the Kursk-Oryol dialect was derived from a misinterpretation of Alexei Sobolewsky’s theory, which identified the Old Kiev dialect as the proto-Great Russian dialect.

Keywords

Joseph Stalin, Kursk-Orel dialect, Linguistic Debate, Alexei Sobolewsky, Alexei Shakhmatov

Как известно, выступление И. В. Сталина 20 июня 1950 г. по вопросам языкознания принесло отечественной гуманитарной науке освобождение от марризма, но в области изучения русского языка на смену «новому учению о языке» Н. Я. Марра пришло новое учение И. В. Сталина с аксиомой о происхождении русского национального (т. е. литературного) языка от курско-орловского диалекта. Избавиться от его довлеющего воздействия на науку о русском языке удалось только после развенчания культа личности Сталина.

I.

Сперва коснемся историографии вопроса и представим ряд ранее неизвестных фактов о событиях 1950 г. Родилась теория курско-орловского диалекта 11 июля, когда И. В. Сталин ответил на смелое и важное в контексте языковедческих вопросов письмо лингвиста-монголоведа Г. Д. Санжеева, где тот указывал на спорность тезиса Сталина о том, «что после формирования литературного языка его дробление на языки уже невозможно», на что Сталин был вынужден ответить уточнением своей позиции [Алпатов 2004: 188].

В своем ответе Сталин пишет, что письмо Г. Д. Санжеева ему передали из аппарата ЦК накануне («только вчера»), т. е. 10 июля; если верить этим словам, то обдумывание и написание ответа Г. Д. Санжееву заняло у главы государства не более суток: 11 июля текст был уже закончен. При этом мы, конечно, не знаем, что происходило с письмом до того, как оно легло на стол Сталина и какие дополнительные материалы были одновременно приготовлены для автора ответа. Подлинник рукописи сохранился в сталинском архиве¹, и мы приведем его текст ниже с указанием правки в документе:

Уважаемый товарищ Санжеев!

Отвечаю на Ваше письмо с большим опозданием, так как только вчера передали мне Ваше письмо из аппарата ЦК.

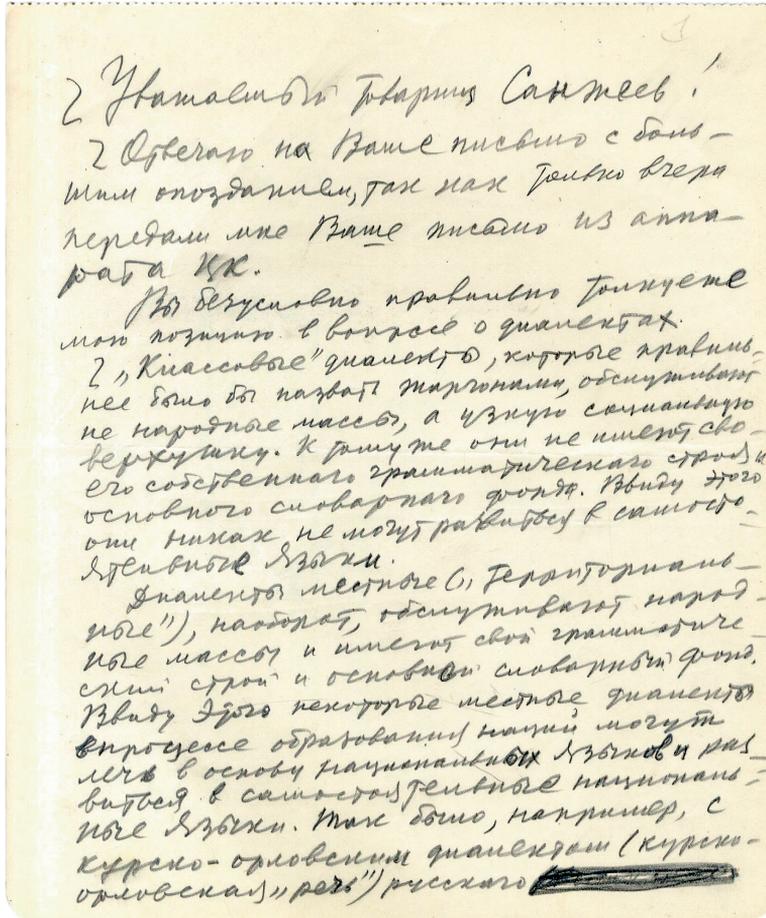
Вы безусловно правильно толкуете мою позицию в вопросе о диалектах.

«Классовые» диалекты, которые правильнее было бы назвать жаргонами, обслуживают не народные массы, а узкую социальную верхушку. К тому же они не имеют своего собственного грамматического строя и основного словарного фонда. Ввиду этого они никак не могут развиваться в самостоятельные языки².

Диалекты местные («территориальные»), наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1254. Л. 48–49.

² Первоначально в рукописи: «самостоятельный язык».

наций могут лечь в основу национальных языков³ и развиваться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская «речь») русского языка⁴, который лег в основу русского национального языка. Тоже самое нужно сказать о полтавско-киевском диалекте украинского языка, который лег в основу украинского национального языка. Что касается остальных диалектов таких⁵ языков, то они теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них.

³ Первоначально в рукописи: «национального языка».

⁴ Перед словом «языка» вымарано слово в скобках, безошибочно прочесть которое мы не смогли, но возможно, что это «(великорус-/ского)».

⁵ Слово написано поверх вымаранного «русского и украинского».

~~И~~ ² Язык, который лег в основу русского национального языка. Там же самым путем идет о пиджачно-киевском диалекте, который лег в основу украинского национального языка. Что касается гарантий диалектов, то они терпят крах вследствие государственного распада ^{этой} народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолотся в едином языке ~~и~~ ^{оживают и} дают начало образованию отдельных самостоятельных языков. ^{возможно} ^{например} что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком.

И. Сталин.

1950 г. 11 июля.

И. В. Сталин. Ответ Г. Д. Санжееву, 11 июля 1950. Автограф

Бывают и обратные процессы, когда единый язык народности, не ставшей еще нацией всилу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолотся в едином языке⁶, — оживают, и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков. Возможно, что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком.

И. Сталин.

1950 г. 11 июля.

⁶ Первоначально в рукописи: «национальном языке» (первое слово вымарано).

Имеется вероятность, что к моменту написания ответа Г. Д. Санжееву Сталин оперировал теми знаниями, которые получил в процессе написания своей основной работы. Тем более что к тому времени вопрос о ситуации в языкознании был уже решен: 1 июля 1950 г. Президиум Академии наук СССР в своем экстренном заседании принял заранее согласованное с аппаратом ЦК постановление «О состоянии центральных органов языкознания», текст которого был в тот же день формально одобрен Секретариатом ЦК ВКП(б) — И. В. Сталин на выписке из протокола начертал своей рукой «За» и расписался⁷ [воспр.: Дружинин 2024: ил. 59]; 3 июля 1950 г. этот документ был проведен уже как постановление Политбюро ЦК [Есаков 2000: 455–456].

Повторим интересующий нас фрагмент, окончательный текст которого и в рукописи, и в дальнейших публикациях ответа Г. Д. Санжееву выглядит одинаково: «..некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская “речь”) русского языка, который лег в основу русского национального языка».

После того как текст письма был перепечатан, экземпляр был отдан адресату: личный помощник вождя А. Н. Поскребышев вел непосредственную работу с лингвистами. Весть о новой теории моментально разнеслась в филологическом мире. 15 июля 1950 г. славист С. Б. Бернштейн записал в дневнике: «Появилась еще одна лингвистическая статья Сталина. Это ответ на письмо Санжеева. Пока она еще не опубликована. Вчера мне дал почитать ее Санжеев, который теперь очень возгордился. Мне кажется она наименее удачной. Странные утверждения о курско-орловской основе русского литературного языка. Решительно для всех новость. Не завидую нашим русистам» [Бернштейн С. Б. 2002: 152].

Санжеев не только ознакомил многих филологов с ответом Сталина, но даже способствовал кулуарной дискуссии у русистов. Вероятно, наиболее очевидное, что сразу могло им вспомниться в связи с такой географической характеристикой, — это данные из «Диалектологической карты» 1915 г., однако выделенная там группа так называемых южно-великорусских говоров с диссимилятивным яканьем (группа «А») хотя и распространяется на говоры в том числе Курской и Орловской губерний, но также и на уезды Тульской губернии и части Области Войска Донского; название же этой группы — «Южная, или Орловская» [Дурново 1915: 29]; да и касалось это все-таки отнюдь не «основы русского национального языка».

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1554. Л. 90.

Хотя ошибка Сталина была очевидна, ученые не имели никакой возможности игнорировать подобное утверждение, поскольку оно было изречено корифеем всех наук. Победа над марризмом стоила подобных издержек, однако скрупулезный Г. Д. Санжеев, понимавший всю сложность момента и не обладавший в таких случаях терпением промолчать, постарался предупредить последствия.

Как показал просмотр эпистолярия личного фонда И. В. Сталина, Г. Д. Санжеев написал еще одно письмо товарищу Сталину, однако сделал это тонко, адресовав обращение на имя А. Н. Поскребышева. Впрочем, цель была достигнута: письмо это все равно оказалось на столе у Сталина. Приведем его текст полностью⁸:

Уважаемый товарищ Поскребышев!

Пишу Вам это письмо в порядке информации по поводу тех разногласий, какие возникли среди ученых-русистов в связи с письмом И. В. Сталина от 11 сего июля.

Одни из русистов (например, С. И. Ожегов, основной работник по «Толковому словарю русского языка» Ушакова) предполагают, что под курско-орловским диалектом И. В. Сталин понимает речь северян времен Игоря [Святославича] Новгородского (памятники: «Слово о полку Игореве» и другие)⁹.

Другие (например, профессор Ф. П. Филин), наоборот, думают о второй половине XVI и начале XVII века, когда в районе Курска и Орла оказалось густое русское население, социальная опора Ивана IV и среда Болотникова, население, речь которого именно в этот период сильнее всего сказалась в Москве (например, в акании, а до XVI века якобы преобладало окание). К тому же XVI век — ближе ко времени образования русского и украинских национальных языков (и наций).

Наконец, третьи (например, академик В. В. Виноградов) считают, что не следует сразу же пытаться датировать курско-орловский диалект, что прежде всего следует изучить вопрос и определить, в какой степени русисты окажутся в состоянии отказаться от традиционной концепции о московской основе русского литературного, национального, языка, поскольку речь о курско-орловском диалекте всплывает для них, русистов, совершенно неожиданно.

Представители первой и второй точек зрения полагают, что отказ русистов от традиционной концепции о московском говоре русского литературного языка может оказаться осуществимым на следующей основе:

а) основными диалектами русского языка являются северные и южные (курско-орловские, в частности);

б) весьма малочисленное коренное население Москвы, первоначально весьма небольшого поселения, давным-давно было смыто последовательными волнами пришлого населения то с севера (Владимира, Суздаля и т. д.), то с юга;

⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1263. Л. 6–8.

⁹ В состав Новгород-Северского княжества в XII в. входил Курск; Орел основан только в XVI в.

в) поэтому в Москве происходило постепенное скрещение северных и южных диалектов и как бы борьба между ними, в результате чего победил курско-орловский диалект именно в XVI и в начале XVII века, но не образовался какой-то новый, московский, говор (ср. указание И. В. Сталина о том, что в результате скрещения языков получается не новый язык, а побеждает один из них).

Сообщаю Вам об этом на случай, если Вы найдете, что оно, изложенное, может оказаться небезынтересным для Иосифа Виссарионовича.

Многие русисты подзадоривали меня обратиться к И. В. Сталину с новой просьбой, чтобы он в своем письме от 11 июля, после слов «курско-орловская речь», добавил бы всего два разъясняющих слова: «такого-то века». Но академик Виноградов такое обращение считает преждевременным, не говоря уже о том, что оно, обращение, было бы проявлением с нашей стороны излишней назойливости.

Что касается содержания последнего абзаца в письме И. В. Сталина, то оно, по мнению почти всех русистов, соответственно вполне применимо к положению с диалектами единой общерусской, восточнославянской, речи эпохи распада Киевской Руси.

Что касается монголистов, от имени которых я и позволил себе побеспокоить нашего вождя своим письмом от 30 июня, то они вполне удовлетворены его разъяснением и бесконечно ему благодарны за внимание.

Наконец, товарищ Поскребышев, просим Вас помочь нам, языковедам, в одном затруднении.

Мы не можем позволить себе не сослаться на И. В. Сталина, ибо использование его мыслей без ссылки на него было бы несомненным плагиатом, если бы даже наш вождь и уступил нам свое авторство. С другой стороны, ссылка же на неопубликованный документ встретит, вероятно, препятствие со стороны Главлита. А между тем содержание письма И. В. Сталина столь существенно, что не учесть его никак не возможно.

Как нам быть?

С приветом

Г. Санжеев

24 июля 1950 г.

Судя по пометам Сталина, его внимание более всего привлекли слова о затруднительности публичного цитирования его ответа Г. Д. Санжееву и последняя вопросительная фраза. Нельзя не отказать Сталину в убежденности: он ничего не изменил в своем тексте, оставив в неприкосновенности и «курско-орловский диалект», после чего включил в «Ответ товарищам». 28 июля члены Политбюро получили следующее извещение [Илизаров 2012: 365]:

Т.т. Берия, Булганину, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Хрущеву.

Посылаю для ознакомления «Ответ товарищам» по вопросам языкознания. Прошу дать свои замечания. Если до вечера субботы не поступит от вас замечаний, буду считать ответы одобренными. Предполагаю опубликовать их в очередном номере «Большевика», выходящем 31 июля.

И. Сталин

Никаких замечаний до вечера субботы (29 июля) от соратников не поступило, и 31 июля свежий номер «теоретического и политического журнала ЦК ВКП(б) “Большевик”» открывался этой публикацией. Лингвистам ничего не оставалось, кроме как смириться с новой аксиомой. Впрочем, не только лингвисты, но и историки, археологи, этнографы вынуждены были примириться с этим тезисом и не только искать ему объяснения, но и выдвигать на этом основании новые исторические концепции [Тихонов 2015].

Отметим, что нередко дата и место первой публикации указываются ошибочно — газета «Правда» от 2 августа [Куликов 2022: 29], тогда как напечатан «Ответ товарищам» был сперва «Большевике» [Илизаров 2012: 328]. В данной связи обратим внимание и на библиографический обзор, опубликованный в 1951 г. в Мюнхене бывшим зав. кафедрой Киевского госуниверситета Л. В. Дудиным: «Основная статья и эти четыре письма были сведены в одну брошюру, размером в 55 стр., и опубликованы Госполитиздатом СССР тиражом в несколько миллионов, а затем брошюра была переведена на несколько десятков языков. Теперь эта тощая брошюра именуется книгой и официально причисляется к самым великим творениям человеческого гения» [Дудин 1951: 38].

Возможно, Сталин изначально и не предполагал печатать свои «Ответы товарищам» — тогда бы ответ Санжееву не лежал три недели без движения, а был бы напечатан ранее; однако именно замечание о том, что лингвистам необходимо иметь возможность ссылаться на живого классика, поспособствовало обнародованию.

Как показывает личный архив Сталина, мало кто осмеливался задать вопрос о новом диалекте. Едва ли не единственным филологом, кто обратился к Сталину по этому поводу, была «ассистент кафедры русского языка Воронежского пединститута Клементьева». Это — будущий доктор филологических наук Марина Васильевна Федорова (1923–2010), которая в 1942 г., будучи студенткой Казанского университета, ушла добровольно на фронт, дошла до Берлина, в 1946 г. была демобилизована и продолжила образование в Воронеже, где затем начала преподавание. Она отправила свое письмо 17 января 1951 г.¹⁰

Уважаемый Иосиф Виссарионович!

Убедительно прошу ответить Вас, на каком основании Вы считаете курско-орловский диалект основой русского национального языка?

До Вашего выступления этой основой считался московский говор.

Языковедческая литература никаких указаний не даёт, диалектологи — тоже, а студенты требуют чёткого ответа на вопрос «почему?».

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1260. Л. 75–75об.

Ответа, конечно, не последовало; к тому времени сами лингвисты пытались ответить на вопрос «почему», выявляя влияние курских и орловских говоров на русский литературный язык и доказывая сталинский тезис с различной степенью убедительности.

После XX Съезда КПСС проблематика «курско-орловского диалекта» стала терять актуальность, а 16 июня 1958 г. эта теория была низвергнута с пьедестала. В этот день в заседании общего собрания ОЛЯ АН СССР состоялся доклад С. И. Ожегова под названием «К вопросу о диалектной базе русского национального языка»¹¹:

Доклад С. И. Ожегова был посвящен одной из актуальнейших проблем истории русского языка. Как известно, в 1950 г. И. В. Сталин в ответе Г. Д. Санжееву о развитии территориальных диалектов высказал мысль о том, что в основе русского языка лежит курско-орловский диалект. Хотя выдвижение этой гипотезы, указывает докладчик, и не сопровождалось какими-нибудь лингвистическими или историческими аргументами, перспектива открытий в области менее изученного русского юга стала очень привлекательной и для лингвистов и для историков. Однако попытки обосновать новую гипотезу нельзя назвать успешными. В этих попытках искомое представлялось уже заранее данным, новые лингвистические материалы не привлекались, а изображение исторических процессов развития русского народа не было основано на анализе всесторонних данных. Большинство занимавшихся этой проблемой опору для подтверждения гипотезы искало в истории населения курско-орловской территории [...]

Докладчик считает, что гипотеза о курско-орловской основе национального языка не могла получить научного обоснования потому, что она не имеет почвы в реальном историческом процессе. В противном случае не было бы надобности прибегать к установлению прямой преемственной связи между курско-орловским диалектом и племенными восточно-славянскими диалектами, к чему в явной или скрытой форме склонялись сторонники гипотезы; к аргументации великорусским языковым материалом вместо курско-орловского, специфических структурных черт которого явно нет в национальном языке; к одностороннему, явно тенденциозному признанию особо выдающейся роли южновеликорусского юга и главным образом курско-орловского района в момент формирования нации, независимо от того, каким временем датировался этот момент [Козлов 1958: 474–475].

¹¹ Оговоримся, что постоянное употребление термина «национальный язык» применительно к литературному диктовалось исключительно формулировкой Сталина, которая восходила к лингвистическим работам 1930-х гг., где «по недостаточности прочно установившейся терминологии» понятия «общий», «национальный», «литературный» язык были синонимами [Жирмунский 1936: 6]. Но поскольку Сталин выбрал именно этот термин, то лингвистам формально было невозможно от него отойти. То есть при обсуждении сталинских установок ученые вели речь именно о русском литературном языке.

Отделение поддержало докладчика, а В. Н. Сидоров счел «вопрос о курско-орловском диалекте, как базе национального языка, случайным эпизодом в истории нашего языкознания» [Козлов 1958: 476].

Вероятно, в 1958 г. хотелось бы забыть об этом эпизоде в истории языкознания, однако загадка «курско-орловского диалекта» волновала как современников дискуссии по языкознанию, так и следующие поколения лингвистов.

Еще 16 июня 1958 г. «акад. В. В. Виноградов высказал мнение, что гипотеза о курско-орловской диалектной базе национального русского языка могла возникнуть в связи с тем, что завершение формирования русского национального языка относилось к середине XIX в., а в это время развернулась деятельность тех влиятельных русских писателей, которые происходят, по рождению, из курско-орловского края» [Козлов 1958: 476].

В дальнейшем эта версия была усилена цитатой из М. Горького («Почти все классики и многие крупные писатели наши были уроженцами Тульской, Орловской и других, соседних с Московской, губерний») и переродилась в устах Ю. М. Лотмана в ее военно-литературный вариант: «Эта идея, смешавшись с военными впечатлениями от орловско-курского направления (1943 г.), дала основание странной концепции о происхождении русского языка из никогда не существовавшего орловско-курского диалекта, концепции, доставившей лингвистам в свое время много затруднений» [Лотман 1993: 184]¹². В 1978 г. Ю. М. Лотман изложил свои мысли в статье «История одной концепции», которая до сих пор сохраняется среди бумаг ученого [Трунин 2020: 114]. Впрочем, эта версия лингвистам не казалась основательной, что, возможно, стало и одной из причин, по которым статья Ю. М. Лотмана так и не была опубликована.

Собственно, к 1990-м гг. ученые уже смирились с тем, что причину такого термина установить не удастся, почему в 1991 г. В. М. Алпатов и высказался про него вполне определенно: «Откуда он взялся — неясно» [Алпатов 2004: 189]. В переиздании появляется комментарий: «Мне известны две гипотезы о происхождении высказывания про курско-орловский диалект. Наиболее известна версия, восходящая к В. В. Виноградову: Сталин неадекватно понял высказывание М. Горького о том, что во второй половине XIX в. главными хранителями русского литературного языка были писатели-орловцы (Тургенев, Лесков, Бунин

¹² Оговоримся, что здесь налицо не совсем верная с лингвистической точки зрения формулировка: у Сталина все-таки речь шла скорее о диалектной основе норм литературного («национального») языка, а не о прямом происхождении русского языка из курско-орловского диалекта.

и др.). Лингвист Л. И. Куликов, однако, высказал другую гипотезу: в “курско-орловском диалекте” в связи с его географическим расположением Сталин увидел аналог франкского диалекта, о котором писал Ф. Энгельс» [Алпатов 2004: 246].

Последняя гипотеза была недавно обнаружена [Куликов 2022]: формулировка Сталина объясняется влиянием работы Энгельса «Франкский диалект», но не столько самой работы, сколько совпадением ареала франкских диалектов на карте Германии с территорией на карте РСФСР: «И Курская с Орловской области, и центральная подгруппа франкских диалектов занимают центрально-юго-западную часть соответствующих территорий (соответственно, европейской части РСФСР и Германии). Не в этом ли ключ к разгадке возникновения “курско-орловского диалекта”? Не возник ли “курско-орловский диалект” как результат такой проекции?» [Куликов 2022: 41]. Доказывается же гипотеза тем, что «Сталин любил и хорошо знал географические карты: об этом есть многочисленные свидетельства» [ibid.].

Эти версии, которые сводятся к невольной ошибке Сталина, входят в противоречие с ранее неизвестным письмом Г. Д. Санжеева: как мы видим, Сталин принципиально остался верен своей формуле, а для такой убежденности должно быть что-то более весомое, нежели карта Франконии или воспоминания о военных операциях Красной Армии.

Поскольку Сталин стал лингвистом-любителем незадолго до своего выступления, вряд ли у него был накоплен багаж лингвистических знаний, поэтому следует задуматься, откуда в первой половине 1950 г. он мог черпать языковедческие сведения? Источников несколько: литература по языкознанию, беседы (в том числе с А. С. Чикобавой; о других личных встречах мы доподлинно ничего не знаем), а также материалы и выписки, которые готовились секретариатом.

В связи с этим нужно сделать важную ремарку. В «Большевике» после «Ответа товарищам» идет статья бывшего главы Агитпропа ЦК, академика Г. Ф. Александрова «Новый выдающийся вклад в сокровищницу ленинизма» [Александров 1950], которую исследователи единодушно игнорируют; за исключением Б. С. Илизарова, упомянувшего, что в том же номере «помещена словоблудная статья одного из руководителей пропагандистского аппарата» [Илизаров 2012: 365]. Однако статья представляет интерес.

Дело в том, что в числе разбираемых там сталинских работ оказывается и «Ответ товарищам», который впервые был напечатан в том же номере. Из-за этого «статья эта явилась своего рода сенсацией в Москве» [Дудин 1951: 39], поскольку «Это был случай совершенно необычный для советских условий, но доказывал, что Александров был

одним из советников Сталина при составлении последним работ по языкознанию» [Ibid.]. Нам сложно подтвердить или опровергнуть такое утверждение, однако то, что Г. Ф. Александров ознакомился с «Ответом товарищам» еще в рукописи, — безусловно. Не обходит автор и интересующий нас вопрос, утверждая, что Сталин представил курско-орловский диалект в качестве основы русского национального языка, «опираясь на громадный фактический материал по истории языков» [Александров 1950: 27].

Налицо возможность участия этого партийного деятеля в обсуждении сталинских работ до публикации; при этом Г. Ф. Александров не был лингвистом, однако был и гуманитарием, и компилятором, и даже (как показала «Философская дискуссия» 1947 г.) плагиатором: «Впоследствии, в 1956 г., когда Александрова обвинят в пособничестве Сталину и его приспешникам, вспомнят, что он пользовался не только советами, но и текстами своих помощников» [Батыгин 1991: 103]. То есть нисколько не исключено, что тот же Г. Ф. Александров, участвуя в обсуждении далеких от его специальности вопросов, мог неверно представить какой-либо лингвистический факт, ухватившись за его созвучность патриотическим настроениям вождя.

Еще один важнейший источник сведений об истории языка — литература вопроса; любовь Сталина к книгам общеизвестна: обильное и постоянное чтение сопровождало его долгие годы, его личная библиотека простиралась до 20 тыс. томов, читал он быстро и очень много. Наиболее очевидным видится нам иной путь получения Сталиным книг по вопросам языкознания, нежели использование своей рабочей библиотеки. Поскольку собственно лингвистика вождя ранее не интересовала, он должен был в данном случае действовать иным способом, который использовал постоянно: через А. Н. Поскребышева вождь заказывал подборки книг по интересующим вопросам, «эти книги ему привозили пачками из главных государственных библиотек» [Медведев 2001: 265]. Подборки эти, особенно в неведомых Сталину областях, формировались не в Кремле, а в Библиотеке им. В. И. Ленина — библиографами, исходившими из тематики запроса. А значит, они содержали различные книги и справочные пособия, подобранные по главному систематическому каталогу библиотеки.

То есть Сталин не сам изобрел «курско-орловский диалект», а где-то почерпнул сведения о нем: либо из книг, либо от собеседников, которые, учитывая вездливость главы государства при постижении любых интересующих его областей, должны были сами предварительно протудировать соответствующую литературу.

II.

Мы предполагаем, что источником сталинского тезиса о курско-орловском диалекте как основе русского национального (= литературного) языка явилась научная концепция, которая была сформулирована в конце XIX в. выдающимся специалистом по истории русского языка А. И. Соболевским.

Одной из важных идей 1880–1890-х гг., которую ученый отстаивал в полемике с современниками, была гипотеза о близости древнекиевского говора скорее к говорам великорусским, чем к малорусским. В 1883 г. А. И. Соболевский напечатал в киевских «Университетских известиях» докторскую диссертацию «Очерки из истории русского языка», где утверждал, что «древний киевский говор [...] принадлежал к числу великорусских говоров. Что касается до говора древних северян, занимавших южную Русь на восток от Днепра, то их говор был предком того говора, на котором говорят теперь их прямые потомки — великоруссы, живущие в Черниговской, Курской и Орловской губерниях» [Соболевский 1883: 68–69]; отдельное издание книги (1884) не претерпело никаких изменений (книга печаталась с того же набора) [Соболевский 2004: 68–69].

Эта теория критически была встречена на диспуте, который проходил в беспокойной обстановке [Крымский 1904: 8]. А. А. Потеня тогда подверг сомнению тезис, что «древний киевский говор был совершенно отличен от древнего галицко-волынского наречия и принадлежит к числу великорусских», причем, зная характер А. И. Соболевского, прозорливо предположил, что «Такое предположение, закинутое далеко наперед более основательных фактических исследований, по свойственной людям склонности настаивать на своем, может дать одностороннее пристрастное направление будущим работам» [Потеня 1896: 4].

В том же 1884 г. возразил и И. В. Ягич, который счел выделение киевского говора неверным: «Нет данных для исключения говора киевского из той же области, т. е. из сплошной почвы южнорусского наречия, распространявшегося уже тогда несомненно до Днепра» [Ягич 1884: 99].

В 1885 г. А. И. Соболевский ответил И. В. Ягичу в рецензии «Источники для знакомства с древнекиевским говором» [Соболевский 2006: 443–449], перечислив и памятники «киевского говора домонгольской эпохи» — Мстиславу (Юрьеву) грамоту 1130 г., Изборник Святослава 1073 г., Изборник 1076 г., два произведения Нестора Летописца — «Житие Феодосия Печерского» и «Чтение о Борисе и Глебе», Триодь Моисея Киянина (он ее считал «Триодью Моисея Киевлянина»). Заключал же следующим: «Основываясь на памятниках, мы считаем для себя

возможным остаться при нашей гипотезе о большей близости древнекиевского говора к говорам великорусским, чем к малорусским» [Соболевский 2006: 449].

Отчасти по причине стойкого сопротивления коллег, в «Лекциях по истории русского языка» (1888) он выразился осторожней: «О древнем киевском говоре, говоре полян, мы имеем крайне скудные сведения. Самые авторитетные памятники этого говора — Мстиславова грамота 1130 г., два Сборника Святославовых 1073 г. и 1076 г. и Триодь Моисея киевлянина [!] XII–XIII в.» [Соболевский 1888: 36]. Говоря о времени существования этого говора, он пишет, что следы его «теряются очень рано, в XII–XIII в., и трудно определить, насколько он пережил страшный погром Батыя. Памятники после-татарского времени, XIV–XV в., писанные в Киеве, не дают нам ясных указаний [...] Во всяком случае, если древний киевский говор еще сохранялся до XV века, нашествия Эдигея и Менгли-Гирея на Киев и вообще частые вторжения крымской орды в киевскую область должны были уменьшить число говоривших им настолько, что они уже не могли устоять против ассимиляции с многочисленными выходцами из Волыни, Подолья и Галичины...» [Соболевский 1888: 199]. Как писал его пристрастный оппонент А. Е. Крымский, «Если он и сделал уступку в своем мнении, то самую небольшую [...] Во всяком случае нынешнее малорусское наречие Киевщины г. Соболевский продолжает считать за пришлое, не происходящее от старокиевского: то исчезло-де бесследно» [Крымский 1904: 9]. Причем число памятников, которые А. И. Соболевский относил к древнекиевским, в «Лекциях» даже увеличено: указаны и Пандекты Антиоха IX в. («писанные едва ли не в Киеве»), Мстиславово Евангелие («написано, вероятно, в Киеве»), Юрьевское евангелие («написанное, вероятно, тоже в Киеве»).

Вероятно, роль в выдвижении этой теории, в том числе выявление в языке памятников «древнекиевского говора» близости к великорусскому (еще до того, как древнерусский язык распался на русский, украинский и белорусский) сыграли и политические убеждения; оппонент А. И. Соболевского писал и более резко о его отношении к малорусской речи, что «вся она слишком мало отличается от великорусской и не заслуживает имени “языка”» [Крымский 1904: 15]). Это, по-видимому, опровергает тезис о том, что крайне правые воззрения А. И. Соболевского не отражались на ученых занятиях: «Как кажется, если не считать довольно решительной позиции слависта в отношении украинского сепаратизма, присущая ему тенденциозность в социальных и национальных конфликтах, раздиравших тогдашнюю империю, никак не проявилась в его академических занятиях» [Буланин 2019: 17].

В 1897 г. А. И. Соболевский публикует статью «Из истории русского языка», в которой он касается в том числе языковых отличий «памятников, так или иначе связанных с Киевом» и отмечает, что «по-видимому, переход мягких **к** и **г** в **т** и **д** — одна из особенностей киевского говора XII–XVI веков». Однако для нас наибольший интерес представляет вывод лингвиста: «Судя по этим особенностям, старый киевский говор был из нынешних говоров особенно близок к говорам Орловской и Курской губерний, которые, по всей вероятности, до движения в Северщину малорусов занимали всю ее территорию. Но он едва ли был чистым русским говором. Трудно сказать, был он переходным от великорусского наречия к малорусскому [...] или (для XV–XVI вв.) говором смешанным. Во всяком случае, позднейшие памятники киевского говора имеют примесь малорусских особенностей» [Соболевский 2006: 199].

Интересно, что А. А. Шахматов в работе «К вопросу об образовании русских наречий», частично принимая соображения Соболевского о киевском говоре, пишет:

Позднейшее общерусское значение Киева создано, как об этом ясно свидетельствует история, не одними полянами: оно создано, а вернее создавалось несколько раз политическим союзом, завязавшимся на севере при помощи варягов. Этим исключительным положением Киева в значительной степени объясняется то исключительное среди русских других племен положение полян [...] Оно же объясняет нам, почему некоторые древние памятники, писанные в Киеве, не содержат тех резких диалектических особенностей, которыми отличаются памятники новгородские или даже соседних с Киевом городов деревской, волынской, может быть, даже самой польской земли: очевидно, в обще-русском городе создано такое наречие, которое утратило или сгладило наиболее резкие диалектические черты. Мы увидим ниже, как с течением времени создано подобное наречие, получившее значение общерусского языка, в Москве — одной из преемниц политической роли Киева. Доказательства того, что в Киеве говорили иначе, чем в соседних южнорусских городах, у нас налицо: они представляются настолько значительными, что побудили лучшего исследователя истории русского языка А. И. Соболевского сначала допустить в Киеве присутствие велико-руссов, а впоследствии — одного из тех племен, которые со временем образовали великорусское племя. Отмечу, словарный состав наших киевских летописей также доказывает смешанный характер киевского говора [...] Несомненно, что на говоре князей и дружины, имевших обще-русский характер, благодаря постоянным их передвижениям, еще яснее должно было отразиться влияние разных русских наречий [Шахматов 1899а: 345].

Сделанный после этого А. Е. Крымским вывод, что «гипотеза о великорусскости старых киевлян уже погребена: от нее отказались и г. Соболевский и г. Шахматов» [Крымский 1904: 107] оказался поспешным:

приведенные выше тезисы о древнекиевском говоре [Соболевский 1888: 38, 199] повторяются практически без изменений даже в серьезно переработанных третьем (1903) и четвертом (1907) издании его «Лекций» [Соболевский 2004: 38, 284]. А в статье «Древнекиевский говор» (1905) он пишет: «А ргіогі можно сказать, что язык Киевской Руси домонгольской эпохи был близок к языку Дреговицкой и Северной областей» [Соболевский 2006: 230], настаивая, что «вообще нет никаких оснований считать древнекиевский говор тождественным или близко родственным с древним галицко-волынским говором. Напротив того, необходимо видеть в древнекиевском говоре один из говоров, близких к соседним говорам белорусско-великорусского типа [...], хотя — быть может — с некоторыми собственными мелкими чертами» [Соболевский 2006: 234].

Также нужно обратиться к тому источнику, к которому, по-видимому безусловно, обращались как сам Сталин, так и его собеседники. Речь об Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона, поскольку это издание сохраняло свое значение в качестве основополагающего настольного справочника в течение всего XX в. Здесь в томе «Россия» помещена статья А. А. Шахматова «Русский язык» [Шахматов 1899б], которая излагает концепцию происхождения русского языка, как она представлялась Шахматову в конце 1890-х гг. Эта статья, рассчитанная на широкий круг читающей публики, имеет важные особенности: «Под русским языком Шахматов понимает, во-первых, восточнославянскую группу языков, т. е. языки русский, украинский и белорусский (в рассматриваемой терминологии — “великорусский”, “малорусский” и “белорусский”) в их совокупности. Во-вторых, русский язык — это один из трех восточнославянских языков “великорусский язык”. И, наконец, в-третьих, — это “культурный язык великорусского племени, получивший значение языка государственного”. В связи с многозначностью термина “русский язык” наблюдается у Шахматова неустойчивость в употреблении терминов “язык” и “наречие”: он говорит то о “великорусском” (или “русском”), “малорусском” (или “украинском”), и “белорусском языках”, то о “великорусском”, “малорусском” и “белорусском наречиях» [Бернштейн С. И. 1941: 19]. Подобное, впрочем, характерно для ученого: «А. А. Шахматов не всегда с полной точностью употреблял термины: племя, народность, народ и нация, но смутное разграничение соответствующих исторических категорий и понятий все же ощутимо в его лингвистических построениях» [Виноградов 1948: 6].

Описанная терминологическая картина представляла читателям Словаря Брокгауза-Ефрона, не имевшим лингвистической подготовки,

необычно широкие возможности как для трактовки понятия «русский язык», так и, следственно, определения ареала его распространения. В данном случае важно, что русский литературный язык берет свое начало «конечно, в Киеве» [Шахматов 1899б: 580], и, что имеет при рассмотрении нашего вопроса более существенное значение, говоря в этой статье о «южно-великорусском наречии», А. А. Шахматов упоминает, что «в Черниговской, Курской и части Орловской губ. сохранились древние северские говоры, в первой — в смешении, а во второй — в соседстве с малорусскими» [Шахматов 1899б: 568].

Итак, «Колыбелью русского литературного языка является, по Шахматову, Киев. “Первые попытки писать по-церковно-славянски были сделаны, конечно, в Киеве” [...] В Киеве к X веку сложился общий язык, “который стал бы общерусским, если бы Киев сохранил свое общерусское значение”. Этот народный русский язык, т. е. городской разговорный язык, вскоре после возникновения древнерусской письменности, проникает и в сферу письменного словесного обучения: “В скором времени, — пишет Шахматов, — русский язык получил доступ и в самостоятельную, зародившуюся в центре русской земли, письменность: летописи, исторические сказания и юридические акты [...]” По мнению А. А. Шахматова, в великорусских государственных центрах, в начале их зарождения, также употребляется этот киевский государственный язык. “Когда роль Киева для известной части русской земли перешла к Владимиру, а затем, со второй четверти XIV в., к Москве, туда перенеслись и памятники киевской литературы, а также, вероятно, тот городской язык, которым в Киеве говорили духовенство”» [Виноградов 1948: 18]. Теория эта отражена и в другой статье Энциклопедического словаря — «Великоруссы» Д. Н. Анучина: «Изучение древнейших южно-русских памятников XII[!]-XV вв. доказывает даже (по словам проф. Соболевского), что “древний киевский говор был великорусский” и что “нынешнее малорусское население мест, ближайших к Киеву, как и всей страны к востоку от Днепра — пришлое...”» [Анучин 1892: 830].

Подводя итог нашим наблюдениям, мы бы хотели сформулировать собственную версию происхождения термина 1950 г. Вернемся к словам И. В. Сталина: «...некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская “речь”) русского языка, который лег в основу русского национального языка».

Исходя из того, что

а) А. И. Соболевский считал древнекиевский говор одним из диалектов древнерусского (общевосточнославянского) языка, и у нелингвиста могло сложиться неверное впечатление, что этот говор и есть язык так называемой Киевской Руси (в более нейтральном термине — Русской земли [Горский 2014]);

б) А. И. Соболевский причислял ряд выдающихся произведений древнерусской письменности, включая Изборник Святослава 1073 г., к памятникам «древнекиевского говора»;

в) А. И. Соболевский утверждал, что «старый киевский говор был из нынешних говоров особенно близок к говорам Орловской и Курской губерний»,

сама идея Сталина, что язык древнейших памятников письменности развился в курско-орловский диалект русского языка, как будто даже вполне обоснована. В значительной мере простоте такого хода мысли способствовала как широта понятия «русский язык», заложенная в общеизвестной статье А. А. Шахматова, так и упрощенное понимание Сталиным вопросов истории языка. Возможность же заявить о том, что язык Киевской Руси был некогда великорусским, а не украинским, была созвучна его великодержавным настроениям, тем более что формально это подтверждалось трудами «лучшего исследователя истории русского языка А. И. Соболевского» [Шахматов 1899а: 345].

Сокращенные названия архивов

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

Библиография

Александров 1950

Александров Г. Ф., Новый выдающийся вклад в сокровищницу ленинизма (О трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания), *Большевик*, 14, 1950, 24–38.

Алпатов 2004

Алпатов В. М., *История одного мифа: Марр и марризм*, изд. 2-е, доп., Москва, 2004.

Анучин 1892

Анучин Д. С., Великоруссы, *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*, 5а, С.-Петербург, 1892, 828–843.

Батыгин 1991

Батыгин Г. С., Советская социология на закате сталинской эры: несколько эпизодов, *Вестник АН СССР*, 10, 1991, 90–107.

- Бернштейн С. И. 1941
Бернштейн С. И., А. А. Шахматов как исследователь русского литературного языка, А. А. Шахматов, *Очерк современного русского литературного языка*, изд. 4-е, Москва, 1941, 3–55.
- Бернштейн С. Б. 2002
Бернштейн С. Б., *Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи*, Москва, 2002.
- Буланин 2019
Буланин Д. М., Лекционный курс А. И. Соболевского о древнерусской переводной литературе, А. И. Соболевский, *Древнерусская переводная литература: Курс лекций*, С.-Петербург, 2019, 5–38.
- Виноградов 1948
Виноградов В. В., Русский литературный язык в исследованиях А. А. Шахматова, *Ученые записки МГУ*, 128: *Труды кафедры русского языка*, 1, 1948, 3–34.
- Горский 2014
Горский А. А., Политическое развитие Средневековой Руси: проблемы терминологии, *Средневековая Русь*, 11, Москва, 2014, 7–12.
- Дружинин 2024
Дружинин П. А., *Как был основан Институт русского языка Академии наук*, Москва, 2024.
- Дудин 1951
Градобоев Н., доц. [Дудин Л. В.], Сталин дополняет марксизм, *Вестник Института по изучению истории и культуры СССР*, 1, 1951, 38–50.
- Дурново 1915
Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, сост., Д. Н. Ушаков, ред., *Труды Московской диалектологической комиссии*, 5, Москва, 1915.
- Есаков 2000
Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС, 1922–1991, 1: 1922–1952, В. Д. Есаков, сост., Москва, 2000.
- Жирмунский 1936
Жирмунский В. М., *Национальный язык и социальные диалекты*, Ленинград, 1936.
- Илизаров 2012
Илизаров Б. С., *Почетный академик Сталин и академик Марр*, Москва, [2012].
- Козлов 1958
Козлов С. И., Общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР, *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*, 17/5, 1958, 473–481.
- Крымский 1904
Крымский А. Е., Филология и погодинская гипотеза. Дает ли филология малейшие основания поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевского о галицко-волынском происхождении малоруссов, *Киевская старина*, 36, 1904.
- Куликов 2022
Куликов Л. И., Сталин и «курско-орловский диалект»: к истории одной лингвистической загадки, *Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология*, 72, 2022, 29–45.
- Лотман 1993
Лотман Ю. М., Два устных рассказа Бунина. (К проблеме «Бунин и Достоевский»), *Idem, Избранные статьи*, 3, Таллинн, 1993, 172–184.
- Медведев 2001
Медведев Р. А., Личная библиотека «корифея всех наук», *Вестник Российской академии наук*, 3, 2001, 264–267.

Потебня 1896

Потебня А. А., *Отзыв о сочинении А. Соболевского «Очерки из истории русского языка»*, 1, Киев, 1884 г., [Подгот. к печ. Б. М. Ляпунов], С.-Петербург, 1896.

Соболевский 1883

Соболевский А. И., Очерки из истории русского языка, 1, *Университетские известия*, 10, 1883, 1–24; 11, 1883, 25–64; 12, 1883, 65–80.

——— 1888

Соболевский А. И., *Лекции по истории русского языка*, Киев, 1888.

——— 2004

Соболевский А. И., *Труды по истории русского языка*, 1, предисл. и коммент. В. Б. Крысько, Москва, 2004.

——— 2006

Соболевский А. И., *Труды по истории русского языка*, 2, сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько, Москва, 2006.

Тихонов 2015

Тихонов В. В., В поисках курско-орловского диалекта древнерусской народности: дискуссия 1950 года по языкознанию и изучение древнерусской народности в советской исторической науке, *Вестник Удмуртского университета: История и филология*, 25/4, 2015, 58–62.

Трунин 2020

Trunin M., Jurij Lotman à propos du dialecte de Kursk-Orel: aux origines de la célèbre faute du Staline-linguiste, Вельмезова Е., ред., *Дискуссия по вопросам языкознания 1950 года: 70 лет спустя* (= Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia, 2), Москва, 2020, 109–117.

Шахматов 1899а

Шахматов А. А., К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей, *ЖМНП (Журнал министерства народного просвещения)*, 322/4, 2, 1899, 324–384.

——— 1899б

Шахматов А. А., Русский язык. Россия, 10: Русский язык и русская литература, *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*, 28/55, С.-Петербург, 1899, 564–581.

Ягич 1884

Ягич И. В., *Четыре критико-палеографические статьи*, С.-Петербург, 1884.

References

Aleksandrov G. F., Novyi vydaiushchiisa vklad v sokrovishchnitsu leninizma (O trudakh I. V. Stalina po voprosam iazykoznaniiia), *Bol'shevik*, 14, 1950, 24–38.

Alpatov V. M., *Istoriia odnogo mifa: Marr i marxizm*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Batygin G. S., Sovetskaia sotsiologiia na zakate stalinskoj ery: neskol'ko epizodov, *Vestnik AN SSSR*, 10, 1991, 90–107.

Bernstejn S. I., A. A. Shakhmatov kak issledovatel' russkogo literaturnogo iazyka, A. A. Shakhmatov, *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka*, 4th ed., Moscow, 1941, 3–55.

Bernstein S. B., *Zigzagi pamiaty: Vospominaniia. Dnevnikovye zapisi*, Moscow, 2002.

Bulanin D. M., Lektsionnyi kurs A. I. Sobolevskogo o drevnerusskoj perevodnoi literature, A. I. Sobolevsky, *Drevnerusskaia perevodnaia literatura: Kurs lektsii*, St. Petersburg, 2019, 5–38.

Vinogradov V. V., Russkii literaturnyi iazyk v issledovaniakh A. A. Shakhmatova, *Uchenye zapiski MGU*, 128: *Trudy kafedry russkogo iazyka*, 1, 1948, 3–34.

Gorsky A. A., Political development of Medieval Rus': the problems of terminology, *Srednevekovaiia Rus'*, 11, Moscow, 2014, 7–12.

Druzhinin P. A., *Kak byl osnovan Institut russkogo iazyka Akademii nauk*, Moscow, 2024.

Gradoboev N. <Dudin L.>, Stalin Amends Marxism, *Magazine of the Institute for the Study of the History and Institutions of the USSR*, 1, 1951, 38–50.

Esakov V. D., ed., *Akademiia nauk v resheniiakh Politbiuro TsK RKP(b)–VKP(b)–KPSS, 1922–1991*, 1: 1922–1952, Moscow, 2000.

Zhirmunsky V. M., *Natsional'nyi iazyk i sotsial'nye dialekty*, Leningrad, 1936.

Ilizarov B. S., *Pochetnyi akademik Stalin i akademik Marr*, Moscow, [2012].

Kozlov S. I., *Obshchee sobranie Otdeleniia literatury i iazyka AN SSSR, Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*, 17/5, 1958, 473–481.

Kulikov L., Stalin and the dialect of the Kursk-Orel region: notes on the history of a linguistic enigma, *St. Tikhon's University Review. 3: Philology*, 72, 2022, 29–45.

Lotman Yu. M., Dva ustnykh rasskaza Bunina. (K probleme «Bunin i Dostoevskii»), *Idem, Izbrannye stat'i*, 3, Tallinn, 1993, 172–184.

Medvedev R. A., The Private Collection of the “Coryphaeus of All Sciences”, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 3, 2001, 264–267.

Sobolevskiy A. I., *Trudy po istorii russkogo iazyka*, 1, Moscow, 2004.

Sobolevskiy A. I., *Trudy po istorii russkogo iazyka*, 2, Moscow, 2006.

Tikhonov V. V., Looking for Kursk-Orlovsky Dialect of Old Russian Nationality: Discussion of 1950 Year on Linguistics and Study of Old-Russian Nationality in the Soviet Historical Science, *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 25/4, 2015, 58–62.

Trunin M., Jurij Lotman à propos du dialecte de Kursk-Orel: aux origines de la célèbre faute du Staline-linguiste, E. Velmezova, ed., *The Linguistic Discussion of 1950: 70 Years Later* (= *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia*, 2), Moscow, 2020, 109–117.

Петр Александрович Дружинин,

кандидат исторических наук,

старший научных сотрудник

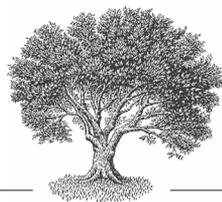
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия / Russia

petr@druzhinin.ru

Received December 3, 2023

Отпричастные *-ши-*
формы в двух
псковских и одном
смоленском говорах:
сопоставление
подсистем*

Participial *shi*-forms
in Two Pskov and
One Smolensk
Dialects:
A Comparison of
Subsystems

**Мария Вадимовна
Ермолова**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Maria V. Ermolova

Vinogradov Institute for Russian
Language
of the Russian Academy of Sciences,
HSE University,
Moscow, Russia

Георгий Алексеевич Мороз

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

George A. Moroz

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

В статье сопоставляется функционирование *-ши-*форм (типа *оставши*) в двух псковских говорах (говоре близко расположенных деревень Западнодвинского района Тверской области и одном опочечком говоре) и в смоленских

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01097, <https://rscf.ru/project/24-28-01097/>

Цитирование: Ермолова М. В., Мороз Г. А. Отпричастные *-ши-*формы в двух псковских и одном смоленском говорах: сопоставление подсистем // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 157–183.

Citation: Ermolova M. V., Moroz G. (2024) Participial *shi*-forms in Two Pskov and One Smolensk Dialects: A Comparison of Subsystems. *Slověne*, Vol. 13, № 2, p. 157–183.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.2.06

говорах Хиславичского района Смоленской области. В псковских говорах эти формы выступают в разных предикативных функциях: они не только встречаются в составе так называемого перфекта, но и используются для обозначения продолжительного действия, а также фактически в качестве главного предиката в обстоятельственной клаузе. Смоленские говоры отличаются от псковских прежде всего частотностью употребления *-ши*-форм. Учитывая меньшую развитость в них архаических предикативных функций, *-ши*-форм вне результативных употреблений, а также значительно больший процент атрибутивных употреблений, можно сделать вывод о постепенной потере причастием предикативности и, следовательно, начавшемся разрушении категории перфекта. Это разрушение сопровождается, однако, не «неправильным», нерезультативным употреблением *-ши*-форм в качестве *-л*-форм и не лексикализацией *-ши*-форм, а повышением доли атрибутивных употреблений и общим снижением частотности форм.

Ключевые слова

северо-западный перфект, русские диалекты, результатив, *-ши*-формы

Abstract

The paper compares the functioning of the *shi*-forms in two Pskov dialects and one Smolensk dialect. Participial forms have different predicative functions in the Pskov dialects: they are not only used as part of the so-called perfect, but also to designate a continuous action and as a main predicate in the adverbial clause. The Smolensk dialect differs from Pskov dialects, first of all, as to the frequency in the use of the *shi*-forms. Taking into account the lesser development of the archaic predicative functions of the *shi*-forms outside of the resultative use and considering the larger percentage of the attributive use in the Smolensk dialect we can conclude that the *shi*-forms there are gradually losing predicativity and that the perfect as a grammatical category is in the state of deterioration. However, this deterioration is not accompanied by the “incorrect”, non-resultative use of the *shi*-forms as *l*-forms and the lexicalization of the *shi*-forms, but rather by an increase of their attributive use and a general decrease in their frequency.

Keywords

North-Western perfect, Russian dialects, resultative, *shi*-forms

0. Вводные замечания

Как известно, русские западные говоры (северо-западные в большей степени, юго-западные в меньшей) характеризуются наличием так называемого нового (от)причастного перфекта на *-ши*- и/или *-но/-то-* (см., например, [Кузьмина, Немченко 1971: карта 4]). В частности, употребление этих форм распространено в псковских и смоленских говорах [Ibid.: Захарова, Орлова 2004: 126, 149–150]. Существует множество различных типов (от)причастного перфекта: в зависимости от

соотношения форм на *-ши-* и *-но/-то-* (в говоре могут активно употребляться оба типа форм или преобладать только один), от того, как выражается субъект/объект, от переходного или непереходного глагола образуется форма и проч. (см. [Кузьмина, Немченко 1971]). При этом различия в употреблении как наблюдаются в разных группах говоров (см. [Ibid.; Трубинский 1984]), так и, как будет показано ниже, могут характеризовать разные говоры внутри одной группы. Несмотря на крупнейшие труды [Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1984], представляющие собой «энциклопедию по синтаксису причастий в русских говорах» [Дьяченко et al. 2020: 54], актуальным является детальное описание частных систем и их сопоставление друг с другом. Представляется, что при большем количестве накопленного материала это позволит в будущем лучше понять грамматическую семантику изучаемых форм, проследить пути эволюции их грамматического значения, определить первичность/вторичность различных функций (от)-причастных форм и предсказать их дальнейшее развитие.

В настоящей статье описывается синтаксис и грамматическая семантика *-ши-*форм¹ в одном псковском говоре близко расположенных деревень (Шетнево, Макеево, Щелкино, Степаньково) Западнодвинского района Тверской области (далее — Мак.), находящимся на границе со смоленскими говорами, и в смоленских говорах Хиславичского района Смоленской области (далее — Хис.). Полученные данные сопоставляются с данными одного опочецкого говора Псковской области (далее — Оп.), описанным в [Дьяченко et al. 2020; Ермолова 2022], с привлечением еще не опубликованного материала.

По употреблению *-ши-*форм говоры Мак. близки к говору Оп. (хотя некоторые различия в функционировании есть): в них категория перфекта хорошо развита, результативные употребления причастий значительно преобладают над нерезультативным употреблением. В Хис. же у грамматической категории перфекта, по всей видимости, обнаруживаются признаки разрушения. Формы на *-ши-* встречаются значительно реже, чем в Мак. и Оп., доля нерезультативных употреблений относительно результативных значительно больше, чем в анализируемых псковских говорах.

Статья состоит из четырех разделов. В первом дается краткая характеристика говоров и описываются принципы отбора диалектного материала. Во втором описывается функционирование *-ши-*форм

¹ Терминами «*-ши-*формы» и «(от)причастные формы» условимся называть все формы, восходящие к действительным причастиям прошедшего времени, вне зависимости от их синтаксической функции и варианта суффикса (в современных говорах возможны варианты *-ши*, *-ше*, *-ша*, *-чи* (см. подробнее [Кузьмина, Немченко 1971: 12–13]).

в составе перфекта, в третьем рассматриваются *-ши*-формы в других функциях, в четвертом проводится сопоставительный анализ полученных данных.

1. Характеристика говоров и принципы отбора материала

Говор Мак. принадлежит псковской группе среднерусских акающих говоров, но находится на границе со смоленскими говорами, относящимися к южнорусскому наречию (см. [Ронько et al. 2023]). В [Пшеничнова 1996] выделяется отдельная группа южнопсковских говоров, к которым относится и говор Мак. Формы, участвующие в образовании перфекта, представлены двумя типами: образованные с помощью действительных (*-ши*, *-вши*, *-дчи*) и страдательных (*-н/-т-*) суффиксов. Страдательные причастия образуются от переходных глаголов, действительные — от непереходных и возвратных, при этом возвратные глаголы в (от)причастных формах теряют постфикс (см. [Ронько et al. 2023]).

Данные по говору получены из корпуса [Шетнево, Макеево] (14 часов записи, всего 95335 слов, учитывая только слова информантов): с помощью запросов [word='*ши'%с], [word='*дчи'%с] были извлечены и проанализированы контексты с действительными причастиями.

Опочецкие говоры по [Образование 1970] относятся к псковской группе западных среднерусских говоров. (От)причастные формы образуются с помощью и действительных, и страдательных суффиксов. В [Дьяченко et al. 2018] сказано, что распределение суффиксов в перфектных конструкциях в опочецких говорах строго зависит от переходности/непереходности глагола (непереходные глаголы образуют (от)причастные формы с помощью суффиксов *-ши/-лши-*, переходные — с помощью суффиксов *-н/-т-*) и что «это правило не знает исключений» [Ibid.: 65–66]. В работе же [Гребенкина 2019: 18–19] приводятся примеры из опочецкого говора, где *-ш*-причастия образованы от переходных глаголов. От возвратных глаголов перфектные формы образуются с суффиксом *-ши/-лши-* без постфикса: *осталши*, *настоялши* (см. [Дьяченко et al. 2020: 65]).

В статье анализируется один опочецкий говор по 4,5-часовому разговору с Екатериной Григорьевной Федоровой² (1929 г. р., 4 класса, родилась в д. Самсоново; далее — ЕГФ), записанному в д. Сорокино во время диалектологической экспедиции, в которой, кроме автора, принимали участие Р. В. Ронько и студенты НИУ ВШЭ. Речь ЕГФ представляет строгую языковую систему, в которой последовательно

² Речь этого информанта описывается также в других работах, ср. [Дьяченко et al. 2018].

реализуется множество диалектных черт, не изменяющихся под влиянием литературного языка.

Говоры Хиславичского района Смоленской области относятся к западным говорам южнорусского наречия [Захарова, Орлова 2004: 33–35] (по классификации [Карский 1903: карта; Дурново, Соколов, Ушаков 1915: карта] — к северо-восточным говорам белорусского языка) и находятся на границе с Беларусью, в связи с чем обсуждаемая территория характеризуется специфической языковой ситуацией [Рыко, Спиричева 2022: 122]. Как и в говорах, о которых шла речь выше, перфект образуется с помощью и активных, и пассивных суффиксов. Суффикс действительных причастий *-ши-* (после согласных) и *-вши-/мши-* после гласных (при варианте *-ми-* глагольный суффикс *и* превращается в *о*: *родёмши*) (подробнее см. [Цейтина 2022]). Действительные причастия могут образовываться как от переходных, так и непереходных глаголов (см. [Ibid.]).

Данные по говору получены из корпуса [Рыко, Спиричева 2020] (27 часов, всего 286327 слов, учитывая слова только информантов) с помощью запроса с [word='.*ши'%с] и дальнейшим ручным отбором подходящих контекстов.

2. *Ши*-формы в составе перфекта

Основной функцией *-ши*-форм в говорах, где они существуют, является перфектная. Под перфектом в настоящей статье, вслед за И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, будем понимать систему «грамматических единиц, специально предназначенных для выражения состояния, явившегося результатом предшествующего действия»³ [Кузьмина, Немченко 1971: 219]. В категорию перфекта входят формы настоящего, будущего и прошедшего времен, а также формы сослагательного наклонения (*он (есть) /был/будет/ был бы вставши*). В пункте 2.1. описывается *-ши*-форма в составе этой категории в Мак. и Оп., в пункте 2.2. — в Хис. В каждом пункте рассматривается сначала устройство грамматической

³ «Типологические исследования показывают, что перфект и результатив — это не синонимичные понятия; один из сценариев развития перфектных форм предполагает эволюцию от результата к перфекту и далее к претериту (см., например, [Недялков, Яхонтов 1983; Маслов 1983; Плунгян 2016]). В отношении того, чем же являются анализируемые диалектные формы, в научной литературе нет единого мнения. Чаще всего понятия «перфект» и «результатив» применяются к ним как синонимы (например, [Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1983, 1984; Danylenko 2005; Jung 2014; Wiemer 2017]). Попытка разобраться, чем же именно являются рассматриваемые конструкции, предпринята в [Seržant 2012]. Автор приходит к выводу, что ситуация в русских говорах представляет собой промежуточную стадию между результативом и перфектом [Ibid.: 6]. Для целей данной работы, однако, решение этого вопроса представляется непринципиальным» [Ермолова 2022: 248–249].

категории, затем лексико-грамматический состав *-ши*-форм в составе перфекта. В 2.3. материал трех говоров сопоставляется.

2.1. Говоры Мак. и Оп. В Мак. на результативное употребление *-ши*-форм приходится 104 формы из 130, что составляет 80 % от всех употреблений *-ши*-форм, в Оп. — 142 формы из 162, что составляет 88 %. Материал Мак. рассматривается подробно, материал же Оп. детально описан в [Дьяченко et al. 2018; Ермолова 2022], поэтому из Оп. разбираются только еще не опубликованные примеры, релевантные для обсуждаемой проблемы.

2.1.1. Устройство грамматической категории. В Мак. из 104 форм 83 формы употреблены без связки, 20 — со связкой в прошедшем времени и 1 форма — в сослагательном наклонении. Обратимся сначала к формам без связки. За исключением трех контекстов, все они выражают результат, отнесенный к настоящему, ср:

- (1) (На вопрос интервьюеров, где кошка) *Где-то тут спряталиши;*
- (2) *Как-то одичавши. А раньше вот было праздники, один к одному ходили* — информантка говорит о том, что сейчас все одичали, общаются друг с другом меньше, чем раньше;
- (3) (Информантка о ребенке) *Хозяйство, он на работу войдет, надо корову подоить, бросить не бросить, пока заснёт — тогда бежишь. Пока делаешь, придёшь — он уже вставши;*
- (4) *Не, он уже отслуживши, в армии;*
- (5) (Спрашивает интервьюеров, где они остановились в деревне) *А где вы остановивши?*
- (6) *И дома, видать, вот, не живут, — заросши травой;*
- (7) *Вот там я родивши.*

В контекстах (8–9), а также (17), который будет разобран ниже, причастие без связки обозначает результат, отнесенный к прошлому:

- (8) *А тут вот это...Был. Приехали это... Приехадчи со своей...с девушкой. Правнук. С Ленинграда тут были, отдыхали — племянник с девушкой уже уехали, т. е. он «был приехавшим», а потом вернулся в Ленинград;*
- (9) *Да. Вот эта медичка, про которую вам рассказывала. Ивановна. Вот она. Медичка была у нас, работала. Она тоже работала много лет тут у нас. А потом сын был на Украине, её забрал туда. Вот. А она заболевши... И там она и... И батька умёр там, и она умерла у них. А не тут — «медичка» заболела, в результате чего умерла, поэтому форма заболевши выражает результат в прошлом, позднее потерявший свою актуальность.*

Связка отсутствует также в единственном примере с сослагательным наклонением:

- (10) (На вопрос, от чего заговаривала местная колдунья) *Дочь, она знала, я не знаю, от испуга наверно знала, чтоб человек спугавши примерно — по всей видимости, речь идет о таком заговоре, 'если бы человек испугался / [был] испугавшимся' (чтобы, видимо, является здесь изъяснительным союзом). Здесь очевиден результативный компонент — 'если бы человек оказался в состоянии страха', однако связки *был* нет.*

Как подробно обсуждалось в работах [Скачедубова 2018; Ермолова 2022], использование результативной формы без связки в отношении прошедшего и будущего времен, а также в сослагательном наклонении связано со спецификой грамматического значения, ею выражаемого: результативное значение выходит на первый план, временное же значение нейтрализуется, поэтому указание на временной план совершения действия при результативной форме является факультативным. Представляется, что такое употребление свидетельствует не об утрате *-ши*-форм и их сближении с *-л*-формами, как предполагается в [Кузьмина, Немченко 1971: 198], а наоборот, о высокой степени развитости значения результата и его закрепленности в грамматической системе.

-Ши-формы со связкой в прошедшем времени выражают результат, отнесенный к прошлому, ср.:

- (11) *Нумосквичи, бывало, раньше эту постройку, постройки искали продажные, были нахлынувши;*
 (12) *Бывало раньше, как было, были мальчуганы вон тут у этого у Артёма яички катали, собравши были;*
 (13) *Уже война была кончивши, женщина померла;*
 (14) *Думала, как ничего еще не заболевши была, купить, думала, в апреле привезут рано, куплю;*
 (15) *Ну тогда и молодежи было больше как-то. Ещё не разошёдчи были.*

Во многих (но не во всех) языковых системах результативные / перфектные формы не употребляются с обстоятельствами времени, указывающими на момент совершения действия (см., например, [Dahl 1980: 19–20; Князев 2007: 510]). Так, например, обстоит дело в английском языке. В русском литературном языке, однако, как показывает Ю. П. Князев [Князев 2007: 510–514], пассивный перфект на *-н/-т-* с такими обстоятельствами совместим, ср.: *Шкаф сделан ровно **сто лет назад*** (А. П. Чехов, «Вишневым сад»); ***21 мая** на заседании краевой избирательной комиссии принято решение удовлетворить просьбу*

гражданки Поповой (Известия, 22.05.1999); *Игорь убит на войне в 1941 году* (В. Шефнер, «Имя для птицы»). Диалектный перфект, как отмечается в [Трубинский 1984: 160], с обстоятельствами времени несовместим. Однако в собранном материале такие примеры есть. Встает вопрос, как интерпретировать эти случаи. Они свидетельствуют либо об утрате *-ши*-формами результативности и их сближении с *-л*-формами, либо о том, что в рассматриваемых говорах результативные формы могут сочетаться с обстоятельствами времени, как форма на *-н/-т-* в русском литературном языке. Рассмотрим примеры:

- (16) *Я сушила одежду, ребята-то были маленькие, один в ноябре родивши, другая в декабре* — как кажется, форма на *-ши* имеет результативное значение: дети родились (являются рожденными) в ноябре и декабре и до сих пор живы. Впрочем, здесь можно усматривать и атрибутивную функцию: ‘дети были маленькие: один ноябрьский, другой декабрьский’;
- (17) *Бабе моей, было мамке... Девяносто второй год. Она родивши в десятом году. Считайте, сколько* — данный пример аналогичен предыдущему, однако действие *родивши* прекратило свое действие, так как мать информантки умерла. Следовательно, при *-ши*-форме ожидалась бы связка в прошедшем времени и этот контекст пополняет группу примеров (8–9), рассмотренных выше, где результативная форма употребляется без связки для обозначения результата, отнесенного к прошлому;
- (18) *Сегодня кто-то был приехадчи. Машина стояла* — в данном случае *-ши*-форма употреблена со связкой в прошедшем времени, так как информантка не знает, сохраняется ли результат действия на момент говорения: кто-то был приехавшим, а уехали приехавшие или нет, неизвестно;
- (19) *На пять дней были приехадчи, на день города ездили* — здесь форма перфекта сочетается с указанием на продолжительность времени. Тем не менее она может интерпретироваться как имеющая результативное значение: внуки были приехавшими (и находились в деревне) на 5 дней;
- (20) *Сейчас стыдно ему пить — два внука, вот у него вчера были приехадчи, маленькие* — даже из более широкого контекста непонятно, уехали внуки на момент разговора или нет. Если нет (что кажется наиболее вероятным), то употребление при *-ши*-форме глагола-связки в прош. вр. не очень понятно, так как внуки на момент сообщения все еще являются приехавшими. Тогда мы здесь имеем дело с «неправильным» употреблением перфектной формы. Чем оно вызвано, трудно сказать, так как других подобных примеров нет. Причину можно было бы видеть, допустим, в утрате категории перфекта, однако обычно это проявляется в использовании *-ши*-форм в качестве *-л*-форм [Кузьмина, Немченко 1971: 198], чего нет в анализируемом контексте (замена (от)причастной формы на *-л*-форму в сочетаниях

со связкой в прошедшем времени дает не существующую в литературном языке конструкцию типа *были приехали*).

Примеры с обстоятельствами встречаются и в Оп. у ЕГФ, у которой категория перфекта выражена крайне последовательно (см. [Ермолова 2022]). Как кажется, в отношении всех них можно говорить о результативном значении:

(21) *Вот так у меня: семья большая, только я все одна. **Были не так давно** сюда приехали они все;*

(22) *И **тогда** был приехали;*

(23) *И тот приехали **нынче**, и сено, и снег у меня выносил.*

Последовательность в выражении результативного значения, стройность в устройстве этой грамматической категории и в Мак., и в Оп. говорят о том, что употребление *-ши*-форм с обстоятельствами времени является нормой для обсуждаемой системы, а не свидетельством ее разрушения.

2.1.2. Лексико-грамматический состав *-ши*-форм в составе перфекта. Если говорить про лексический состав словоформ, то по частоте и в Мак., и в Оп. первое место занимают глаголы движения СВ с корнями *-ех-*, *-ид-* (*уехать*, *приехать* проч.), второе — глаголы с корнем *-мер-* (*умереть*, *помереть* и проч.), третье — лексема *остаться* (см. таблицы 1 и 2), что согласуется с данными по частотности лексем в [Кузьмина, Немченко 1971: 145–159; Трубинский 1984: 158–159]. Процент употреблений, приходящихся на перечисленные три группы, в Мак. и Оп. одного порядка: 52 % и 46,6 % соответственно.

Таблица 1. Лексическая распределенность *-ши*-форм в Макеево

Глагольная форма	Количество употреблений	Процент от всех результативных употреблений <i>-ши</i> -форм
<i>понаехали</i>	2	
<i>приехали</i>	19	
<i>пришѐдчи</i>	2	
<i>разошѐдчи</i>	1	
<i>разъехали</i>	4	
<i>уехали</i>	2	
<i>ушѐдчи</i>	1	
	Всего: 31	30 %
<i>отмерши</i>	2	
<i>померши</i>	8	
<i>умерши</i>	6	
	Всего: 16	15 %
<i>оставши</i>	7	7 %
		Всего: 52 %

Таблица 2. Лексическая распределенность *-ши*-форм в Опочке

Глагольная форма	Количество употреблений	Процент от всех результативных употреблений <i>-ши</i> -форм
<i>вышедши</i>	11	
<i>поехалиши</i>	1	
<i>приехалиши</i>	15	
<i>пришедши</i>	6	
<i>прошедши, прошелиши</i>	2	
<i>разошедши</i>	2	
<i>уехалиши</i>	6	
<i>ушедши</i>	3	
	Всего: 46	33 %
<i>перемырши</i>	1	
<i>померши</i>	10	
<i>умерши</i>	1	
	Всего: 12	8 %
<i>оставши</i>	8	7 %
		Всего: 47 %

Кроме перечисленных в таблице, в Мак. зафиксированы словоформы от еще 30 лексем (если глагол возвратный, то это помечено в скобках): *вернувши (вернуться)*, *вставши*, *выпивши*, *давши*, *заболевши*, *закрывши (закрыться)*, *замерзши*, *заросши*, *застывши*, *кончивши (кончиться)*, *наляпивши (налепиться)*, *нахлынувши*, *обогнувши (обогнуться)*, *одевши (одеться)*, *одичавши*, *оставши (остаться)*, *остановивши (остановиться)*, *отслуживши*, *переставши*, *посмотревши*, *привыкши*, *пропавши*, *родивши (родиться)*, *сваливши (свалиться)*, *сбравши (собраться)*, *согнувши (согнуться)*, *сохранивши (сохраниться)*, *спряталши (спрятаться)*, *установивши*, *устроивши (устроиться)*. Глаголы, за исключением трех (*выпивши*, *давши*, *посмотревши*), являются непереходными (переходные глаголы в рассматриваемых говорах образуют пассивный перфект на *-н/-т-* (см. [Ронько et al. 2023])). Приведем примеры с переходными глаголами⁴:

(24) *Вон сколько он прожил, посмотревши;*

(25) (Про сошедшего с ума и спившегося соседа) *В голову давши, это заходит же, видно ж.*

Состав лексем в Оп. богаче, чем в Мак. Кроме перечисленных в таблице трех лексических групп, зафиксировано 45 глаголов со следую-

⁴ В задачи настоящей работы не входит обсуждение вопроса, как именно образование перфекта в говорах связано с переходностью глагола: учитывается ли в принципе потенциальная возможность глагола управлять В. п. или возможность присоединить В. п. в конкретном контексте. В статье в рамках детального описания функционирования *-ши*-форм фиксируются все примеры, в которых представлены глаголы, которые могут быть переходными.

щими словоформами (если глагол возвратный, то это помечено в скобках): *высохши*, *досталиши* (*достаться*), *заболелиши*, *заросши*, *застылиши*, *испекши*, *надорвалиши* (*надорваться*), *наседелиши* (*наседеться*), *наталиши*, *научилиши* (*научиться*), *нашедши* (*найтись*), *обвилиши*, *обметалиши*, *осыпалиши* (*осыпаться*), *отдалилиши* (*отдалиться*), *отправилиши* (*отправиться*), *отработалиши*, *отсиделиши*, *отцвелиши*, *перебилиши* (*перебиться*), *переделалиши* (*переделаться*), *погибши*, *поделилиши* (*поделиться*), *поднялиши* (*подняться*), *поелиши*, *попалиши*, *привыклиши*, *приползиши*, *провинилиши* (*провиниться*), *пропалиши*, *разбилиши* (*разбиться*), *развязалиши* (*развязаться*), *растянулиши* (*растянуться*), *родилиши* (*родиться*), *сбылиши* (*сбыться*), *свалилиши* (*свалиться*), *свилиши* (*свиться*), *сгнилиши*, *сломалиши* (*сломаться*), *собралиши* (*собраться*), *сплелиши* (*сплестись*), *справилиши* (*справиться*), *спряталиши* (*спрятаться*), *явилиши* (*явиться*). 3 или 4 глагола (в зависимости от интерпретации контекста) являются переходными. Рассмотрим примеры с ними:

- (26) (Про гада, т. е. змею) *Их там густо. А он кругом сосну обвилиши — и сюда;*
- (27) *У меня от глаза было заболелиши лицо. Все лицо было обметалиши — в примерах (26–27) при переходных глаголах стоит объект: он (гад) обвил сосну, лицо обметало;*
- (28) *Я поелиши, перед вам поелиши, я только два раз ем — наличие обстоятельства времени *перед вам* (т. е. «перед вашим приходом») исключает атрибутивную интерпретацию *поелиши* (т. е. в значении «я съта»);*
- (29) *И туда яйцо положен, так испекши — ЕГФ рассказывает, как испекла пирог. В данном контексте непонятно, имеем мы дело с переходным глаголом *испечь* (тогда *так испекши* означает «так испекла») или с возвратным (следовательно, непереходным) глаголом *испечься* (тогда *так испекши* означает «так испекся/так испеклось»).*

Если пример (29) является в определенной степени неоднозначным, то в отношении (26–28) можно с уверенностью говорить об употреблении переходного глагола; в (26–27) при глаголе стоит объект в В. п. Таким образом, утверждение о том, что в опочечких говорах «в роли сказуемых в перфектных конструкциях [...] перфектные формы с *-ши*-причастиями образуются только от непереходных глаголов» [Дьяченко et al. 2020: 61] нуждается в корректировке: *-ши*-формы, как и в Мак., могут образовываться и от переходных глаголов. При этом, по всей видимости, это не связано, как предполагается в [Кузьмина, Немченко 1971: 129] с «внутренним разрушением системы». Как показано в [Ермолова 2022], перфектное значение у ЕГФ реализуется крайне последовательно, с особенностями, возможными только в живой системе,

употребление же *-ши*-формы в функции *-л*-формы не фиксируется. Вопросы выбора залога перфектной формы остается открытым. Вполне возможно, употребление активной причастной формы от переходного глагола связано с нейтрализацией залогового значения, известной всем славянским языкам (подробнее см. [Ермолова 2020]).

2.2. Говоры Хис. В корпусе говоров Хис. встретилось всего 40 *-ши*-форм, из которых на перфектное употребление приходится 24, что составляет 60%. Количество *-ши*-форм на 27 часов записи, представленных в корпусе, очень мало по сравнению с количеством *-ши*-форм в Мак. и Оп.: 104 и 162 формы, приходящихся на 14 и 4,5 часов записи соответственно. Процент результативных употреблений относительно всех контекстов с *-ши*-формами также меньше, чем в Мак. и Оп., где он составляет 80% и 88% соответственно.

2.2.1. Устройство грамматической категории. Из 23 результативных контекстов в двенадцати *-ши*-формы употребляются со связкой в прошедшем времени, обозначая результат, отнесенный к прошлому (примеры (33–35)), в одиннадцати связка отсутствует, *-ши*-форма маркирует результативное действие, относящееся к плану настоящего (примеры (30–32)), ср.:

- (30) Я родивши в Стайках;
- (31) И там только оставши её внуки. Она сама померла, дочка её был. Одного года со мной, тоже померла уже;
- (32) У меня сейчас правнук появивши;
- (33) Так она этй привозила брызгать, как завязь завязывалась. Ну я купила две пачки. И огурцы побрызгала, так помидоры они были уже завязавши, а те цвели и завязывались;
- (34) Четверо сынов было, все были на войне... Двое были отслужомши. Их забрали, когда война началась;
- (35) Мы после, як нас освободили. Немцев выгнали. То лопаточками землю копали. Тут же ничего не было оставши. Я знаю, что такое голод.

Дважды *-ши*-форма без связки используется для выражения результата в прошлом, ср.:

- (36) Ну, у него были осколки... И до смерти не повышедши — информантка рассказывает про ранение брата, пришедшего с войны, и говорит о том, что осколки от снаряда «не были вышедшими до самой смерти». Обстоятельство «до смерти» маркирует временную границу, до которой распространяется действие результата, обозначенного *-ши*-формой;

(37) *Мой брат помирал, я... Уже померши. Привезли они его двору* – информантка рассказывает о том, как хоронили ее брата. Сначала говорит, что брат умирал, потом поправляется, что он уже умер. То есть действие *померши* является результатом действия, совершившегося до следующего действия в прошлом *привезли*, поэтому здесь можно констатировать пропуск связки *был*.

С одной стороны, употребление *-ши*-форм в примерах (36–37) нормально для форм, выражающих грамматическое значение результата (см. примеры из Мак. (8–10, 17) и комментариев к ним). С другой стороны, значительно меньшее количество *-ши*-форм в Хис. по сравнению с Мак. и Оп. при значительно большем корпусе позволяет допустить разрушение перфекта в говоре. Если признавать морфологическое объяснение пропуска связки верным, то следует сделать вывод о том, что разрушение перфекта происходит не за счет сокращения типа контекстов, в которых они могут употребляться, как можно было бы ожидать. В то же время можно предположить, что отсутствие связки при *-ши*-форме в (36–37) объясняется ее употреблением в качестве *-л*-формы. В использовании *-ши*-форм аналогично *-л*-формам «проявляется тенденция к утрате предикативными причастными образованиями на *-ши* их специфики, вытекающей из именной сущности, – к сближению этих образований с глагольными формами (на *-л*)» [Кузьмина, Немченко 1971: 198]. Кроме того, если считать рассматриваемое употребление формы *повышедши* и *померши* «неправильным», то еще одним фактором, способствующим использованию ее, а не *-л*-формы, может служить характер лексемы и определенная степень лексикализованности: как было сказано выше, глаголы движения и глаголы с корнем *мер* лидируют по частоте употребления в говорах с «новым» перфектом.

2.2.2. Лексико-грамматический состав *-ши*-форм в составе перфекта. По частоте использования в Хис. лидируют те же глаголы, что и в Мак. и Оп. и в говорах с новым перфектом в принципе: глаголы движения СВ, глаголы с корнем *-мер-* и глагол *остаться* (см. таблицу 3). Распределение внутри этих трех групп несколько иное, чем в Мак. и Оп., однако как-либо интерпретировать данный факт едва ли представляется правомерным, так как количество результативных контекстов с *-ши*-формами крайне невелико. Тем не менее стоит отметить, что процент употреблений от наиболее частотных лексем составляет 43% при 52% и 47% в Мак. и Оп., что говорит о том, что утрата грамматических форм, выражающих перфектное значение, не сопровождается их лексикализацией, как можно было бы предполагать.

Один раз встретилась форма глагол НСВ *остававши*, ср.:

(38) *Интервьюер: А волосы оставались, да?*

Информант: Не оставались, повырастили уже.

Интервьюер: Повырастили?

*Информант: Никого, ничего не было остававши — в данном случае использование глагола НСВ, а не СВ (остававши, а не оставши) может быть спровоцировано двумя употреблением глагола *оставаться* перед этим: сначала интервьюером, а потом информантом. Кроме того, форму *остава*вши можно рассматривать и как имеющую статально-перфектное значение и выражающую «состояние, рассматриваемое на фоне вызвавшего его предшествующего действия» [Маслов 2004:426].*

Таблица 3. Лексическая распределенность *-вши*-форм в Хиславичах

Глагольная форма	Количество употреблений	Процент от всех результативных употреблений <i>-ши</i> -форм
<i>поехавши</i>	2	
<i>повышедши</i>	1	
	Всего: 3	13 %
<i>померши</i>	1	
<i>умерши</i>	1	
	Всего: 2	8,6 %
<i>оставши</i>	4	
<i>остававши</i>	1	
	Всего: 5	21,7 %
		Всего: 43,3%

Кроме перечисленных в таблице лексем, зафиксировано 12 глаголов со следующими словоформами (если глагол возвратный, то это помечено в скобках): *заблудивши* (*заблудиться*), *завязавши* (*завязаться*), *надевши*, *отслужёвши*, *погибши*, *появивши* (*появиться*), *привыкши*, *продоёмши*, *пропавши*, *распустёмши*, *родёмши*, *явивши* (*явиться*). 4 из них являются переходными: *родить*, *продойти*, *надеть*, *распустить*. Рассмотрим примеры:

(39) *Родила, она родёмши была;*

(40) *Руки-то больные, вот, коров продоёмши, все суставы больные, всё;*

(41) *А я не знаю, как она называлась. Её обычно не закручивали, а... она висела. Или волосы распустёмши был. А она не закручивала, невеста, косы. У нее была она висела, заплетена, или распущен волос был.*

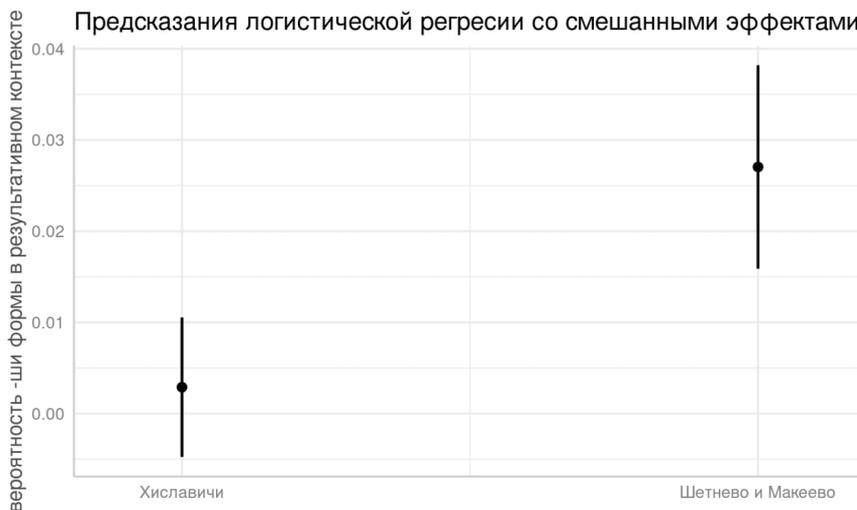
В (41) здесь речь идет о том, какого вида косу заплетала невеста. Грамматическим субъектом при *распустёмши был*, исходя из контекста, может быть либо невеста, либо волосы. В обоих случаях мы имеем дело с несогласованной связкой *был*. Употребление связки м. р. при

подлежащем не мужского рода изредка встречается в говорах с «новым» перфектом (ср. примеры из *О. Я в автолавку ходила, уже шапку был одет* (пример приведен в [Ермолова 2022: 94]; *У меня был насушен два мешка сухарей ему* (пример из [Дьяченко и et al. 2018: 295])), что, по всей видимости, объясняется еще большей грамматикализацией перфектных форм (см. [Seržant 2012: 14; Ермолова 2022]). Правда, подобное объяснение для говора, в котором предполагается разрушение перфекта, кажется маловероятным. Вполне возможно, что в действительности субъектом при *распустёмши был* является не мн. ч. *волосы*, а ед. ч. *волос*, ср. далее в речи информанта: *распущен волос был*. Какой бы субъект из трех мы ни предполагали (*невеста*, *волосы* или *волос*), форма *распустёмши* получается образованной от переходного глагола *распустить*. Если считать, что подлежащим является *волосы* / *волос*, то мы имеем дело с употреблением *-ши*-формы в страдательном значении вместо *распущен* (ср. в конце высказывания *распущен волос был*). Такое употребление встречается в русских говорах с «новым» перфектом, однако в смоленских говорах оно не отмечено (см. карту 4 в [Кузьмина, Немченко 1971]).

(42) *Ну а всё равно. Та толстей нога, которую покусала змея. Я, говорит, иду и думаю, чи крапивой мне стрекануло ногу, говорит, в сапогах была наделиши* — предложение в *сапогах была наделиши* грамматически неверное. Вполне возможно, что оно является контаминацией «в сапогах была» и «сапоги надела». В любом случае, глагол *надеть* является переходным.

2.3. Сопоставление функционирования результативных *-ши*-форм в рассматриваемых говорах. Как уже было сказано в 2.2., число *-ши*-форм в Хис. (40 форм) в несколько раз меньше их количества в Мак. (104 формы) и Оп. (162 формы), хотя корпус Хис. значительно больше. Доля *-ши*-форм, на которые приходится результативное употребление, также меньше: 58 % против 80 % и 88 % в Мак. и Оп. Как видно на рис. 1, вероятность употребления *-ши*-форм в результативном значении в Хис. значительно ниже, чем в Мак.

Как кажется, это свидетельствует о том, что в Хис. *-ши*-формы утрачивают результативную функцию. Если учесть факт также меньшего количества в Хис. причастий на *-н-/-т-* по сравнению с Мак. и Оп. (см. [Войтович 2023: рукопись]), можно сделать вывод о более непоследовательной выраженности перфектного значения в Хис. Встает вопрос, следствием чего является эта непоследовательность: процессом утраты, деграмматикализации перфекта или, наоборот, его становлением. По материалам [Кузьмина, Немченко 1971], Хис. относятся к говорам, в

которых частотность *-ши*-форм во много раз ниже, чем в северо-западных говорах, в частности, в Псковских. Однако выяснить, изменилась ли частотность перфектных форм, не представляется возможным.

Надежными свидетельствами утраты грамматического значения перфекта были бы случаи «неправильного» употребления *-ши*-форм в качестве аналогов *-л*-формам и большая степень их лексикализации по сравнению с Мак. и Оп. Однако ни первого, ни второго мы констатировать не можем. В Хис. есть два контекста (36–37), для которых можно было предположить употребление *-ши*-формы в качестве *-л*-формы, однако возможна его интерпретация и как демонстрирующего достаточную степень грамматикализованности перфектных форм.

Таким образом, по типам контекстов принципиальных различий в функционировании *-ши*-форм в Мак., Оп. и Хис. нет. Меньшее разнообразие употреблений *-ши*-форм в Хис. может объясняться их меньшей частотностью, причины которой (деграмматикализация форм или, наоборот, более ранняя ступень грамматикализации), опираясь лишь на результативные употребления, установить сложно, однако некоторые предположения можно сделать, учитывая употребление *-ши*-форм в других функциях, о которых будет сказано ниже.

⁵ Для проверки статистической разницы в вероятности употреблений *-ши*-форм мы использовали логистическую регрессию со смешанными эффектами (носитель помещается в случайный свободный член). Разница оказалась статистически значима (степени свободы = 30.699866, t-статистика = 3.568, p-уровень значимости = 0.0012).

3. -Ши-формы не в составе перфекта

Помимо перфекта, *-ши*-формы в говорах с «новым» перфектом могут выполнять функции обстоятельства и атрибута, а также выступать как независимая глагольная форма, обозначающая продолжительное действие (см. [Кузьмина, Немченко 1971], [Рыко 2002], [Дьяченко et al. 2018], [Ермолова 2022]). Ниже рассмотрим, какие из этих функций и каким образом представлены в анализируемых говорах.

3.1. -Ши-формы для обозначения продолжительного действия. В Мак. выделяется ряд примеров, в которых *-ши*-форма, образованная от глаголов НСВ, используется для обозначения продолжительного действия. В Оп. (см. подробнее [Ермолова 2022]) и в Хис. такие употребления отсутствуют. Рассмотрим примеры:

- (43) *Это наш родительский дом тот там... это был, одному вот так москвичу продали, а потом не стал ездить он, **четыре года** не стал ездить, говорю: «Тань, ну до конца мы избу, она сгниёт, не топивши⁶, надо ж дом-то ж топить-то деревянный». Что ты говорю сам не топивши?»* — Информантка возмущается, что новый хозяин их родительского дома четыре года не ездил и не топил избу, из-за чего дом может сгнить. *-Ши*-формой обозначается длительное действие (точнее, его отсутствие): на протяжении четырех лет хозяин не топил избу;
- (44) *Пусть лето тяжело, **столько живши годов** всё в деревне на своей родине. Не хочу никуда уезжать* — *-ши*-форма используется для подчеркивания длительности обозначаемого действия. Как и в примере выше, на длительность указывается и обстоятельствами времени (в (43) это *четыре года*, в (44) — *столько годов*). Форму *живши* теоретически можно рассматривать и как употребленную в обстоятельственном значении в функции деепричастия: 'Столько лет живя в деревне на своей родине, не хочу никуда уезжать'. Однако наличие паузы между двумя клаузами свидетельствует скорее в пользу того, что обе они являются независимыми;
- (45) *Тогда как-то и правда весе[лее], теперь уже какое веселье? Уже **век живши**. Теперь не интересно ничего* — при том что общий смысл (от)причастной клаузы совершенно ясен ('Уже жизни прожили / уже век живем'), интерпретация грамматического значения формы *живши* вызывает ряд вопросов. Обычная замена *-ши*-формы на *-л*-форму для «перевода» на литературный русский дает нам странное с грамматической точки зрения в данном контексте предложение *Уже век/жизнь жили*. По всей видимости, форма *живши* обозначает, с одной стороны, продолжительное действие, как в примерах (43–44), с другой — действие, длящееся в мо-

⁶ Данная форма рассматривается ниже, см. пример (55).

мент говорения, т. е. выступает примерно как английский *present perfect continuous*. Вполне возможно, что такой пример говорит о дальнейшей грамматикализации результата и его превращении в перфект — сценарий так называемого «перфектного круга», типологически характерный для перфектных форм (подробнее см. [Маслов 1983; Плуныян 2016]);

- (46) *Конечно, мы ж собравши, молодежь шла. И пели, и шѣдчи* — информантка рассказывает о том, как праздновали масленицу: “И пели, и шли”. Как кажется, функция формы *шѣдчи* совпадает с функцией *-ши*-форм НСВ в соседних говорах Торопецко-Холмского региона, которую описывает А. И. Рыко: причастия НСВ «выступают в значении актуально-длительного (длящегося в момент наблюдения) или континуального (просто длящегося) действия, одновременного с другим действием» [Рыко 2002: 191] (ср. примеры из [Ibid.]: *Ну, бывало, кончим ужин, убираем, а ребята сидевши; А мой уже сидевша муж, у меня уже ребенок есть, муж говорит...*) В (46) действие *шѣдчи* является фоновым по отношению к действию *пели*: ‘пели, пока шли’.

Таким образом, в разобранных четырех примерах (43–46) *-ши*-форма выступает в трех различных функциях, общим для которых является обозначение ею продолжительного действия. Первая функция (примеры (43–44)) — это обозначение действия, отличающегося от других своей продолжительностью, что подчеркивается и лексическими маркерами (обстоятельствами времени). Вторая (пример (45)) — подчеркивание продолжительного действия, длящегося и в момент говорения. Третья (пример (46)) — маркирование фонового действия. Представляется, что такое употребление не свидетельствует о разрушении категории результативности. Специфичность контекстов, наличие характерных лексических маркеров, свидетельствующих о верности предложенной интерпретации значения *-ши*-формы, а также невозможность заменить *-ши*-формы на *-л-* в (45–46) говорит о том, что перед нами особая функция (от)причастного образования, известная причастиям с древности (см., например, [Ермолова 2020а: 94]). Употребление же *-ши*-формы в примере (45) в значении, близком английскому *present perfect continuous*, иллюстрирует, возможно, постепенный переход результата в перфект — процесс, типологически характерный для эволюции перфектных форм.

3.2. *Ши*-формы в функции глагольного обстоятельства. Одной из функций *ши*-форм в говорах, в которых есть так называемый новый перфект, является обозначение обстоятельства аналогично деепричастию в литературном языке. В отличие от деепричастия в литературном языке, *-ши*-форма в этой функции может образовываться от глаголов и СВ, и

НСВ, при этом субъекты главной клаузы и клаузы с *-ши*-формой могут различаться.

Использование *-ши*-форм в качестве глагольного обстоятельства у ЕГФ подробно описано в [Ермолова 2022]. На него приходится 18 примеров из всех 130 контекстов с *ши*-формами, что составляет 11 %: в этой функции употребляются глаголы обоих видов, и субъект при *-ши*-форме может отличаться от субъекта при главной клаузе, т. е. причастие фактически оказывается главным предикатом зависимой клаузы с обстоятельственным значением, ср.:

(47) *Садится скорее, никто не селиши, есть. Съест* — «Вы себе делайте, я уже все съел» — ‘Садится скорее, пока / когда / а никто еще не сел (за стол)’.

Такое употребление, по всей видимости, является архаизмом, а не новой чертой, так как его знают древнерусские и старорусские памятники (см. [Ермолова 2022]).

Аналогичная ситуация наблюдается в Мак. На 130 всех контекстов с *-ши*-формами приходится 18 примеров с обстоятельственным употреблением, что составляет 14 %. Рассмотрим несколько примеров с глаголами СВ с совпадающими субъектам причастной и финитной клауз:

(48) *Пришѣдчи, в ногах валялся, чтобы я никому не сказала;*

(49) *Ко мне зашѣдчи, говорит...*

(50) *Они не расписавши, так и прожили и умерли* — данный контекст можно интерпретировать по-разному. *-Ши*-форма употреблена либо в деепричастной функции (‘Они не расписавшись, так и прожили и умерли’), либо в атрибутивной (‘Они прожили и умерли нерасписавшимися’), либо в результативной. В последнем случае нам надо предполагать пропуск связки: ‘Они не были расписавшимися; так и прожили и умерли’.

Приведем примеры с глаголами НСВ:

(51) *Да я тут никуда не хожу, куда я пойду, не знавши;*

(52) *Все забыла, век живши;*

(53) *Не стеснявши, доча, бери эту;*

(54) *И что я — не понимавши, взяла, дай поглажу его.*

В одном примере субъекты причастной и финитной клауз различаются:

(55) *Тань, ну до конца мы избу, она сгниёт, не топивши, надо ж дом-то ж топить-то деревянный* — ‘Если избу не топить, она сгниет / *Не топя избу, она сгниет’.

В Хис. встретилось всего 3 примера, в которых *-ши*-форма выступает в обстоятельственном значении, что составляет 8% от общего числа употреблений. Во всех случаях употреблен глагол НСВ, субъекты при причастии и финитной форме совпадают, ср.:

(56) *Где же он придёт, не знавши?*

(57) *Я говорю, сюда ехавши, целый... наварцала торбу, я говорю;*

(58) *А тогда, когда уже она заморится, сидевши, тогда они её в хату уведут.*

Таким образом, обстоятельственная функция хорошо развита в Оп. и в Мак., в Хис. она представлена реже; кроме того, конструкции в Хис. характеризуются меньшим разнообразием: во всех трех зафиксированных примерах субъекты зависимой и главной предикаций совпадают, в то время как в Мак. и в Оп. они могут различаться.

3.3. *-Ши*-формы в функции атрибута. *-Ши*-формы могут употребляться в функции предикативного атрибута, а также в чисто атрибутивной функции. У ЕГФ встретилось всего 2 примера, по одному на каждую функцию (подробнее см. [Ермолова 2022]), что составляет 1% от всех употреблений *ши*-форм. В Мак. таких контекстов 4 (3%). В трех из них *-ши*-форма употребляется в качестве предикативного атрибута:

(59) *А утром, домой приходишь утром, придёшь невыспавши — опять на работу надо — ‘придешь невыспавшийся’;*

(60) *И холодно было, а что сделать — сидели одевши — ‘сидели одетые’;*

(61) *Это ещё так, я дома не одевши, так, болтаюсь — ‘я дома болтаюсь не одетая’.*

Один раз она зафиксирована в чисто атрибутивной функции:

(62) *Уже умёрши есть, и стоят порожные дома — ‘Уже есть умершие, и дома стоят пустые’ (информантка описывает ситуацию с жителями и домами в деревне).*

В Хис. примеров с *ши*-формой в атрибутивной функции 13 (32%), что относительно общего числа *-ши*-форм значительно больше, чем в Мак. и Оп. (см. таблицу 4 ниже). Приведем примеры:

(63) *Ну да, она же три дня, не... Ну помёрши лежала — ‘лежала мертвая’;*

(64) *Ладно, он и выпивши потопит, а сейчас трошку полежит — ‘потопит выпившим (в состоянии опьянения)’;*

(65) *А потом уже у меня нервы успокоятся, думаю, ну что он не евши тут, не пивши — ‘думаю, ну что он тут голодный’;*

(66) *Им, говорят, нормально, ну Вовка придёт, сейчас подвыпивши, лежит — ‘сейчас пьяный, лежит’.*

4. Анализ полученных данных

Как было разобрано выше, по функционированию *-ши*-форм ожидаемо близки два псковских говора (Мак. и Оп.), смоленские же говоры Хис. отличаются по ряду параметров.

В Мак. и Оп. развита категория результативности: *-ши*-формы регулярно употребляются для выражения результата в настоящем (без связки) и прошлом (как со связкой, так и без), состав лексем, от которых образуются *ши*-формы, разнообразен. При этом *-ши*-формы в обоих говорах встречаются и от непереходных, и от переходных глаголов, что едва ли обоснованно связывать с «внутренним разрушением системы» [Кузьмина, Немченко 1971: 129]. Как показано в [Ермолова 2022] и выше в 2.1, грамматическое значение результата реализует себя и в Мак., и в Оп. очень последовательно. Вариативность в выборе действительной или страдательной результативной формы от переходного глагола может быть связана с нейтрализацией залогового значения при выражении результативного значения, известной славянским языкам (см. [Ермолова 2020]).

Следующей по количеству употреблений функцией *-ши*-форм в Мак. и Оп. является функция глагольного обстоятельства. Причастие в этой функции может образовываться от глаголов и СВ, и НСВ, а также выступать при субъекте, отличном от субъекта при финитной форме.

Меньше всего примеров с *-ши*-формами в Мак. и Оп. приходится на атрибутивную функцию — 2% и 4% соответственно.

Если говорить о разнице между Мак. и Оп., то в Оп. *-ши*-формы встречаются чаще, чем в Мак.: так, на 4,5 часа записи у ЕГФ встретилось 162 формы, в Мак. на 14 часов записи — 130. Кроме того, в Мак. есть функция *-ши*-форм, отсутствующая как в Оп., так и в Хис., — обозначение продолжительного действия. Эта функции близка функции *-ши*-форм, описанной в [Рыко 2002] на материале говоров Торопецко-Холмского региона, однако фоновое значение, сопровождающее *ши*-формы при обозначении продолжительного действия, не является обязательным в Мак.

Таким образом, в Мак. и Оп. причастия выступают в разных предикативных функциях: не только встречаются в составе так называемого перфекта, но и используются для обозначения продолжительного действия, а также фактически в качестве главного предиката в обстоятельной клаузе. Последние две функции, по всей видимости, являются архаизмом (см. [Ермолова 2022]).

Как уже было сказано выше, Хис. отличаются от Мак. и Оп. прежде всего частотностью употребления *-ши*-форм: на 27 часов записи приходится всего 40 форм (в принципе меньшая частотность *ши*-форм в

юго-западных говорах по сравнению с северо-западными отражена на карте 4 в [Кузьмина, Немченко 1971]). Характер употреблений *-ши*-форм в результативной функции в целом соответствует картине, представленной в Мак. и Оп.: они используются без связки для выражения результата в настоящем, со связкой — для выражения результата в прошлом; также зафиксировано две формы, которые могут быть проинтерпретированы как употребленные без связки для обозначения результативности в прошедшем, что вписывается в представления о грамматическом устройстве категории результата. Степень лексикализованности *ши*-форм при этом в Хис. находится на уровне Мак. и Оп. (даже несколько меньше). В связи с этим возникает вопрос, имеем мы дело с системой, утрачивающей грамматическое значение результата, или, наоборот, развивающей, как это происходит во многих современных славянских идиомах (см., например, [Giger 2003; Wiemer, Giger 2005; Piskorz 2012; Макарова 2016]). Учитывая меньшую развитость в Хис. архаических предикативных функций *-ши*-форм вне результативных употреблений по сравнению с Мак. и Оп. (так, в Хис. отсутствуют употребления *-ши*-формы в качестве деепричастия при самостоятельном субъекте и для обозначения продолжительного действия), а также значительно больший процент атрибутивных употреблений (32% в Хис. по сравнению с 3% в Мак. и 1% в Оп., см. таблицу 4), как кажется, можно сделать вывод о постепенной потере причастием предикативности и, следовательно, начавшемся разрушении категории перфекта (результативные конструкции со страдательным причастием также встречается значительно реже, чем в Мак. и Оп., см. [Войтович 2023: рукопись]). Это разрушение сопровождается, однако, не «неправильным», нерезультативным употреблением *-ши*-форм в качестве *-л*-форм (процесс, который, по замечаниям [Кузьмина, Немченко 1971: 198] в разной степени характеризует все говоры с «новым» перфектом) и не лексикализацией *-ши*-форм, а повышением доли атрибутивных употреблений и общим снижением частотности форм.

Таблица 4. Функциональное распределение *-ши*-форм

	Макеево	Опочка	Хиславичи
Процент результативных <i>-ши</i> -форм от общего числа <i>-ши</i> -форм	80 % (47%) ⁷	88 % (52 %)	60 % (43 %)
Процент <i>-ши</i> -форм в функции глагольного обстоятельства от общего числа <i>-ши</i> -форм	14 %	11 %	8 %
Процент <i>-ши</i> -форм в атрибутивной функции от общего числа <i>-ши</i> -форм	3 %	1 %	32 %
Процент <i>-ши</i> -форм, употребленных для обозначения продолжительного действия	3 %	0 %	0 %

⁷ В скобках указан процент словоформ, образованных от наиболее частотных лексем.

Библиография

Войтович 2023

Войтович Е. Е., *О перфектных конструкциях со страдательным причастием в западных русских говорах (корпусное исследование)*, рукопись.

Гребенкина 2019

Гребенкина М. Г., *Результатив и перфект в одном опочецком говоре*, курсовая работа (НИУ ВШЭ).

Дьяченко et al. 2018

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Малышева А. В., Ронько Р. В., Тер-Аванесова А. В., Экспедиция в Опочечкий район Псковской области, *Русский язык в научном освещении*, 2018, 2 (36), 257–313.

——— 2019

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Тер-Аванесова А. В., *Формы перфекта и перфектные конструкции в говорах под Опочкой*, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2019, 22: Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (27–29 мая 2019 г.), 213–229.

——— 2020

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Тер-Аванесова А. В., *Причастия прошедшего времени и формы прошедшего времени в говорах под Опочкой*, *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2020, 1 (23), 53–88.

Дурново, Соколов, Ушаков 1915

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н., *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии*, Москва, 1915.

Ермолова 2020

Ермолова М. В., *Об одном разночтении в Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов*, *Вопросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сборник статей к юбилею В. А. Плунгяна*, Москва, 2020, 529–533.

——— 2020a

Ермолова М. В., *О соотношении -л-форм и причастий на -ъш- / -въш- в древнерусском языке*, *Вопросы языкознания*, 2020, 3, 78–100.

——— 2022

Ермолова М. В., *К вопросу о причастном функционировании -л-формы в истории русского языка в свете русских диалектных данных и инославянского материала*, *Slověne*. 2022, 11/1, 245–280.

Захарова, Орлова 2004

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., *Диалектное членение русского языка*, Москва, 2004.

Карский 1903

Карский Е. В. *Белоруссы*, 1: Введение в изучение языка и народной словесности, Варшава, 1903.

Кузьмина, Немченко 1971

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В., *Синтаксис причастных форм в русских говорах*, Москва, 1971.

Князев 2007

Князев Ю. П., *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*, Москва, 2007.

Макарова 2016

Макарова А. Л., *О формах и функциях перфекта в западномакедонских диалектах*, *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, XII, 2: Исследования по теории грамматики, 7: Типология перфекта, С.-Петербург, 2016, 217–234.

Маслов 1983

Маслов Ю. С., Результатив, перфект и глагольный вид, *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, 1983, 41–54.

——— 2004

Маслов Ю. С., *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*, Москва, 2004.

Недялков, Яхонтов 1983

Недялков В. П., Яхонтов С. Е., Типология результативных конструкций, *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, 1983, 5–41.

Образование 1970

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров, Орлова В. Г., отв. ред., Москва, 1970.

Плунгян 2016

Плунгян В. А., К типологии перфекта в языках мира: Предисловие, *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, XII, 2: Исследования по теории грамматики, 7: Типология перфекта, С.-Петербург, 2016, 7–36.

Пшеничнова 1996

Пшеничнова Н. Н., *Типология русских говоров*, Москва, 1996.

Ронько et al. 2023

Ронько Р. В., Азанова А. С., Анисимов А. Д., Войтович Е. Е., Заливина Е. А., Землянская С. А., Марченко И. А., Мочульский Д. И., Псковский говор деревень Шетнево, Макеево, Терехово и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. Элементы корпусного описания и полевые материалы, *Русский язык в научном освещении*, 2023, 1 (45), 216–262.

Рыко 2002

Рыко А. И., Причастия на -ши в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона, *Русский язык в научном освещении*, 2002, 2 (4), 171–193.

Рыко, Спиричева 2020

Рыко А. И., Spiricheva M. V., Corpus of the Russian dialect spoken in Khislavichi district 2020, Moscow, Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, (<http://lingconlab.ru/khislavichi/>).

——— 2022

Рыко А. И., Спиричева М. В. Степень сохранности диалектных черт у представителей разных поколений (Хиславичский район Смоленской области), *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, 2022, 5, 121–141.

Скачедубова 2018

Скачедубова М. В., Об интерпретации -л-формы без связи в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-й Новгородской летописях, *Вопросы языкознания*, 2018, 5, 64–76.

Трубинский 1983

Трубинский В. И., Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах, *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*, Ленинград, 1983, 216–226.

——— 1984

Трубинский В. И., *Очерки русского диалектного синтаксиса*, Ленинград, 1984.

Цейтина 2022

Цейтина Е. И. Конструкции с причастиями в предикативном значении в русских говорах, выпускная квалификационная работа, НИУ ВШЭ, 2022.

Шетнево, Makeevo

Ron'ko R., Azanova A., But'enko Z., Zambrzhickaya M., Marchenko I., Mochulskij D., Tsejtina E., *Corpus of Shetnevo and Makeevo 2022*, Moscow, Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, V. V. Vinogradov Russian Language Institute Russian Academy of Science (<http://lingconlab.ru/shetnevo/#1/>)

Dahl 1980

Dahl Ö., *Tense-Mood-Aspect Progress Report*, *Gothenburg papers in theoretical linguistics*, 1980, 6. 1980, 1–42.

——— 1985

Dahl Ö., *Tense and aspect systems*, Oxford, 1985.

Danylenko 2005

Danylenko A., Is there any possessive perfect in North Russian?, *WORD*, 2005, 56/3, 347–379.

Giger 2003

Giger M., *Resultativa im modernen Tschechischen. Unter Berücksichtigung der Sprachgeschichte und der übrigen slavischen Sprachen*, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Mein, New York, Oxford, Wien, 2003.

Jung 2014

Jung H., Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian, *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*, Bergen, 2014, 195–215.

Piskorz 2012

Piskorz J., *Die Grammatikalisierung eines neuen Perfekts im Polnischen*, München, Berlin, Washington, 2012.

Seržant 2012

Seržant I. A. The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. *Adiachronic and areal account*, *Lingua*, 122 (4), 356–385.

Wiemer 2017

Wiemer B., Slavic Resultatives and Their Extensions: Integration into the Aspect System and the Role of Telicity, *SLAVIA*, 2017, 2–3(86), 124–168.

Wiemer, Giger 2005

Wiemer B., Giger M., *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte)*, München, Newcastle, 2005.

References

Dahl Ö., *Tense-Mood-Aspect Progress Report*, *Gothenburg papers in theoretical linguistics*, 1980, 6. 1980, 1–42.

Dahl Ö., *Tense and aspect systems*, Oxford, 1985.

Danylenko A., Is there any possessive perfect in North Russian?, *WORD*, 2005, 56/3, 347–379.

Dyachenko S. D., Zhidkova E. G., Malysheva A. V., Ronko R. V., Ter-Avanosova A. V., *Dialectological expedition to Opochna district, Pskov region*, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2018, 2 (36), 257–313.

Dyachenko S. D., Zhidkova E. G., Ter-Avanosova A. V., Past participles and perfect constructions in Opochna dialects, *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2020, 1 (23), 53–88.

Ermolova M. V., Ob odnom raznochtenii v Novgorodskoi Pervoi letopisi starshogo i mladshogo izvodov, *VAProsy iazykoznanii: Megasbornik nanostatei. Sbornik stateti k iubileiu V. A. Plungiana*, Moscow, 2020, 529–533.

Ermolova M. V., The relationship between *l*-forms and -vš-/-vš'-participles in Old Russian, *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 3, 78–100.

Ermolova M. V., On the Participial Functioning of the *l*-form in the History of the Russian Language in the Light of Russian Dialectal Data and the Material of the Other Slavic Languages, *Slověne*. 2022, 11/1, 245–280.

Giger M., *Resultativa im modernen Tschechischen. Unter Berücksichtigung der Sprachgeschichte und der*

übrigen slavischen Sprachen, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Mein, New York, Oxford, Wien, 2003.

Jung H., Conditioning factors in the development of the -vši perfect in West Russian, *Contemporary Approaches to Dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*, Bergen, 2014, 195–215.

Kuzmina I. B., Nemchenko E. V., *Sintaksis pričastnykh form v russkikh govorakh*, Moscow, 1971.

Kniazev Yu. P., *Grammaticheskaia semantika. Russkii iazyk v tipologicheskoi perspektive*, Moscow, 2007.

Makarova A. L., O formakh i funktsiakh perfekta v zapadnomakedonskikh dialektakh, *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanii RAN*, 12, 2: Issledovaniia po teorii grammatiki, 7: Tipologiiia perfekta, St. Petersburg, 2016, 217–234.

Maslov Yu. S., Rezul'tativ, perfekt i glagol'nyi vid, *Tipologiiia rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*, Leningrad, 1983, 41–54.

Maslov Yu. S., *Izbrannye trudy. Aspektologiiia. Obščee iazykoznanie*, Moscow, 2004.

Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E., Tipologiiia rezul'tativnykh konstruksii, *Tipologiiia rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*, Leningrad, 1983, 5–41.

Piskorz J., *Die Grammatikalisierung eines neuen Perfekts im Polnischen*, München, Berlin, Washington, 2012.

Plungian V. A., *K tipologii perfekta v iazykakh mira: Predislovie*, *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanii RAN*, 12, 2: Issledovaniia po teorii grammatiki, 7: Tipologiiia perfekta, St. Petersburg, 2016, 7–36.

Pshenichnova N. N., *Tipologiiia russkikh govorov*, Moscow, 1996.

Ronko R., Azanova A., Anisimov A. D., Voitovich E. E., Zalivina E. A., Zemlyanskaya S. A., Marchenko I. A., Mochulskiy D. I., The dialect of the villages Shetnevo, Makeevo, Sh'elkino, Terekhovo and Stepan'kovo of the Zapadnodvinskij district, Tver oblast'. A grammar sketch and field notes, *Russkij iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, 1 (45), 216–262.

Ryko A. I., Prichastiiia na -shi v odnom zapadnorusskom govore toropetsko-kholmnskogo regiona, *Russkij iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2002, 2 (4), 171–193.

Ryko A. I., Spiricheva M. V., The degree of preservation of dialectal features in different generations (Khislavichi district of the Smolensk region), *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, Series, 2022, 5, 121–141.

Seržant I. A. The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. Adiachronic and areal account, *Lingua*, 122 (4), 356–385.

Skachedubova M. V., On the interpretation of I-forms without auxiliary used in pluperfect contexts in Hypatian Chronicle and The First Novgorodian Chronicle, *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, 5, 64–76.

Trubinsky V. I., Rezul'tativ, passiv i perfekt v nekotorykh russkikh govorakh, *Tipologiiia rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*, Leningrad, 1983, 216–226.

Trubinsky V. I., *Očerki russkogo dialektного sintaksisa*, Leningrad, 1984.

Wiemer B., Slavic Resultatives and Their Extensions: Integration into the Aspect System and the Role of Telicity, *SLAVIA*, 2017, 2–3 (86), 124–168.

Wiemer B., Giger M., *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte)*, München, Newcastle, 2005.

Zakharova K. F., Orlova V. G., *Dialektnoe chlenenie russkogo iazyka*, Moscow, 2004.

Мария Вадимовна Ермолова, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2;
научный сотрудник
Международной лаборатории языковой конвергенции
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 5
Россия / Russia
maria-anna2121@yandex.ru

Георгий Алексеевич Мороз, кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Международной лаборатории языковой конвергенции
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 5
Россия / Russia
agricolamz@gmail.com

Received January 1, 2024

Неизвестное
стихотворение
И. И. Дмитриева
и основание
Михайловского замка
в Санкт-Петербурге
в 1797 г.

Ivan Dmitriev's
Unknown Poem
and the Founding of
St. Michael's Castle
in St. Petersburg
in 1797

Николай Игоревич Петров

С.-Петербургская Духовная Академия,
С.-Петербург, Россия

Nikolai I. Petrov

St. Petersburg Theological Academy,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Статья содержит публикацию неизвестного сочинения И. И. Дмитриева, обнаруженного автором в научно-исследовательском отделе редкой книги Библиотеки Российской Академии наук. Это краткое стихотворение посвящено основанию 26 февраля 1797 г. Павлом I Михайловского замка на месте Летнего дворца Елизаветы Петровны. Сделанный И. И. Дмитриевым в названии стихотворения акцент на основании монархом именно храма (а не замка с замковым храмом) находит себе соответствие в формирующемся в Санкт-Петербурге в ноябре 1796 г. предании о явлении в Летнем дворце архангела Михаила, требующего построить на этом месте посвященную ему церковь. Монарх, по словам поэта, закладывает этот храм «рукой державной вместо грому». Данное выражение может быть понято как противопоставление описываемого сакрального деяния императора его милитарному

Цитирование: *Петров Н. И.* Неизвестное стихотворение И. И. Дмитриева и основание Михайловского замка в Санкт-Петербурге в 1797 г. // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 184–203.

Citation: *Petrov N. I.* (2024) Ivan Dmitriev's Unknown Poem and the Founding of St. Michael's Castle in St. Petersburg in 1797. *Slověne*, Vol. 13, № 2, p. 184–203.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.2.07

образу. Впрочем, возможна и иная трактовка этого выражения в качестве указания на то, что «рука державная» монарха основывает храм подобно грому. Ведь в агиографическом предании о явлениях архангела Михаила на горе Гаргано (в особенности — в той его версии, которую содержит Четви-Минеи свт. Димитрия Ростовского) гром, сопровождающий содрогание горы Гаргано, предшествует обретению местными жителями храма в пещере на ее вершине, устроенного архангелом Михаилом. Публикуемое стихотворение И. И. Дмитриева, несмотря на свою краткость, дает возможность предполагать отражение в нем некоторых неизвестных ранее особенностей восприятия современниками основания и строительства Михайловского замка.

Ключевые слова

Иван Иванович Дмитриев, Санкт-Петербург, Михайловский замок, российский император Павел I, архангел Михаил, основание храма, освящение храма, гром как метафора

Abstract

The article presents a publication of Ivan Dmitriev's unknown poem *On the Founding of the Church in the Summer Palace of His Imperial Majesty*: "While the Monarch by his sovereign hand instead of (as if) a thunder / Finds the church for the glory of the Holy Trinity; / The king of kings bless this feat from heaven! / Send to the founder Solomon's antiquity (wisdom) as well / For glorification of the Russian throne / And people's happiness". (The manuscript was revealed in the Library of the Russian Academy of Sciences.) This short poem is devoted to the founding of St. Michael's Castle by Paul the First on February 26, 1797 on the site of Empress Elizabeth's Summer Palace. The point that Dmitriev made in the title on the founding of a church by the monarch (and not a palace with a church inside) corresponds with the tale that appeared in St. Petersburg during November of 1796 and described the apparition of archangel Michael in that Summer Palace with the demand to build a church on this site and dedicate it to him. The monarch, according to the poem, founds this church "by his sovereign hand instead of a thunder". This expression can be understood as a contrasting of this emperor's sacred act with his military image. However, another interpretation of these words is possible as well—they can be understood as an indication that the monarch's "sovereign hand" founds a church as if a thunder. Indeed, in the hagiographic tale about the apparitions of archangel Michael on mount Gargano (especially—in the version that was included in St. Demetrius of Rostov's Monthly Readings (*Chetii-Minei*)) a thunder, accompanied the shaking of mount Gargano, preceded the finding of the church, which was created by archangel Michael, in the cave on its pinnacle by the local residents. The revealed poem, in spite of its brevity, allows assuming that it reflects some unknown features of the perception of St. Michael's Castle by the contemporaries of its founding and construction.

Keywords

Ivan Ivanovich Dmitriev, St. Petersburg, St. Michael's Castle, Russian Emperor Paul the First, archangel Michael, founding of a church, consecration of a church, thunder as a metaphor

Рукописное воспроизведение стихотворения, указанного в названии настоящей статьи, входило в состав владельческого конволюта, хранящегося ныне в научно-исследовательском отделе редкой книги Библиотеки Российской Академии наук и представляющего собой собрание различных поэтических и иных текстов, посвященных в первую очередь восшествию императора Павла I на российский престол 6 ноября 1796 г. и последовавшей затем его коронации 5 апреля 1797 г. Тексты, напечатанные в типографиях, входят в данный конволют под шифрами 30613д–30633д; рукописные тексты, по-видимому, относительно недавно (в конце XX в.?) были извлечены из конволюта и в настоящее время хранятся в отдельной папке, прилагающейся к нему. Впрочем, в самом конволюте сохранился рукописный титульный лист («Восклицание муз росииских 1797 год[а] по случаю возшествия на престол и Коронации Его императорского величества Государя императора Павла Иго»¹) и рукописное оглавление («Оглавление в Книге Сей находящимся Сочинениям»), в котором перечислены все включенные в него тексты (в том числе — рукописные). Наличествующая в конволюте (30614д) «Песнь Его Императорскому Величеству... Павлу Петровичу... во изъявление всеподданнической благодарности за полученную Высочайшую милость» М. М. Хераскова [Херасков 1797] с дарственной надписью «Гаврилу Романовичу Державину от Автора», равно как и вполне узнаваемый почерк титульного листа конволюта, позволяют считать Г. Р. Державина его составителем и первым владельцем.

Под № XV в оглавлении конволюта отмечено известное стихотворение Ивана Ивановича Дмитриева [Дмитриев 1796; Дмитриев 1967: 322–325, № 253], которое в данном своем рукописном варианте имеет название «Стихи на восшествие его Императорского величества на Российской престол» (первая строка — «Ты принял скиптр Екатерины...»). Публикуемое в настоящей статье стихотворение И. И. Дмитриева отмечено в оглавлении конволюта под № XVI следующим образом: «Его же [т. е. И. И. Дмитриева — автора, упомянутого выше под № XV. — Н. П.] надпись на заложение Михайловскаго дворца и храма». Находящийся среди извлеченных из конволюта рукописей лист, помеченный порядковым номером XVI², содержит следующий текст (рис. 1):

¹ Здесь и далее рукописные тексты из рассматриваемого конволюта приводятся с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации, за исключением замены «Ѣ» на «е», «і» на «и» и удаления конечного «ъ».

² Все рукописные тексты из конволюта «Восклицание муз росииских...» не отражены в каталоге научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Российской Академии наук и не несут на себе современных шифров данного отдела.

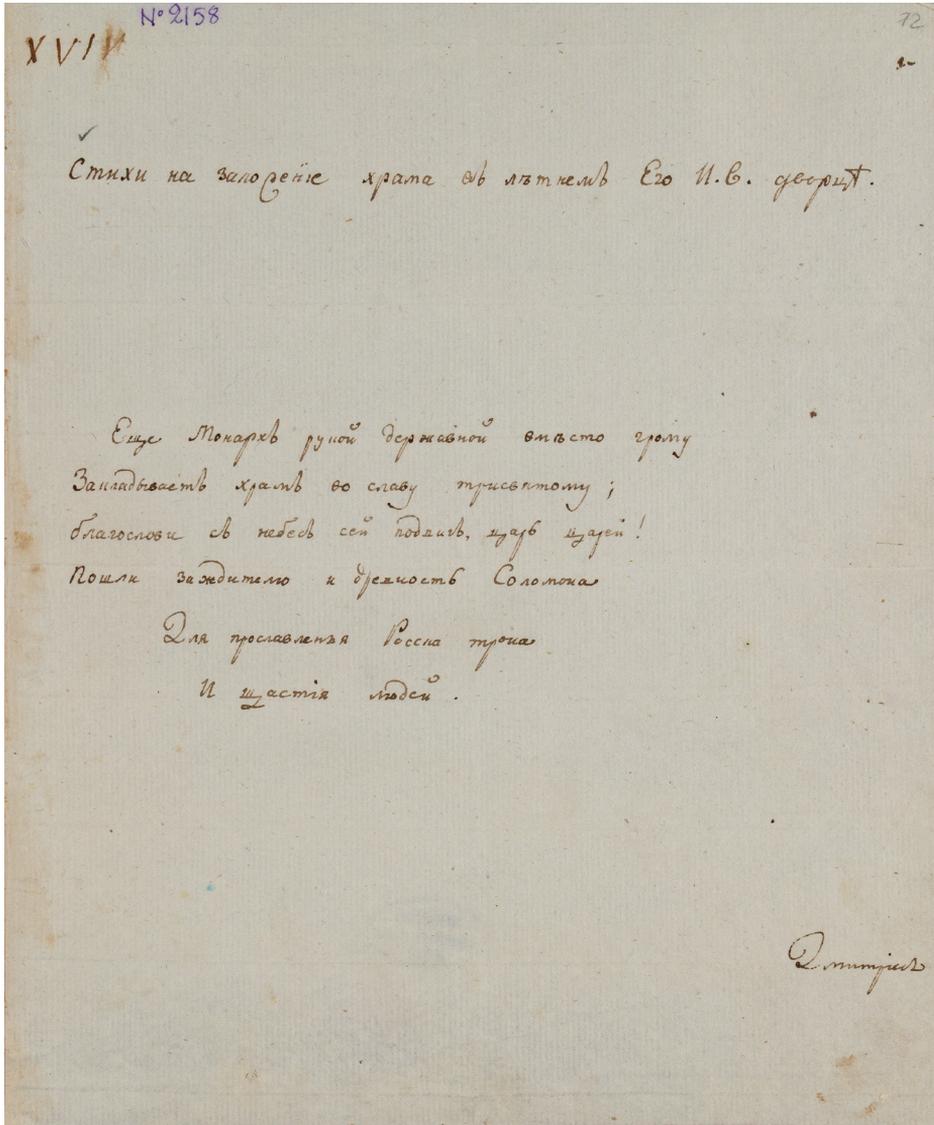

Рис. 1. Рукописный текст № XVI из конволюта «Восклицание муз росииских...» (1797 г., научно-исследовательский отдел редкой книги Библиотеки Российской академии наук, 30613д–30633д).

Стихи на заложение храма в летнем Его И. В. дворце.

Еще³ Монарх рукой державной вместо грому
Закладывает храм во славу трисвятому;
Благослови с небес сей подвиг, царь царей!
Пошли зиждителю и древность Соломона
Для прославленья Роска трона
И щастия людей.

Дмитриев

Данный текст отсутствует как в хорошо известном полном собрании стихотворений И. И. Дмитриева [Дмитриев 1967], так и в относительно недавнем собрании его сочинений и переводов, подготовленном к изданию В. А. Сукайло [Дмитриев 2010]. О том, что речь здесь должна идти об авторстве именно И. И. Дмитриева (а не его родственника или однофамильца), свидетельствует не только то, что эти стихи отмечены как «его же» и указаны в оглавлении конволюта сразу же после упоминания текста № XV, принадлежность которого И. И. Дмитриеву не может вызывать сомнений. Оба текста — и № XV, и № XVI — представляют собой стихотворения, написанные начисто одним и тем же, достаточно узнаваемым почерком, который вполне может быть признан идентичным почерку опубликованных автографов других стихотворений И. И. Дмитриева [Дмитриев 2010: 149, 210, 256, 410–411, 416–417, 434–435, 441, 444].

Публикуемое стихотворение И. И. Дмитриева, названное в оглавлении конволюта «надписью на заложение Михайловскаго дворца и храма», не обнаруживает какого-либо неожиданного для подобного рода текстов содержания, однако детальное его рассмотрение позволяет затронуть ряд вопросов, связанных с характером восприятия этого архитектурного сооружения — Михайловского замка Павла I — накануне и в самом начале его возведения.

Обстоятельства, предшествовавшие принятию Павлом I решения о строительстве в Санкт-Петербурге новой императорской резиденции, названной им в честь архангела Михаила, рассматривались мною ранее [Петров 2020a], и здесь я хотел бы обратить внимание лишь на

³ В наречии *еще* здесь следует, по-видимому, усматривать характеристику действия, «которое началось раньше и продолжается теперь» [Словарь 1992: 87]. В данном случае (см. далее) *еще*, надо полагать, приурочивает призываемое Божие благословение основания храма монархом к тому самому времени, когда это основание совершается.

те сведения, которые представляются существенными для понимания различий названий публикуемого стихотворения, данных ему самим И. И. Дмитриевым и составителем конволюта в оглавлении.

Известно, что Михайловский замок был возведен на том месте, где ранее располагался деревянный Летний дворец Елизаветы Петровны, построенный в 1740-х — 1750-х гг. [Обухова 1994]: «Домовая Троицкая церковь, увенчанная главкой, размещалась в дворцовом крыле по Фонтанке, была, по-видимому, освящена в год окончания строительства и существовала до разборки дворца» [Антонов, Кобак 2010: 471–472, № 118п]. Вокруг этого дворца был устроен так называемый третий Летний сад, простиравшийся на юг до Итальянской улицы [Силантьева, Яранцев 2003: 549]. Вскоре после воцарения Павла I, 19 ноября 1796 г., в Кантору строений Его Императорского Величества домов и садов поступило его распоряжение о сносе данного дворца: «...Летней дворец сломать...» — и далее: «...Сделать смету прожектированному на месте летнего дворца новому дворцу [т. е. каменному Михайловскому замку, — Н. П.]...» [Протоколы 1796: 343]. 20 ноября 1796 г. появляется приказ Павла I, которым император переименовывает даже этот дворец, уже «приговоренный» к сносу: «Бывший Летний Дворец называть Михайловским» [ПСЗ 1830: 12, № 17571]. Данным распоряжениям Павла I предшествовал рассказ «некоего часового, стоявшего на карауле возле одной из дверей Летнего дворца», который был впоследствии изложен Шарлем Массоном следующим образом:

Он поведал [...] что во время своего караула он увидел свет в заброшенных залах дворца, что постучали в дверь помещения, где он находился, и окликнули его по имени. Тогда он набрался мужества, поглядел в щелку двери и узрел архангела Михаила. Тот приказал ему отправиться от его имени к императору и передать, чтобы в этом месте выстроили церковь в честь этого святого. Солдат просил вследствие важности этого происшествия сообщить о нем императору... [...] Император сказал, что св. Михаилу нужно повиноваться, что он и сам уже получил свыше веление возвести такую церковь и имеет ее план. Он действительно велел принести план церкви, который хранился у него в кабинете [Массон 1996: 104, примеч. ***].

Это предание непосредственно влияет на формирование в ту пору специфического павловского культа архангела Михаила, который выглядит плодом одной лишь личностной религиозной рефлексии данного российского императора [Петров 2020б: 158].

Закладка Михайловского замка на месте снесенного Летнего дворца состоялась 26 февраля 1797 г.

За исключением публикуемого в настоящей статье стихотворения, мне не известны какие-либо иные поэтические отклики на это событие,

да и рассматриваемый здесь текст И. И. Дмитриева представляет собой скорее только лишь попытку подобного отклика, коль скоро он так и не был — насколько об этом можно судить сегодня — напечатан в типографии⁴. Показательно, что освящение построенного Михайловского замка (точнее говоря, освящение церкви архангела Михаила в построенном Михайловском замке), состоявшееся 8 ноября 1800 г., нашло отражение по крайней мере в двух стихотворениях, написанных князем Прокопием Васильевичем Мещерским [Мещерский 1800] и Александром Ястребцовым [Ястребцов 1800].

Название рассматриваемого стихотворения, данное ему самим И. И. Дмитриевым, — «Стихи на заложение храма в летнем Его И[мператорского] В[еличества] дворце» — содержит в себе существенную неясность. Дело не в том, что в этом названии говорится о закладке храма, а не заключающего в себе этот храм замка-дворца⁵. Схожим образом освящение построенного Михайловского замка 8 ноября 1800 г. в названиях двух упомянутых выше стихотворений П. В. Мещерского и А. Ястребцова характеризуется как освящение замкового храма⁶. Более того, акцентируя таким способом закладку именно храма, И. И. Дмитриев следует фабуле предания, согласно которому архангел Михаил требует построить посвященную ему церковь (а не очередную императорскую резиденцию). Следует иметь в виду, что ко времени закладки Михайловского замка речь шла не просто о предполагавшемся наличии в одном из его помещений храма архангела Михаила; церковь отчетливо выступает из основного объема здания, что должно было быть видно уже в конфигурации фундаментных рвов. Попутно надо отметить, что

⁴ Образец иной, благополучной судьбы аналогичного короткого стихотворения, посвященного закладке храма, представляет собой поэтический текст А. П. Сумарокова, поднесенный им Екатерине II непосредственно после совершения императрицей церемонии основания Исаакиевского собора 8 августа 1768 г.: «Исакия день к славе учрежден; / В день памяти его Великий Петр рожден, / Сие брег невский восклицает: / А с стен Петровых гром, / Весь воздух пронизает; / Премудрость Божеству сооружает дом, / И возсияет он подобьем райска крина, / Великолепие, в честь дню сему, / Дает ему, / Великая Екатерина» [Санктпетербургские Ведомости 1768: 4; Сумароков 1787: 274].

⁵ Ср.: «В 26й день Февраля сего 1797 года по полудни в 5 часу происходила закладка Михайловского замка, для которой прибыть изволил Его Императорское Величество...» [Санктпетербургские Ведомости 1797: 397]. В камер-фурьерском журнале также говорится о «закладывании Михайловского Императорского Замка» [Камер-фурьерский журнал 1797: 387–388, 390].

⁶ В камер-фурьерском журнале речь идет об «освящении Михайловской придворной церкви и всего оного замка» (или же просто об «освящении Михайловского замка»): «...по обыкновенному обряду [...] началась духовная процессия освящению церкви», затем «архиереи [...] шли со святою водою и окропляли все комнаты...» [Камер-фурьерский журнал 1800: 445, 451–454]. (В «Санкт-Петербургских ведомостях» в ноябре-декабре 1800 г. сообщение об освящении Михайловского замка не было опубликовано.)

сопряжение самим Павлом I требования архангела построить церковь с возведением в действительности замка следует, возможно, объяснять общим влиянием средневековой архитектурной идеи церкви-крепости⁷.

Гораздо более странным в названии рассматриваемого стихотворения выглядит указание на то, что храм закладывается в «в летнем Его И. В. дворце». Во-первых, как уже было отмечено выше, распоряжение Павла I о сносе Летнего дворца Елизаветы Петровны датируется 19 ноября 1796 г., и ко времени закладки Михайловского замка он, конечно же, уже был снесен. И. И. Дмитриев мог написать «стихи на заложение храма» как по прошествии какого-то времени после состоявшейся 26 февраля 1797 г. закладки, так и за некоторое время до нее, но вряд ли и в том, и в другом случае данный временной интервал мог быть значительным, и уж тем более невозможно допустить, что эти стихи были написаны ранее 19 ноября 1796 г. Во-вторых, распоряжение Павла I о переименовании Летнего дворца от 20 ноября 1796 г. нарочито публикуется в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «...Его Императорское Величество Высочайше указать соизволил бывшей летней дворец называть Михайловским дворцом» [Санктпетербургские Ведомости 1796: 2238]. Трудно представить, что И. И. Дмитриев ничего не знал об этом требовании императора — поэт приехал в Санкт-Петербург в конце ноября 1796 г. и затем в течение всего 1797 г. находился в столице за исключением выезда в Москву на коронацию Павла I [Сукайло 2010: 111–128].

Единственным возможным объяснением указания на закладку храма «в летнем [...] дворце» представляется широкое понимание в данном случае этого словосочетания, бытовавшего в XVIII в. и в качестве городского микротопонима, который обозначал Летний сад в целом. Так, в описании Санкт-Петербурга, завершеном Андреем Ивановичем Богдановым в середине XVIII в., в ряде случаев «под “Летним Домом” следует, по-видимому, понимать Летний Дом и Летний Сад вместе» [Логачев 1997: 49]⁸. В дополнительном описании столицы, выполненном

⁷ См. об этом подробнее в [Петров 2022: 187–193, 196–197]. Дворцы часто назывались замками в ту пору; см., например, упоминания императорских и великокняжеских «увеселительных замков» Пелла, Чесма, Царское село, Павловск, Гачина, Стрельна, Петергоф и Ораниенбаум в [Георги 1794: 676, 682, 686, 698, 701, 716, 718, 724]. Однако Михайловский замок Павла I при всей условности его восприятия в качестве крепостного сооружения обладал рядом черт собственно фортификационного характера, хотя и обретаемых им, согласно наблюдениям В. В. Пучкова, лишь в процессе строительства, а не задуманных изначально: «Помимо рвов с водой, бастионов и пушек созданию видимости неприступной крепости в облике павловской резиденции способствовали и перекинутые через каналы подъемные мосты...» [Пучков 2005: 154–159].

⁸ Как отмечает К. В. Малиновский, «Летним двором или Летним домом называлась в XVIII в. территория первого, второго и третьего Летних садов со всеми находящимися на ней постройками» [Штелин 1990: 386, примеч. 13].

А. И. Богдановым в 1760-х гг., сообщается, что «в летнем Ее Императорского Величества доме на берегу от Невы реки каменных трои палаты: а) на углу Фонтанки речки, б) на канале, с) на Царицыном лугу, недалеко от старого почтового двора» [Титов 1903: 22]. Использование слова «дом» вместо «дворец» хорошо известно в ту пору⁹. Таким образом, заглавие стихотворения указывает на закладку храма в Летнем саду (т. е. — в третьем Летнем саду, где располагался Летний дворец Елизаветы Петровны). Как бы то ни было, показательно, что в оглавлении конволюта название данного стихотворения формулируется уже иначе и исключает рассмотренную неясность — «надпись на заложение Михайловского дворца и храма».

Следует отметить, что, даже проигнорировав указание на Михайловский замок в названии данного стихотворения в оглавлении конволюта, мы все равно вынуждены будем признать его связь именно с этой павловской резиденцией: название конволюта датирует его 1797 г., соответственно, упоминание монарха в стихотворении в мужском роде однозначно подразумевает Павла I, а упоминание императорского Летнего дворца не менее однозначно локализует «заложение храма». Наконец, в первых двух строках стихотворения сообщается о непосредственном участии монарха в закладке, что также указывает на ритуал, который был совершен Павлом I в Санкт-Петербурге 26 февраля 1797 г., когда император так или иначе «оттеснил» присутствовавшего архиерея на второй план¹⁰.

Согласно описанию закладки Михайловского замка, «Преосвященный Архиерей [тверской архиепископ Ириней (Клементьевский). — *Н. П.*] начал служить молебен [водосвятный. — *Н. П.*]. [...] По окончании молебна и кропления святой воды началась закладка знаменитого сего здания...» [Санктпетербургские Ведомости 1797: 397–399] (см. также [Евдокимов 1900: 13–14]). Насколько позволяет судить цитируемый текст, центральным артефактом здесь являлся «мраморный камень, нарочно для закладки приготовленный» [Санктпетербургские Ведомости 1797: 398], содержащий надпись, сообщавшую об этом событии, а участие в нем Павла I (и его супруги и детей) заключалось в помещении в соответствующее место яшмового камня («яшмовые камни на подобие кирпичей с вызолоченными вензелями Государя и Государыни»), с использованием для этого лопатки («серебряные вызолоченные лопатки с именами Их Величеств»), молотка («молоток серебряной с

⁹ См., например, название раздела в процитированном описании А. И. Богданова: «Императорские дома» [Титов 1903: 8].

¹⁰ Подобная ситуация вполне соответствует хорошо известным иным претензиям Павла I на статус епископа [Успенский 1998: 176–184].

надписью») и монет: «...По том следовали сему духовенство, придворные Кавалеры, обоего пола знатные особы и чужестранные Министры» [Санктпетербургские Ведомости 1797: 398–399]. Судя по данному описанию, архиерей — в отличие от императора и членов его семьи — не принимал в полной мере самостоятельного и при этом непосредственного, так сказать, «технического» участия в закладке замка. Однако несмотря на то что храм Михайловского замка не упоминался даже в надписи на закладном «мраморном камне»¹¹, его появление в дальнейшем в пределах этого строения, конечно же, подразумевалось (см. выше) и отсутствие в описании закладки указаний на соответствующие действия архиерея следует, возможно, объяснять заметной лаконичностью данного текста. Но даже если исходить из того, что мы рассматриваем сейчас не столько сам ритуал, сколько его описание, отсутствие в нем подобных сведений — за исключением сообщения о водосвятном молебне и кроплении святой водой — обращает на себя внимание. Судя по газетной публикации, именно император совершает закладку замка в присутствии архиерея, собственно закладные *самостоятельные* действия которого по крайней мере не упоминаются в ней.

Особенность участия Павла I в закладке Михайловского замка становится более явной при ее сравнении, например, с участием Екатерины II в закладке Академии художеств 7 июля 1765 г. Общая структурная близость данного ритуала основанию Михайловского замка представляется очевидной: речь в этом случае также идет о начале строительства секулярного здания, обладающего особым имперским статусом, и относящегося к нему домового храма со значимым для основного строения посвящением св. прп. Иоанну Дамаскину. Однако церемонию здесь возглавляет архиерей, императрица же непосредственно участвует в закладке, *дополняя* своими действиями закладные действия архиерея. Показательно, что в надписи на медной «доске», использованной в ритуале основания здания Академии художеств и сообщавшей об этом событии, говорилось, что академия и храм закладываются лишь «в присутствии Ее Величества»¹².

Отраженное И. И. Дмитриевым представление об ином характере закладки строения на месте Летнего дворца Елизаветы Петровны — об основании монархом храма, а не замка — позволяет предполагать, что

¹¹ В этой надписи подчеркивалось непосредственное отношение Павла I к данной закладке: «...Положено основание сему зданию Михайловского замка Его Императорским Величеством и Супругою Его...» [Санктпетербургские Ведомости 1797: 398].

¹² Более подробно участие Екатерины II и Павла I в ритуалах закладок различных церковных и секулярных архитектурных сооружений рассматривается в [Петров 2023: 127–139].

поэт писал это стихотворение за некоторое время до данного события. Возможно, отличие состоявшейся закладки от ожидавшейся И. И. Дмитриевым церемонии и явилось причиной забвения им в дальнейшем этого текста, повлекшего за собой его отсутствие в публикациях собранных сочинений поэта, издававшихся в XIX в.

И. И. Дмитриев ничего не говорит о посвящении храма архангелу Михаилу, но отмечает, что он закладывается «во славу трисвятому». Нет оснований усматривать в этом какое-либо противоречие: архангел Михаил не упоминается и в отмеченном выше стихотворении П. В. Мещерского «на случай освящения церкви в Михайловском замке». А, например, митрополит Платон (Левшин) в своем «Слове на освящение храма», который был устроен к коронации Павла I в московском Слободском дворце и также посвящен архангелу Михаилу¹³, так говорит об этой домово́й церкви: «Благочестивейший Государь наш, величайший из Царей земных, воздвиг сей храм Царю небесному». Впрочем, несколькими строками ниже митрополит Платон упоминает и «военачальника небесных сил Михаила, коего славным именем сей храм ознаменован». Стоит попутно заметить, что митрополит Платон в этой своей проповеди вполне однозначно свидетельствует о вовлеченности императора в состоявшееся священнодействие: «...Боголюбнейший Монарх наш всю честь освящения сего достойно может присвоить Себе. Мы совершили служение по долгу своему. Но Он Его освятил силою веры Своей, которая никаким местом неограничивается» [Платон (Левшин) 1798: 133, 138–139]. Последнее утверждение в приведенной цитате имеет особенное значение, так как данный храм освящался 7 марта 1797 г. в отсутствие императора, который выехал в Москву из Павловска 10 марта [Камер-фурьерский журнал 1797: 464].

Впрочем, возможно, намек на образ архангела Михаила все же содержится в первых двух строках рассматриваемого стихотворения, не вполне ясно сообщающих о том, что монарх закладывает храм «рукой державной вместо грома». Мотив вручения Богом монарху грома в качестве оружия встречается в поэтических текстах, адресованных как

¹³ «За несколько месяцев перед отъездом в Москву на коронацию император купил у графа Безбородко преогромный его дом, против Головинского сада, и назвал оный Слободским дворцом» [Комаровский 2012: 55]. Именно в ходе подготовки этого здания для проживания в нем императора в течение некоторого времени до и после коронации к нему была пристроена домовая церковь, которую проектировал Василий Иванович Баженов (имевший, как известно, непосредственное отношение и к проектированию Михайловского замка). Уже в письме Павлу I от 24 января 1797 г. В. И. Баженов называет данную церковь Михайловской и характеризует ее как «всю почти в черне кончанную»; баженовский проект этого храма датируется 17 ноября 1796 г. [Баженов 2001: 180, 272, № 220]. Нет, таким образом, никаких оснований предполагать присутствие Павла I при закладке данного храма.

Екатерине II¹⁴, так и Павлу I. М. М. Херасков в 1799 г. так писал о его призвании подавить революцию во Франции: «Творцу противящаяся сила / Народ развратный [Французов. — Н. П.] избрала; / Рассудок здравый погасила, / Из сердца веру изгнала... / [...] / ...Но Бог, превыше звезд седящий, / На благочестие смотрящий, / Вручает Павлу гром и мечь. / “Сверкни мечем! Ему вещает, / Народ развратный накажи! / Как Бог врагам своим отмщает, / Пред целым светом докажи...” / Вселенна Божью гласу внемлет, / И Павел гром и мечь приемлет...» («Ода Его Императорскому Величеству на Его достопамятные дела, купно и на обручение Ее Императорского Высочества, Государыни Великой Княжны Александры Павловны с Его Королевским Высочеством Эрц-Герцогом Австрийским Иосифом Палатином Венгерским» [Херасков 1798–1801: 206–207])¹⁵. Таким образом, выражение И. И. Дмитриева можно понять как противопоставление описываемого сакрального деяния императора его милитарному образу¹⁶. Однако это выражение может быть воспринято и как указание на то, что, помимо осуществляемого монархом основания храма «рукой державной», существовала также возможность совершения данного священнодействия иным способом — с помощью грома: предлог *вместо* кроме привычного значения ‘взамен’ может иметь здесь и значение ‘в качестве’ (‘как’) [Словарь 1987: 223]. Насколько правомерна столь странная, на первый взгляд, трактовка этих слов?

Охарактеризованное выше предание о явлении в Санкт-Петербурге в 1796 г. архангела Михаила несомненно сопоставимо со схожими европейскими средневековыми нарративами, прежде всего — с повествованием об основании по повелению архангела Михаила посвященного ему храма на северо-западном побережье Франции, на скалистом острове, получившем название Mont-Saint-Michel [Петров 2020a: 132–136]. Однако в нашем случае гораздо больший интерес представляет другое европейское предание о горе Гаргано (Адриатическое побережье Италии). Оно повествует о том, как архангел Михаил является местному епископу и говорит о своем особенном отношении к пещере

¹⁴ Например: «Се тако Божий сын речет... / <...> / “Познайте земнородны ныне / И вся под солнечна внемли; / Вручаю гром Екатерине / Да правит оным на земли... / <...> / ...Она не чтущих мя накажет, / И свету целому покажет, / Что я един во оном Бог”» [Майков 1770: 30б.].

¹⁵ И далее (с. 212): «Куда лишь перстом Он [Павел I. — Н. П.] покажет, / Туда бросайте громы! скажет, / Его перуны [молнии и громы. — Н. П.] загремят. — / Российский меч повсюду блещет...»

¹⁶ Ср. в стихах И. И. Дмитриева «на Высокомонаршую милость, оказанную Императором Павлом Первым потомству Ломоносова» (1798 г., речь идет об освобождении семьи племянника М. В. Ломоносова от подушной подати и рекрутского набора): «О Павел! Ты единым словом, / Не потрясая мира громом, / Себя к бессмертным приобщил» [Дмитриев 1967: 75, 423, № 2].

на вершине данной горы («...Он то место избра себе, и хранит е...»¹⁷), а епископ и народ не дерзают входить в эту пещеру и молятся у входа в нее. Впоследствии жители близлежащего «града Сипонта» были следующим образом поддержаны архангелом Михаилом, когда на них напали «Неаполитане невернии суще»:

...Бысть гром велик, и возведше людие очеса своя, виде на гору Гарган великий облак сходящий: и бысть якоже иногда на Синаи, огонь, и дым, блистания, и громы, яко всей горе той трястися, и облаком покрыватися. Видевше же то сопротивнии оубояшася зело, и начаша бежати: граждане же познавше, яко благий хранитель и скорый заступник прииде с небесными своими вои помощи им. отверзоша врата града, и гнаша в след враги своя, секуще якоже стеблие: они убо создади их сечаху, святой же архистратиг Михаил с высоты громом и молниями их поражаше, яко быти числу мертвых шесть сот мужей падших от грома и молнии. [...] От того времени Неаполитане крепкую всесилнаго Бога руку познавше, прияша святую веру [Книга житий святых 1764: 34–34об.].

Жители «града Сипонта», победив неаполитанцев и придя затем к пещере на вершине горы Гаргано, «оуоставиша же создати на месте том церковь во имя святого архистратига Михаила: и егда к делу приуготовляхуся [...] явился святой архистратиг епископу глаголя: Не подобает вам пещися о здании церковном, аз бо без вашего труда оуготовах себе тамо храм, точию внидите в него. Ты же оутро сотвори в нем святую литургию...» [Книга житий святых 1764: 34об.]. Когда епископ и народ вновь «приидоша на святое то место», то «обретоша в камени истесанную церковь малу, не по обычаю дела рук человеческих сотворенну, но яко пещеру, не гладкия стены имущу. верх же высоты различныя, яко инде главою мощно бе досящи, инде же и рукою не возможно» [Книга житий святых 1764: 34об.].

Нельзя не заметить, что содрогание горы Гаргано, описываемое с неоднократным упоминанием грома, и прочие знамения, сопровождающие сражение, оказываются в своей совокупности единственным ярким явлением, которое разделяет во времени, с одной стороны, отношение местных жителей к пещере на горе Гаргано как к месту, которое избрано архангелом Михаилом и куда нельзя входить, а с другой — известие архангела о том, что он сам уже «оуготовах себе тамо храм»,

¹⁷ Предание о горе Гаргано излагается и цитируется в настоящей статье по Четьям-Миняем свт. Димитрия Ростовского [Книга житий святых 1764: 34–34об., 6 сентября]. Вероятность знакомства И. И. Дмитриева с этим собранием агиографических текстов представляется весьма высокой — в 1796 г. в Москве было напечатано последнее из восьми его синодальных изданий, вышедших в течение второй половины XVIII в. [Круминг 1994: 38–39; Терешкина 2015: 18–32].

обнаруживаемый затем епископом и народом¹⁸. Подобное восприятие этого повествования в качестве известия об устройении храма архангела Михаила самим архистратигом Божиим с помощью грома и молнии¹⁹ вполне соответствует пониманию первых двух строк стихотворения И. И. Дмитриева как сообщения о том, что монарх в описываемом случае закладывает Михайловский храм «рукой державной» — а не громом, как это совершил сам архангел Михаил на горе Гаргано²⁰. Этот взгляд на выражение «рукой державной вместо грома» не исключает, а скорее дополняет его трактовку как отражения мотива вручения Богом монарху грома-оружия.

Одновременное упоминание грома и как оружия-атрибута архангела Михаила, и в качестве метафоры военного могущества царствующей династии известно в русской поэзии конца XVIII в. Г. Р. Державин так соединял в своем стихотворении «На Мальтийский орден» (1798 г.) свидетельство Апокалипсиса (Откр 12: 7–9) с описанием и современных ему, и усматриваемых в достаточно отдаленном будущем военно-политических событий: «Денницу зрели: мудр и славен, / В сияньи возно-сился он, / Рек: “Вышнему я буду равен, / На западе воздвигну трон”. — / Но гибельны пути лукавы... / Кто света царь? кто есть царь славы? / Кто велий Бог? — “Един трисвят”! / Воспела Херувимов сила, / И грозны громаы Михаила / Стремглав коварство свергли в ад» [Державин 1865:

¹⁸ Здесь стоит отметить наиболее известную икону из числа написанных В. Л. Боровиковским и изображающих архангела Михаила [Боровиковский 2009: 50–51, 99, рис. 22, № 18]. Этот образ датируется 1810-ми — первой половиной 1820-х гг. Целый ряд особенностей данного изображения архистратига Божия — наличие в деснице жезла, испускающего молнии, расположение архангела на вершине или склоне какой-то возвышенности (и при этом, по-видимому, на краю некоего ущелья), водное (морское?) пространство на дальнем плане — заставляет предположить отображение на этой иконе агиографического предания о горе Гаргано.

¹⁹ Гром сопровождает действия архистратига Божия и в повествовании о чуде архангела Михаила в Хонах. В данном случае архангел Михаил так избавляет посвященный ему храм от опасности уничтожения речными водами, направленными на него язычниками: «И обращся архистратиг к великому оному камню, иже бе близ олтаря, оудари в него жезлом, егоже име в руке своей, начертая на нем знамение крестное: И абие бысть гром велик, и потрясся земля, и камень той распадеса на двое, и сотворися в камени пропасть велика. [...] ...Святый Михаил велегласно рече к водам: внидите в тесноту сию. И абие потекоша воды в разселину каменную шумяще...» [Книга житий святых 1764: 33об., 6 сентября].

²⁰ Тематические пределы настоящей статьи не дают возможности подробно остановиться здесь на усматривании в молнии некоего проявления Святого Духа, представленном в сочинении Якоба Бёме, которое было хорошо известно российским масонам второй половины XVIII в.: «И пламя света, или молния, светящая мгновенно во всех силах, подобно как солнце во всем мире, это есть Дух Святой; Он исходит из ясности Сына Божия и есть молния и острота...» [Бёме 2016: 152 (VIII: 79), 288 (XV: 70), 444–445 (XXIV: 53)].

223–224, XL]. Очевидно, что выражение «грозны громы Михаила» вызвало у читателя ассоциации с рассмотренными выше преданиями об архангеле Михаиле, однако сам поэт спустя десятилетие иначе разъяснял эти слова: «Сим стихом предвещает стихотворец совершенную победу над Франциею Михаилу Павловичу²¹. Бог только один ведает, сбудется ли это» [Державин 1866: 664, примеч. 64].

Завершая рассмотрение упоминания грома в публикуемом стихотворении И. И. Дмитриева, следует подчеркнуть, что сопряженность молнии и грома с образом архангела Михаила, по всей видимости, имела существенное значение для религиозного восприятия Михайловского замка самим Павлом I. Красноречивым подтверждением этого предположения представляется отказ императора от устройства громоотвода на шпилье замкового храма, который невозможно объяснить теми или иными рациональными соображениями²².

Последующие строки данного стихотворения не содержат каких-либо сложных для понимания выражений. Упоминание царя Соломона и соотнесение с ним монарха-«зиждителя» известно в русских поэтических текстах той поры. С Соломоном могла быть сопоставлена и Екатерина II, начавшая в 1768 г. строительство третьего Исаакиевского храма в Санкт-Петербурге; в соответствующем стихотворении В. Г. Рубана эту российскую императрицу уподобляет третьему израильскому царю Сам Бог — «небес Творец»: «Богато украшал Давидов сын свой храм; / Но вящшу красоту сему Я храму дам. / Тот строил Соломон, а сей Екатерина: / Ему премудростью равна Она едина. / Я паче как его

²¹ Речь идет о последнем сыне Павла I, родившемся 28 января 1798 г. и в самый день своего рождения назначенном, согласно указу императора, фельдцейхмейстером (начальником артиллерии) [Петров 2020б: 155]. Таким образом, выражение «грозны громы Михаила» могло иметь здесь более конкретное значение, связанное с распространенным в русской поэзии той поры использованием слова «гром» в качестве метафоры канонады и т. п. [Словарь 1989: 241]. О новорожденном «громовержце [...] в пеленах» Г. Р. Державин пишет в стихотворении «На рождение великого князя Михаила Павловича» [Державин 1865: 153, XXVII; Державин 1866: 660, примеч. 29–30].

²² Данное решение Павла I нашло отражение в одном из документов конца XVIII в., относящихся к строительной деятельности Российского императорского двора в Санкт-Петербурге и его окрестностях. 18 сентября 1799 г. обер-гофмейстер граф Иван Андреевич Тизенгаузен представил «на Высочайшее усмотрение пять смет о суммах на разные расположенные в Петергофе строения, по коим требуется в отпуск денег...» Завершается этот документ вопросом, связанным со строившейся в ту пору новой императорской резиденцией: «При чем представляет, не благоугодно ли будет Высочайше указать на шпилье [т. е. на шпилье. — Н. П.] церкви Михайловского дворца поставить громоувод?» Отрицательный ответ императора зафиксирован в пометке «неделать», наличествующей на правом поле листа около процитированного вопроса [О военных действиях 1799: 163–163об.]. Это решение Павла I уже привлекало внимание исследователей [Пучков, Хайкина 2004: 61].

теперь люблю Ее, / И удивлю на Ней величие Мое» [Рубан 1770]. Схожее сравнение с Соломоном Павла I, построившего Михайловский замок, представлено в упоминавшемся выше стихотворении П. В. Мещерского: «Рек Бог!.. — И Павел созидает / Чертог, и Храм в нем воздвигает / Всевышнему на похвалы. / Подобясь древню Соломону, / Пылая рвением к закону, / Он дом молитвой освятил» [Мещерский 1800: 4].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что публикуемое стихотворение И. И. Дмитриева не просто дополняет собою массив разнообразных текстов, связанных с Михайловским замком Санкт-Петербурга [Михайловский замок 2003], но и, несмотря на свою краткость, дает возможность предполагать отражение в нем некоторых неизвестных ранее особенностей восприятия этого архитектурного сооружения современниками его основания и строительства.

Сокращенные названия архивов

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота (С.-Петербург).

РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).

Библиография

Источники

Баженов 2001

Василий Иванович Баженов. *Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы*, Москва, 2001.

Бёме 2016

Бёме Я., *Аврора или Утренняя заря в восхождении*, С.-Петербург, 2016.

Георги 1794

Георги И. Г., *Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного*, С.-Петербург, 1794.

Державин 1865

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. II: Стихотворения, ч. II, С.-Петербург, 1865.

— 1866

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. III: Стихотворения, ч. III, С.-Петербург, 1866.

Дмитриев 1796

Дмитриев И. И., *Стихи Его Императорскому Величеству Павлу Первому при восшествии на Всероссийский Престол*, Москва, [1796].

— 1967

Дмитриев И. И., *Полное собрание стихотворений*, Ленинград, 1967.

— 2010

Труды и дни Ивана Дмитриева. Кн. 2: Сочинения и переводы, Москва, Ульяновск, 2010.

Евдокимов 1900

Евдокимов Л. В., *Памятка Михайловского, ныне Инженерного замка. (По документам Архива Главного Инженерного Управления), С.-Петербург, 1900.*

Камер-фурьерский журнал 1797

Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь–март 1797 года, С.-Петербург, 1896.

— 1800

Камер-фурьерский церемониальный журнал. Июль–декабрь 1800 года, С.-Петербург, 1900.

Книга житий святых 1764

Книга житий святых на три месяца первья, еже есть: Септемврий, Октовриy, и Ноемвриy, Киев, 1764.

Комаровский 2012

Записки графа Е. Ф. Комаровского, Москва, 2012.

Майков 1770

Майков В., *Ода Ее Императорскому Величеству Екатерине Второй Императрице и Самодержице Всероссийской, на Взятие Бендер войсками Ее Императорского Величества Под предводительством Генерала Графа Панина. 1770 Года, Сентября дня, С.-Петербург, 1770.*

Массон 1996

Массон Ш., *Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. Наблюдения француза, жившего при дворе, о придворных нравах, демонстрирующие незаурядную наблюдательность и осведомленность автора, Москва, 1996.*

Мещерский 1800

Мещерский, князь, *Стихи Его Императорскому Величеству, Государю Императору Павлу Первому Самодержцу Всероссийскому, на случай освящения церкви в Михайловском замке в присутствии Его Императорского Величества, С.-Петербург, 1800.*

Михайловский замок 2003

Михайловский замок. Страницы биографии памятника в документах и литературе, Москва, 2003.

О военных действиях 1799

О военных действиях союзников против Франции; о судостроении; по перевозке корабельных лесов и мундирных припасов; сведения о личном составе; об определении недорослей в Морской Кадетский корпус и назначению учеников в Училище земляною битою строения; занятию нижних чинов пушечной экзерцицией; о назначении арестантов на работы, 1799 г., РГА ВМФ, ф. 198, оп. 1, д. 27.

Платон (Левшин) 1798

Поучительные слова Преосвященнейшим Платоном, Митрополитом Московским и Калужским и Свято-Троицкой Сергиевы Лавры Священно-Архимандритом, проповеданные в разных местах. Т. XVIII, С.-Петербург, 1798.

Протоколы 1796

Протоколы с дневными журналами Конторы строений Его Императорского Величества домов и садов, октябрь–декабрь 1796 г., РГИА, ф. 470, оп. 5, д. 862.

ПСЗ 1830

Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Т. XXIV: С 6 ноября 1796 по 1798, С.-Петербург, 1830.

Рубан 1770

Рубан В., *Стихи на великолепное здание соборной Исакиевской церкви с приделом храма святых Кира и Иоанна, сооружаемое в Санктпетербурге, Б. м., 1770.*

Санктпетербургские Ведомости 1768

Санктпетербургские Ведомости, 1768, № 69 (26 августа), прибавление.

— 1796

Санктпетербургские Ведомости, 1796, № 95 (25 ноября).

— 1797

Санктпетербургские Ведомости, 1797, № 20 (10 марта).

Сумароков 1787

Сумароков А. П. *Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, изд. 2-е, ч. I*, Москва, 1787.

Титов 1903

Титов А. А., *Дополнение к историческому, географическому и топографическому описанию Санктпетербурга, с 1751 по 1762 год, сочиненное А. Богдановым*, Москва, 1903.

Херасков 1797

Херасков М. М., *Песнь Его Императорскому Величеству, Всемилостивейшему Государю Павлу Петровичу, Самодержцу Всероссийскому, во изъявление всеподданнической благодарности за полученную Высочайшую милость*, Б. м., [1797].

— 1798–1801

Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные, ч. VII, Москва, [1798–1801].

Ястребцов 1800

Ястребцов А., *Ода Его Императорскому Величеству Всемилостивейшему Государю Павлу Первому Императору и Самодержцу Всероссийскому на случай торжественного Освящения Храма во имя Архистратига Михаила в новоотстроенном Михайловском Замке. 1800 года, Ноября 8 дня*, С.-Петербург, 1800.

Литература

Антонов, Кобак 2010

Антонов В. В., Кобак А. В., *Святыни Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов*, С.-Петербург, 2010.

Боровиковский 2009

Владимир Лукич Боровиковский. 1757–1825. Религиозная живопись, С.-Петербург, 2009.

Крумлинг 1994

Крумлинг А. А., *Четырнадцать Миней святого Димитрия Ростовского: очерк истории издания, Филевские чтения*, IX, Москва, 1994, 5–52.

Логачев 1997

Логачев К., *Историко-географический ключ к «Описанию Санктпетербурга» А. И. Богданова, Богданов А. И. Описание Санктпетербурга*, С.-Петербург, 1997, 15–95.

Обухова 1994

Обухова Л. А., *К вопросу об изучении Третьего Летнего деревянного дворца, Тезисы научной конференции «Михайловский замок. История. Коллекции»*, С.-Петербург, 1994, 3–6.

Петров 2020а

Петров Н. И., *Архангел Михаил и император Павел I, Коломенские чтения 2019. Сборник статей*, С.-Петербург, 2020, 131–145.

— 2020б

Петров Н. И., *Императорский культ архангела Михаила в царствование Павла I, Актуальные вопросы церковной науки*, 2020, 2, 153–160.

— 2022

Петров Н. И., *О сакральном характере наименования Михайловского замка в Санкт-Петербурге, Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*, 2022, 39, 181–212.

——— 2023

Петров Н. И., Сакральные архитектурные доминанты Санкт-Петербурга конца XVIII в.: храм Екатерины II и замок Павла I, *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*, 2023, 41, 119–148.

Пучков 2005

Пучков В. В., Комплекс гидротехнических и фортификационных сооружений Михайловского замка, *Страницы истории отечественного искусства. XVI–XXI века*, XI, С.-Петербург, 2005, 154–163.

Пучков, Хайкина 2004

Пучков В. В., Хайкина Л. В., «Hoc opus hic labor est», *Асварищ М. Б., Кальницкая Е. Я., Пучков В. В., Семенов В. А., Французов В. Е., Хайкина Л. В., Михайловский замок, изд. 3-е, расширенное и дополненное*, С.-Петербург, 2004.

Силантьева, Яранцев 2003

Силантьева Н. А., Яранцев В. Н., Летний сад, *Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в трех томах*, I: Осьмнадцатое столетие, I: А–М, С.-Петербург, Москва, 2003, 547–550.

Словарь 1987

Словарь русского языка XVIII века, 3: Век – Воздувать, Ленинград, 1987.

——— 1989

Словарь русского языка XVIII века, 5: Выпить – Грызть, Ленинград, 1989.

——— 1992

Словарь русского языка XVIII века, 7: Древо – Залежь, С.-Петербург, 1992.

Сукайло 2010

Сукайло В. А., *Труды и дни Ивана Дмитриева*, I: Хроника, Москва, Ульяновск, 2010.

Терешкина 2015

Терешкина Д. Б., «Четы-Минеи» и русская словесность Нового времени, Великий Новгород, 2015.

Успенский 1998

Успенский Б. А., *Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление)*, Москва, 1998.

Штелин 1990

Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России, I, Москва, 1990.

References

Antonov V. V., Kobak A. V., *Sviatymi Sankt-Peterburga. Entsiklopediia khristianskikh khramov*, St. Petersburg, 2010.

Kruming A. A., *Chet'i Minei sviatogo Dimitriia Rostovskogo: ocherk istorii izdaniia, Filevskie chteniia*, 9, Moscow, 1994, 5–52.

Logachev K., *Istoriko-geograficheskii kliuch k "Opisaniu Sanktpeterburga"* A. I. Bogdanova, *Bogdanov A. I. Opisanie Sanktpeterburga*, St. Petersburg, 1997, 15–95.

Obukhova L. A., *K voprosu ob izuchenii Tret'ego Letnego dereviannogo dvortsa. Tezisy nauchnoi konferentsii "Mikhailovskii zamok. Istoriia. Kollektii"*, St. Petersburg, 1994, 3–6.

Petrov N. I., *Arkhangel Mikhail i imperator Pavel I. Kolomenskie chteniia 2019. Sbornik statei*, St. Petersburg, 2020, 131–145.

Petrov N. I., The Imperial Cult of Archangel Michael during the Reign of Paul I, *Current Issues of Church Science*, 2020, 2, 153–160.

Petrov N. I., On the Sacral Nature of the Name of St. Michael's Castle in Saint Petersburg, *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2022, 39, 181–212.

Petrov N. I., The Sacral Architectural Dominants at Saint Petersburg of the Late 18th Century: the Cathedral of Catherine II and the Castle of Paul I, *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2023, 41, 119–148.

Puchkov V. V., *Kompleks gidrotekhnicheskikh i fortifikatsionnykh sooruzhenii Mikhailovskogo zamka, Stranitsy istorii otechestvennogo iskusstva. 16–21 veka*, 11, St. Petersburg, 2005, 154–163.

Puchkov V. V., Khaikina L. V., "Hoc opus hic labor est", *Asvarishch M. B., Kalnitskaya E. Ya., Puch-*

kov V. V., Semenov V. A., Frantsuzov V. E., Khaikina L. V., Mikhailovskii zamok, 3rd. ed., St. Petersburg, 2004.

Silantyeva N. A., Yarantsev V. N., Letnii sad, *Tri veka Sankt-Peterburga. Entsiklopediia v trekh tomakh*, I: Os'mnadsatoe stoletie, 1: A–M, St. Petersburg, Moscow, 2003, 547–550.

Sukailo V. A., *Trudy i dni Ivana Dmitrieva*, 1: Khronika, Moscow, Ulyanovsk, 2010.

Tereshkina D. B., "Chet'i-Minei" i russkaia slovesnost' Novogo vremeni, Veliky Novgorod, 2015.

Uspenskij B. A., *Tsar' i patriarkh. Kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie)*, Moscow, 1998.

Николай Игоревич Петров, кандидат исторических наук,
доцент кафедры церковной истории
С.-Петербургской Духовной Академии
191167, С.-Петербург, наб. Обводного канала, д. 17
Россия / Russia
npetrovspb@yandex.ru

Received January 25, 2024

**Заметки об издании
Синайских глаголических
листочков**

[Рец.: EUCHOLOGII SINAITICI
PARS NOVA (monasterii sanctae
Catharinae codex slav. NF 1).
Herausgegeben von H. Miklas,
E. Velkovska, M. Schnitter u.a.
Sofia, 2023. (Glagolitica Sinaitica,
Band IV)]

Татьяна Игоревна Афанасьева

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

**Notes on the Publication
of Sinai Glagolitic
Fragments**

[Rev. of: EUCHOLOGII SINAITICI
PARS NOVA (monasterii sanctae
Catharinae codex slav. NF 1).
Herausgegeben von H. Miklas,
E. Velkovska, M. Schnitter u.a.
Sofia, 2023. (Glagolitica Sinaitica,
Band IV)]

Tatiana I. Afanasyeva

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Рецензия посвящена вышедшему в 2023 г. изданию листков Синайского глаголического евхология XI в., найденных в 1975 г. в библиотеке монастыря св. Екатерины на Синае. Она содержит обзор мнений относительно содержания этих фрагментов и их принадлежности к Синайскому евхологию, разбор взглядов издателей, а также некоторые замечания к ошибкам в публикации.

Ключевые слова

древнеславянское богослужение, глаголические памятники письменности

Цитирование: *Афанасьева Т. И.* Заметки об издании Синайских глаголических листков // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 204–213.

Citation: *Afanasyeva T. I.* (2024) Notes on the Publication of Sinai Glagolitic Fragments. *Slověne*, Vol. 13, № 2, p. 204–213.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.2.08

Abstract

The review observes the 2023 publication of Sinai Glagolitic Fragments from Euchologii Sinaiticus of the 11th century. They were retrieved in 1975 in the library of the St. Catherine monastery on Sinai. The review suggests the observation of opinions on the content of these fragments and their attribution to Euchologii Sinaiticus, the analysis of the views of their publishers, and several notes on the errors of the publication.

Keywords

Old-Slavonic liturgy, ancient Glagolitic manuscripts

*Незабвенной памяти Хайнца Микласа
(† 13.12.2023)*

В 2023 г. вышло долгожданное кириллическое издание фрагментов Синайского глаголического евхология, которые были обнаружены в 1975 г. в монастыре св. Екатерины на Синае. Вклад Х. Микласа в подготовку изданий славянских рукописей Синае, а также в их исследование современными естественнонаучными методами, огромен. Благодаря его усилиям мировое научное сообщество получило много новых сведений, которые подтолкнули к научным интерпретациям и качественно сдвинули состояние исследований как о славянской письменности на Синае, так и о древнейшем этапе богослужения у славян.

Настоящее издание, четвертое по счету, состоит из введения, исследовательской части и издания текста. Во введении излагается история научного изучения листков. Синайские находки 1975 г. начали научно обрабатывать с 1981 г., и первый шаг был сделан М. Альтбауером, указавшим, что среди них есть листы, принадлежавшие Синайскому евхологию¹. И. Шевченко, в руки которого попали несколько фотографий из новонайденных листков, отождествил начальные молитвы с молитвами часов и вечерни греческих евхологиев, а также сделал несколько важных наблюдений о схожести инициалов и размеров листов с Синайским евхологием, с одной стороны, и об отличии в числе строк на странице — с другой [Ševčenko 1982]. Однако полноценное изучение этих фрагментов стало возможным после их описания и фототипической публикации в каталоге И. Тарнанидиса [Tarnanidis 1988: 65–87; 219–247]. Новонайденные листки относились к началу и к концу рукописи: начало содержало службы суточного круга, далее следовали литии и чин великого водосвятия на Богоявление, а в конце читались литургические перикопы из Апостола и Евангелия. Публикация листов вызвала оживленные споры о порядке их следования и об их месте в основном кодексе *Sin. slav.* 37. В результате большого количества рецензий и высказанных в них мнений исследование древнейшего славянского евхология значительно продвинулось вперед.

¹ Доклад «The Second Summer Colloquium on Old Bulgarian Studies» на международной конференции в Софии в 1980 г., тезисы см. [Altbauer 1981: 31–32].

Большая дискуссия была по поводу порядка начальных листов кодекса, поскольку он мог указывать на то, какой тип византийского богослужения практиковался у славян в эпоху первых переводов. В своей фундаментальной работе о литургических особенностях Синайского евхология М. Арранц высказал соображение о том, что в глаголическом кодексе содержится перевод византийского кафедрального евхология с суточными службами песенного последования. Арранц получил издание Тарнанидиса, когда работа над статьей была уже закончена, поэтому он смог прокомментировать его лишь в сносках 117 и 118, в которых он выразил некоторое несогласие с литургическим комментарием автора; в частности, по его мнению, между л. 2 и 3 должны быть полностью все службы песенного последования [Arranz 1988: 73–74]. Годом позже вышла еще одна статья на ту же тему, в которой автор остался при своем мнении [Arranz 1989]. Мысль М. Арранца поддержала М. А. Момина, в своей рецензии она предложила поменять местами первые 4 листа следующим образом: сначала должны идти л. 2, 3 и 4 (с вечерней и утреней), а потом л. 1, на котором записаны конец 3-го и 6-й часы. Именно такой порядок следования имеют все древние греческие евхологии, в них часы всегда следуют за утреней и никогда не записываются перед вечерней [Момина 1991: 142–143]. Независимо от Моминой такое же мнение высказал Г. Минчев [Минчев 1993: 21–36]. Однако исследование Е. Велковской подтвердило правильность версии И. Тарнанидиса, поскольку среди начальных листов есть два бифолия л. 1–2 и 3–4, которые принадлежали разным тетрадам. Нахождение на одном бифолии молитв часов и вечерни, а на втором — вечерни и утрени стало неоспоримым аргументом в пользу только одного возможного варианта сложения листов, который соответствует предложенному Тарнанидисом. Кроме того, между вечерней и утреней, скорее всего, была еще одна служба, поскольку на окончание вечерни не потребовалось бы двух утраченных листов, которые были в данной тетради. Этой службой, по мнению Велковской, могла быть панихида. Поэтому основной вывод Велковской состоял в том, что Синайский евхологий содержал неполный кафедральный чин служб суточного круга и был предназначен для монастырского богослужения [Велковска 2000].

В основе рецензируемого издания лежит версия Тарнанидиса-Велковской, и мы вынуждены и далее искать объяснения, с чем связан такой необычный порядок суточных служб в Синайском евхологии, не совпадающий с византийской традицией: часы, вечерня, панихида (?) и утренняя. И. Шевченко обратил внимание на то, что ранние греческие евхологии начинаются с вечерни и переходят к часам, в то время как последовательность в ранних греческих орологиях иная: там часы предшествуют вечерне, как и в Синайских фрагментах, что, возможно, говорит об их принадлежности к другой богослужебной книге [Ševčenko 1982: 139–140]. Однако с таким положением трудно согласиться, поскольку в древнейших византийских часословах на суточных службах не было вообще никаких молитв, они находились только в евхологиях, значит, Синайские листки, содержащие молитвы, могли относиться только к последнему. В древнеболгарском часослове — Часовнике, который реконструируется на основании трех древнерусских списков, мы видим такое же странное расположение часов, и порядок следования суточных служб здесь также не совпадает с греческим прототипами: сначала идет вечерня, потом часы с изобразительными, а далее утренняя и повечерие [Андреев,

Афанасьева 2023: 107–108]. Нарушения хронологии в следовании суточных служб в Синайском евхологии и в древнеболгарском Часовнике, возможно, имеют общие корни, однако этот вопрос еще требует тщательного исследования и объяснения.

Значительно изменились мнения о составе Синайского евхология. Среди новых находок 1975 г. обнаружилась очень плохо сохранившаяся рукопись из 80 листов, описанная Тарнанидисом как миссал 5/N, поскольку в ней фигурируют латинские литургические термины «префациѣ» и «мъша». В рукописи выявлено три почерка, причем первый очень близок Синайскому евхологию, а второй — Киевским глаголическим листкам, также происходившим с Синая [Tarnanidis 1988: 103–108]. Предположение, что в рукописи 5/N содержится не миссал, а литургия св. Петра, впервые было выдвинуто Й. Схакеном, который привел целый ряд совпадений текста миссала с фрагментами славянской литургии Петра, опираясь на фундаментальное исследование Й. Вашицы [Vašica 1939–1946]. Схакен указал также на целый ряд литургических терминов, связанных с греческой традицией, а не латинской: «служьба», «по брашьници», «по общении» вместо «по всждѣ» в Киевских листках [Schaecken 1989]. Мнение Схакена подхватил Р. Матъесен и в своей рецензии на издание Тарнанидиса выдвинул гипотезу о том, что Синайский евхологий состоял не из двух частей (старой и новой), как считалось ранее, а из трех, и в последнюю входил кодекс 5/N [Mathiesen 1991: 194–196]. Несколько позже, независимо от Схакена, мнение о наличии в 5/N литургии св. Петра было высказано С. Паренти, сопоставившим славянские параллели с изданиями греческой литургии Петра, а также отождествившем в рукописи несколько заамвонных молитв, свойственных византийскому богослужению. Древнейший список литургии св. Петра относится к IX–X в. и происходит из южной Италии, и славянская версия ближе всего именно к этой рукописи [Паренти 1994]. Если ранее в славистике доминировало мнение, что объединение западных и восточных литургических единиц — это особенности моравского богослужения, то теперь это явление можно связать с итало-греческой традицией, хотя о славянском богослужении в этих регионах ничего не известно. Через некоторое время И. Тарнанидис признал, что наряду с западными образцами чинопоследований и молитв в кодексе 5/N содержатся службы Восточной церкви. Он предположил, что греческая литургия св. Петра могла быть известна Кириллу и Мефодию, поскольку Солунь до середины VIII в. была под папским протектором. Но славянский перевод был осуществлен позднее Климентом Охридским в знак уважения и продолжения традиции, созданной в Моравии. Намек на это содержится в Житии Мефодия, в котором упоминается *стѣго петра мъши* [Тарнанидис 2002: 214–215].

Синайский евхологий, таким образом, изначально мог состоять из трех частей, которые в настоящее время представляют собой разрозненные рукописи. Первая часть — это листки Крылова-Успенского, вывезенные с Синая и хранящиеся в Санкт-Петербурге в разных хранилищах: Библиотеке академии наук (24.4.8) и Российской национальной библиотеке (Глаг. 2). Это было начало кодекса, которое включало литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого [Срезневский 1863; Афанасьева 2005]. Вторая часть — это синайская рукопись 5/N, содержащая ряд месс святым и литургию апостола Петра, после которых

следовали 34 заамвонных молитвы [Афанасьева 2011: 67–68]. Третья часть — это сам Синайский евхологий, открывающийся службами суточного круга, литиями и чином Великого водосвятия (1/N, л. 1–12v) и продолжающийся в основной части требника (*Sin. slav. 37*; РНБ, *Глаг. 3*), за которой следуют новозаветные перикопы для чтения за литургией (1/N, л. 13–28v). Важно отметить, что листы 13–20. в 1/N, как установил С. Паренти, оказались заключительной частью серии чтений над новопостриженным монахом, которые находятся в самом конце кодекса *Sin. slav. 37* (л.105об.–106об.) [Parenti 2011: 55–60]. Единство Синайского евхология с 1/N сейчас уже не вызывает никаких сомнений, поскольку чин водосвятия и чтения после пострига начинаются в одной части рукописи и продолжают в другой.

Что касается других предполагаемых частей кодекса, то авторы издания не присоединяются к мнению Матъесена и считают, что Синайский евхологий (третья часть) и Синайский литургиарий (первая и вторая части) при всей своей близости почерков и орфографических особенностей все же были разными рукописями и литургиарий написан несколько позже евхология (с. 28, 72, 74). В литургиарии есть подсказка к его датировке — это упоминание некоего Алигерна, с которым можно связать известного игумена монастыря Монтекассино в 949–986 гг., что можно рассматривать как верхнюю границу датировки. В евхологии сохраняется гораздо более ранний слой, к которому относится Сант-Эммерамская молитва, составленная не позднее IX в. (с. 28) Впрочем, издатели не настаивают на выдвинутом предположении и считают, что определить связь трех частей глаголического евхология — задача будущих исследований (с. 28).

Издатели правы в том, что у нас еще слишком мало данных для определенных выводов. Необходимо сначала исследовать и издать саму рукопись 5/N, описать ее начерки, орфографию и систему иллюминации, что невероятно сложно ввиду плохой сохранности. Не следует также забывать, что проблема принадлежности Петербургских листков к Синайскому евхологию активно обсуждалась и имела множество сторонников (см., например, обзор литературы [Frček 1933: 611–617]), что отразилось в двух изданиях памятника [Frček 1933–1939; Nahtigal 1941–1942]. Необходимо также дать более внятные объяснения по поводу второго почерка рукописи 5/N, который, по мнению Тарнанидиса, близок к Киевским глаголическим листкам. Язык последних относится к западному изводу старославянской письменности со специфическим рефлексом *dj > з, *tj > ц и с полным сохранением редуцированных, а в 5/N мы ничего подобного не наблюдаем. Тарнанидис считал, что это противоречие можно объяснить тем, что перед нами южнославянская копия какого-то моравского текста [Tarnanidis 1988: 107], но почерк копииста не может совпадать с почерком оригинала, который он переписывает. Кроме того, наличие древних молитв в поздних списках — весьма распространенное явление, поэтому присутствие Сант-Эммерамской молитвы не может быть надежным аргументом в пользу более ранней датировки Синайского евхология в сравнении с Синайским литургиарием.

Несомненным достижением рецензируемого издания является нахождение и публикация греческих оригиналов к молитвам новых листков Синайского евхология (л. 1–12), осуществленное Еленой Велковской (с. 135–168). Было привлечено пятнадцать византийских евхологиев раннего периода. Для служб

суточного круга оказалось достаточно данных древнейшего кодекса *Barb. gr. 336* VIII в., пропущенные в нем некоторые молитвы восстанавливаются по рукописи X в. РГБ, *Сев. 474*. Это свидетельствует о том, что оригиналом для славянского перевода были молитвы, распространенные в суточных службах большинства древних евхологиев. Текстовые разночтения с греческими списками минимальны, и все они прокомментированы в примечаниях. Что касается литий, следующих за службами суточного круга с л. 5, то греческие параллели им находятся не во всех списках, а лишь в некоторых, и эти тексты имеют варианты по рукописям. Чин освящения воды на Богоявление во многом соответствует последованию в *Г.β.IV X* в., отдельные прошения восстанавливаются по *Barb. gr. 336* и ряду греческих рукописей, незначительные расхождения между славянским источником и греческими вариантами подробно комментируются. Однако представляется несколько странным, что в разделе греческих параллелей не приведены оригиналы седмичных новозаветных чтений над монахом после принятия им пострига, ведь подобная коллекция перикоп известна после чина схимы в древнейшем греческом евхологии *Barb. gr. 336*, f. 239–241 [Parenti 2011: 55–60]. Их публикация сделала бы издание более полным.

Далее в издании на л. 21–22 следуют серия новозаветных перикоп для различных служб — за усопших и за больных, а на л. 22об.–28 записаны месяцесловные чтения на различные праздники: на Рождество Христово, Богоявление, память 40 севастиийских мучеников и Благовещение; заканчивается цикл пасхальной перикопой из Деяний апостолов (л. 28об.). А. А. Алексеев первый обратил внимание на то, что в евангельском чтении на вторник отсутствуют стихи 5–8, и точно такой же пропуск имеется в перикопе кириллической Саввиной книги. Кроме того, в листках и в Саввиной книге совпадают лексические варианты молитвы «Отче наш». Эти наблюдения привели Алексева к выводу о влиянии восточноболгарской традиции на новозаветную компиляцию Синайского евхология, а значит, она не восходит к кирилло-мефодиевской эпохе, как считал Тарнанидис [Алексеев 1988: 195]. Точно такое же мнение высказала независимо от Алексева Э. Благова. Она указала на то, что в старославянских евангелиях перикопы Мф 15:21–28 и Лк 11:1–5 имеются лишь в Саввиной книге, а также обратила внимание на близость языка перевода входящей в эти перикопы молитвы «Отче наш» [Bláhová 1989: 67–68]. Отметим, что влияние восточноболгарской традиции свидетельствует о более позднем происхождении Синайского евхология, что не во всем согласуется с выводами издателей относительно его более раннего происхождения, чем литургиария (см. выше).

В кириллической транскрипции перикопы из Св. Писания Синайских листков были опубликованы М. Бэккером ранее рецензируемого издания. В своем кратком заключении о месте листков в традиции Евангелия и Апостола Бэккер говорит о большом числе вторичных чтений листков из Синайского евхология, а также о том, что его антиграфом скорее всего был лекционарий, который уже имел отклонения от того лекционария, который был составлен в начале славянской письменности [Bakker 1994]. Таким образом, Бэккер также выступил против гипотезы Тарнанидиса о том, что подборка чтений из Апостола и Евангелия является специальной компиляцией Кирилла и Мефодия для их миссионерской работы в Моравии. Он, независимо от Алексева и Благовой, тоже подтвердил

их гипотезу о более позднем происхождении текстов из Св. Писания в Синайских листках. Что касается самого издания, то читателю предлагался некий несуществующий текст с чтениями, взятыми из других рукописей, которые автор считает правильными. Таковую публикацию трудно назвать изданием текста по рукописи, и пользоваться ею как воспроизведением новозаветных перикоп в новонайденных Синайских листках невозможно. Рецензируемое издание успешно исправляет эту ошибку и вполне соответствует требованиям исследователей. Здесь тщательно передаются все особенности написаний рукописи, включая интерпункцию и надстрочные знаки.

Хотелось бы отметить ряд ошибок и недочетов в публикации текста, что, к сожалению, неизбежно бывает у каждого издания. Это, возможно, поможет будущим читателям пользоваться опубликованным текстом.

л. 2г.18 — издатели реконструируют чтение $вс\{\text{Ѡ}\}$, однако в данном контексте лучше выбрать форму сред. рода множ. числа $вс\{\text{Ѹ}\}$, поскольку в греческом ему соответствует форма $\tau\acute{\alpha}\ \sigma\acute{\upsilon}\mu\lambda\alpha\nu\tau\alpha$. На л. 1v.20 приводится схожая конструкция $\omega\{\text{дрѣж}\}\text{Ѡи}\ \text{всѣчьскаа}$, где выбрана именно форма сред. рода множ. числа.

л. 2v.14 — $\text{тѣиѠи}\{\text{Ѹ}\}\ \{\text{прѠиѸ}\}\text{шлениѠи}\{\text{Ѹ}\}$. Утраченный $Ѹ$ в первом слове все-таки лучше реконструировать как $Ѹ$, поскольку его начальная часть видна на снимке.

л. 3г.13 — реконструкция формы $\{\text{грѣхѸѸ}\}$ невозможна для старославянских текстов, так как это поздняя русская форма, должно быть $\{\text{грѣсѣхѸ}\}$.

л. 3v.13–14 — реконструкция $\{\text{всѣкого}\ \text{в}\}\{\text{раг}\}\{\text{Ѡ}\}\ \text{отѣ}\ \text{всего}\ \text{про}\{\text{тивныѸ}\ \text{дѣѸи}\}\ \{\text{и}\}\{\text{Ѹ}\}$, на наш взгляд, содержит две ошибки, которые предлагается исправить так: $всѣкого$ (юс малый в данном слове характерен только для древнерусского извода) и противныѠаго для правильного согласования по роду. Ту же ошибку, связанную с передачей $Ѹ$ как $Ѡ$, находим на л. 13г.21 — $[\text{всѣкѸѸ}]$. Ее же видим на л. 4г.1: в реконструкции $\{\text{кланѠ}\}\text{ти}\ \text{сѠ}$ не должно быть юса малого, следует исправить на $\text{кланѸѸти}\ \text{сѠ}$, как, например, в строке 14 на том же листе. Отметим и другую ошибку русского извода в реконструкции на л. 20г.24 — $\text{въ}\ \text{жизнѸѸ}\ \text{вѣчь}\{\text{ноуѸ}\}$, должно быть $\text{вѣчь}\{\text{нѠѠѸ}\}$.

л. 3v.16 — в реконструкции $\{\text{похотинѸѸѸ}\}$ опечатка, должно быть похотѸнѸѸѸѸ .

л. 9v.1 — в реконструкции $\{\text{грѣхѸ}\}$ лучше передать последний гласный как $Ѹї$, поскольку это норма для данного памятника. Так сделано в реконструкции пассажей на л. 3v.16, но в 3v.14 приведен $Ѹ$, то же в 13v.13, в 18г.6 и на 20г.17–18.

л. 10г.2–3 — в фигурных скобках $\text{прѠвѣ}\{\text{д. Ѡи}\}\{\text{ѠлинѸ}\}$ ти можно было бы вполне надежно реконструировать форму аориста прѠвѣдѣ .

л. 13v.21 — в реконструкции $\text{глѠѸшѸта}\ \text{ѣ}\text{ноуѸ}$ почему-то восстановлен диграф штѸ , а не буква Ѹ , свойственная рукописи. В других реконструкциях стоит Ѹ , а не штѸ , см. например, 3v.10, 4г.10, 4г.12.

л. 22г.24 — *отати хлѡва отъ чадъ* — ошибка в передаче глаголического *а*, должно быть *хлѡка*.

л. 23г.2 — опечатка и пропуск *ц* в слове *нюдѣѣи*.

Замеченные недочеты ничуть не снижают ценности нового издания. Оно дает возможность дальнейшего изучения Синайского евхология как памятника старославянского языка, так и как памятника ранней славянской литургии. Хочется надеяться, что ученики и коллеги покойного Хайнца Микласа продолжат его работу и представят научному сообществу издания других памятников синайской глаголической письменности.

Библиография

Алексеев 1988

Алексеев А. А., [Рец.] Tarnanidis I. The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988, *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1988, 35, 190–197.

Андреев, Афанасьева 2023

Андреев А. А., Афанасьева Т. И., К истории древнеболгарского Часослова, *Scripta & e-Scripta*, 2023, 23, 105–134.

Афанасьева 2005

Афанасьева Т., К вопросу о порядке следования и составе Синайского глаголического служебника XI в., *Palaeobulgarica*, 2005, 3, 17–35.

— 2011

Афанасьева Т. И., Заамвонные молитвы в Синайском глаголическом миссале XI в. и в славянских служебниках XIII–XV вв., *Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 9*, 2011, 3, 65–76.

Велковска 2000

Велковска Е., Денонощното богослужение в Синайския евхологий, *Palaeobulgarica*, 2000, 4, 19–34.

Минчев 1993

Минчев Г., Мястото на новооткритите листове от Синайския евхологий сред другите текстове от ръкописа. Филологически и литургически анализ на молитвите от денонощния богослужбен цикъл (*Ἀσμηατικὴ ἐκχολουθία*), *Palaeobulgarica*, 1993, 1, 21–36.

Момина 1991

Момина М. А., [Рец.] Tarnanidis I. The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988, *Вопросы языкознания*, 1991, 6, 141–148.

Паренти 1994

Паренти С., Глаголический список римско-византийской литургии св. Петра, *Palaeobulgarica*, 1994, 4, 3–14.

Срезневский 1863

Срезневский И. И., Отрывки из древнего глаголического служебника, *Записки Императорской Академии наук*, 1863, 6, 1, 22–44.

Тарнанидис 2002

Тарнанидис Й., Литургията на свети Петър по Синайския ръкопис № 5N, *Средновековна християнска Европа: Изток и Запад. Ценности, традиции, общуване*, София, 2002, 213–219.

Altbauer 1981

Altbauer M., The Newly Discovered Slavic MSS on Mt. Sinai, *Polata knjigopisnaja*, 1981, 5, 31–32.

Arranz 1988

Arranz M., La liturgie de l'eucologe slave du Sinaï, *Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius (Acts of the International Congress held on the Eleventh Centenary of the Death of St. Methodius), Rome, October 8–11 1985* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 231), Roma, 1988, 15–74.

Arranz 1989

Arranz M., La liturgie slave du IX siècle d'après l'eucologe slave du Sinaï, *Международен симпозиум 1100 години от блажената кончина на св. Методиј*, 2, София, 1989, 316–340.

Bakker 1994

Bakker M., The New Testament Lectons in the Euchologium Sinaiticum, *Polata knjigopisnaja*, 1994, 25–26, 155–212.

Bláhová 1989

Bláhová E., [Rez.] Tarnanidis I. The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai, Thessaloniki, 1988, *Byzantinoslavica*, 1989, 50, 64–68.

Frček 1933–1939

Frček J., Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française, *Patrologia Orientalis*, 1933, 24, fasc. 5, 1939, 25, 3.

Mathiesen 1991

Mathiesen R., New Old Church Slavonic Manuscripts on Mount Sinai, *Harvard Ukrainian Studies*, 1991, 15, 192–199.

Nahtigal 1941–1942

Nahtigal R., *Euchologium Sinaiticum. Starocerkvenoslovanski spomenik*, 1–2, Ljubljana, 1941–1942,

Parenti 2011

Parenti S., Ο κύκλος των καθημερινών περικοπών στο σλαβικό ευχολόγιο του Σινά, *Σπαράγματα Βυζαντινοσλαβικής κληρονομίας*, Αθήνη, 2011, 55–61.

Schaeken 1989

Schaeken J., Vorläufige Bemerkungen zum neuentdeckten glagolitischen Missale Sinaiticum, *Die Welt der Slaven*, 1989, 34, 32–40.

Ševčenko 1982

Ševčenko I., Report on the Glagolitic Fragments (of the Euchologium Sinaiticum?) Discovered on Sinai in 1975 and Some Thoughts on the Model for the Make-up of the Earliest Glagolitic Manuscripts, *Harvard Ukrainian Studies*, 1982, 6/2, 119–159.

Tarnanidis 1988

Tarnanidis I., *The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai*, Thessaloniki, 1988.

Vašica 1939–1946

Vašica J., Slavanská liturgie sv. Petra, *Byzantinoslavica*, 1939–1946, 8, 1–54.

References

Afanasyeva T. I., On the Sequence of the Folia and the Content of the Glagolitic Sinaisky Služebnik from the 11th Century, *Palaeobulgarica*, 2005, 3, 17–35.

Afanasyeva T. I., Prayer before the Ambon in the Sinai Glagolitic Missal of XI Century and in Slavonic

Sluzhebniks of XIII–XV Centuries, St. Petersburg University Bulletin. Series 9, 2011, 3, 65–76.

Alekseev A. A., [Rev.] Tarnanidis I. The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988, *In-*

ternational Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1988, 35, 190–197.

Altbauer M., The Newly Discovered Slavic MSS on Mt. Sinai, *Polata knjigopisnaja*, 1981, 5, 31–32.

Andreev A. A., Afanasyeva T. I., Toward the History of the Early Bulgarian Horologion, *Scripta & e-Scripta*, 2023, 23, 105–134.

Arranz M., La liturgie de l'eucologe slave du Sinai, *Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius (Acts of the International Congress held on the Eleventh Centenary of the Death of St. Methodius), Rome, October 8–11 1985* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 231), Roma, 1988, 15–74.

Bakker M., The New Testament Lections in the Euchologium Sinaiticum, *Polata knjigopisnaja*, 1994, 25–26, 155–212.

Bláhová E., [Rez.] Tarnanidis I. The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai, Thessaloniki, 1988, *Byzantinoslavica*, 1989, 50, 64–68.

Mathiesen R., New Old Church Slavonic Manuscripts on Mount Sinai, *Harvard Ukrainian Studies*, 1991, 15, 192–199.

Minčev G., The Place of the Newly Discovered Sheets of the Euchologium Sinaiticum Among the Other Texts of the Manuscript. Philological and Liturgical Analysis of the Prayers of the Liturgy of the Hours (Hsmatike akolouthia), *Palaeobulgarica*, 1993, 1, 21–36.

Momina M. A., [Rev.] Tarnanidis I. The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988, *Vo-prosy jazykoznanija*, 1991, 6, 141–148.

Nahtigal R., *Euchologium Sinaiticum. Starocerkvenoslovanski spomenik*, 1–2, Ljubljana, 1941–1942.

Parenti S., Glagolitic Formulary of the Italo-Byzantine Liturgy of St. Peter, *Palaeobulgarica*, 1994, 4, 3–14.

Parenti S., O kyklos ton katherimeron perikopoi sto slabiko euhologio tou Sina, *Sparagmata Byzantinoslavikos kleronomias*, Athens, 2011, 55–61.

Schaecken J., Vorläufige Bemerkungen zum neu entdeckten glagolitischen Missale Sinaiticum, *Die Welt der Slaven*, 1989, 34, 32–40.

Ševčenko I., Report on the Glagolitic Fragments (of the Euchologium Sinaiticum?) Discovered on Sinai in 1975 and Some Thoughts on the Model for the Make-up of the Earliest Glagolitic Manuscripts, *Harvard Ukrainian Studies*, 1982, 6/2, 119–159.

Tarnanidis I., Liturgiata na sveti Petur po Sinaiskii rukopis № 5N, *Srednovekovna khristianska Evropa: Iztok i Zapad. Tsennosti, traditsii, obshtuvane*, Sofia, 2002, 213–219.

Tarnanidis I., *The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai*, Thessaloniki, 1988.

Velkovska E., The Liturgy of the Hours in the Slavonic Euchologium Sinaiticum, *Palaeobulgarica*, 2000, 4, 19–34.

Татьяна Игоревна Афанасьева, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русского языка РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
t.i.afanasyeva@gmail.com

Received June 14, 2024

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВЪНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 13. № 1

Институт славяноведения РАН, 2024

Подписано в печать 19 • XII • 2024 г. Формат 70 × 100/16.
Объем 14 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119334, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.